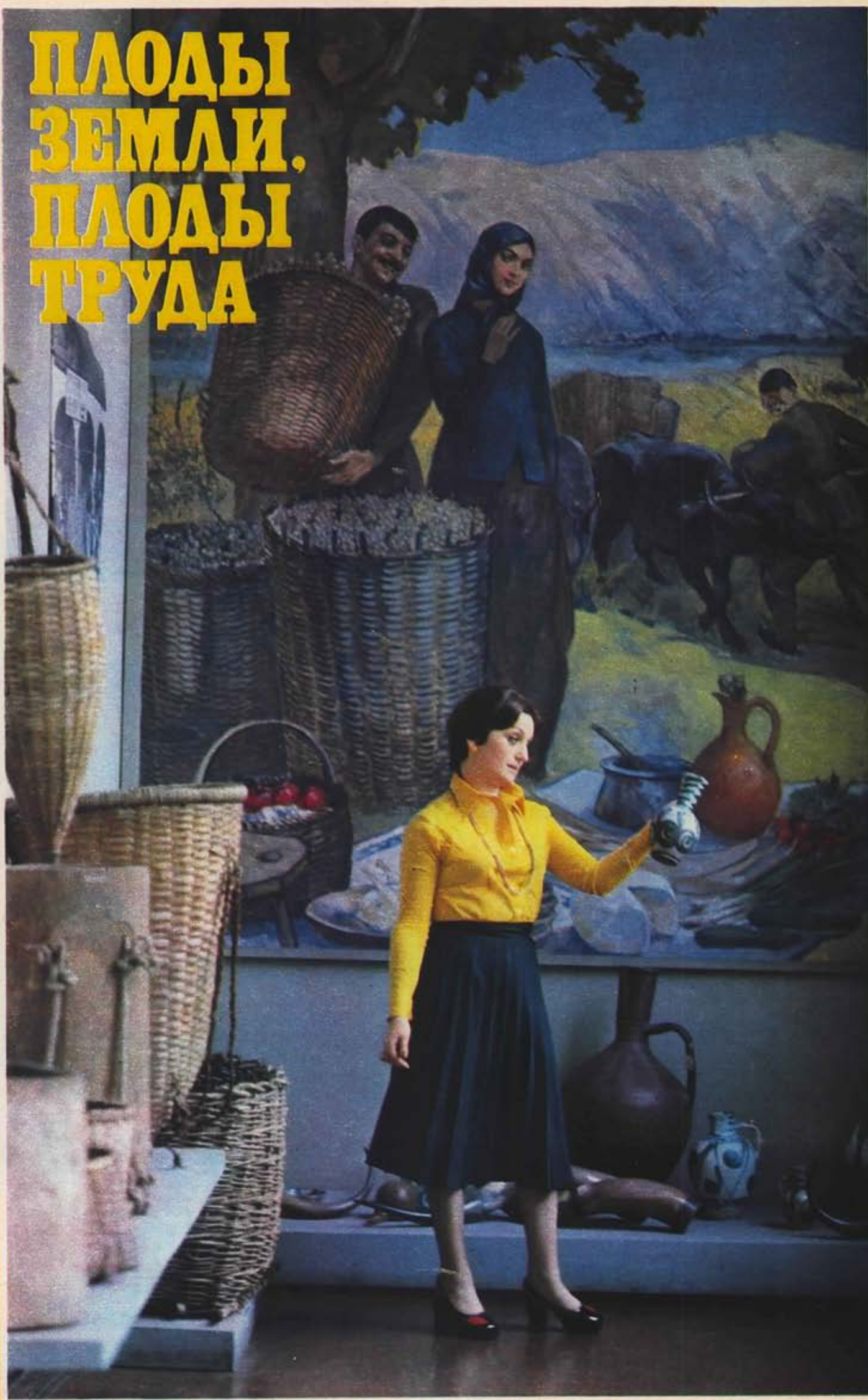

ПЛОДЫ ЗЕМЛИ. ПЛОДЫ ТРУДА

ISSN 0131-6656

№ 13 июль 1982

СМЕТС

ПОСТОЯНСТВО

Александр БОНДАРЬ,
бригадир
комсомольско-молодежной бригады
монтеров пути СМП-581,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Ваня Машков грипповал, но утром, как обычно, пришел к «автобусу» — обычному грузовику, в кузове которого мы соорудили передвижную бытовку.

— На работе я быстрее поправлюсь, — просительно сказал он.

В принципе я был согласен с ним, но рисковать его здоровьем в такую погоду не хотелось.

Люблю я дождь. Летний, быстрый, крупный, когда тяжелые капли бьют по брезентовой куртке, как пули. А сегодня майский день похож на осенний. Целый день сочится слякоть из выцветшего за зиму неба. И работа нынче под стать погоде — однообразная, тяжелая: разгружаем вагоны со щебнем. Укладывать рельсы или рубить просеку вовсе не легче, но значительно веселее: все время продвигаешься вперед. Иногда кажется, что подобная оценка идет от характера: никогда не любил стоять на месте. Но думаю, что в бригаде многие со мной согласятся, хотя у нас что ни человек, то характер. И работу — люблю! — каждый выполняет, как говорится, на совесть. Хотя бы с этой же щебенкой! Чем больше ее, тем лучше — открывается новый фронт работ. А через день-другой, глядишь, придут рельсовые звенья, и поведем мы свою дорогу дальше.

После обеда у нашей разгрузочной площадки появился Ваня Машков. В ответ на мой удивленный взгляд он

протянул мне телеграфный бланк с текстом, написанным от руки. По голубому мокрому листку растекались фиолетовые буквы: «Приглашаем на открытие станции Хани тчк Варшавский».

Бригада монтеров пути, которой руководит Иван Варшавский, за неделю до открытия XIX съезда ВЛКСМ выполнила свои предсъездовские обязательства и уложила последние метры железной дороги на территории Амурской области. БАМ теперь продолжается в Читинской области.

— Мы свои обязательства еще раньше выполнили, — напомнил Володя Снегов, — однако приглашений на торжества по этому поводу не рассылали.

— У них же достижения посолднее: все-таки границу двух областей пересекли, — оборвал я и подумал, что мне очень бы хотелось съездить на эту новую станцию Хани, посмотреть, как работают наши друзья-соперники, и понимать, что никакой поездки не получится. Самим надо идти все дальше и дальше.

Перед пуском поезда до Звездного, перед открытием движения до Небеля, Нии, Кунермы и я и ребята из нашей бригады получали и приглашения на торжества и звания почетных пассажиров, а поезда на станции, построенные нашей бригадой, приходили без нас. Мы уже были впереди.

Вечером мы репетировали в красном уголке сцены из «Утиной охоты» Александра Вампилова. Режиссер народного театра «Молодая гвардия»

МАЛЕНЬКИЙ ПЕРЕРЫВ НА БОЛЬШОМ ПУТИ ОТ БАЙКАЛА ДО АМУРА.

Анатолий Байков без конца останавливал самодельных актеров, заставлял снова и снова повторять одни и те же жесты и фразы и демонстративно вздыхал.

Действительно, репетиция шла как-то вяло, без того огонька, с которым обычно идут наши спектакли. И мне самому хотелось только одного: спать, спать. Позади у бригады тяжелый рабочий день; почти десять часов провели мы на трассе. Один за другим (повезло!) шли копры — специальные вагоны для перевозки щебня, — и мы разгружали их и тут же подбивали под шпалы и рельсы — балластировали путь. Попробовал объяснить это режиссеру, а он, долго работавший в нашей бригаде, сам познавший тяжесть труда и на трассе и на просеке, неожиданно взорвался: «Если бригада выкладывается на путях, почему она не может отдавать все силы и на сцене? В искусстве нельзя быть равнодушным!» Я тоже разозлился и хотел объяснить ему разницу между физической усталостью и равнодушием, но не успел. В приоткрывшейся двери показалась огненная грива Жени Рапопорта.

— Хлопцы, повезло! Еще целый состав подали.

— Разгрузите утром, — объявил режиссер, — сейчас репетиция.

— Ночью морозик обещали, — напомнил Женя. Щебень с карьера при-

ВО

РЕШЕНИЯ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ- В ЖИЗНЬ!

«Из этого кремлевского зала уходили первые комсомольские отряды на сооружение БАМа. За ними шли новые и новые добровольцы. Докладываем делегатам: решения XVIII съезда комсомола успешно выполняются. На трассе работает сплоченный многонациональный коллектив, ядро которого составляют посланцы Ленинского комсомола».

Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ
XIX съезду комсомола.

У КАЖДОГО ИЗ МОНТЕРОВ ПУТИ — ДЕСЯТКИ ПРОФЕССИИ.

И С КАЖДЫМ ЗВЕНОМ МАГИСТРАЛЬ СТАНОВИТСЯ ДЛИННЕЕ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

**ВАНЯ БОНДАРЬ—
РОВЕСНИК КИЧЕРЫ.**

ходит к нам мокрым, и, если прихватит мороз, придется потом выбивать его из вагонов ломом. Режиссер первым начал натягивать пальто, первым же с лопатой в руках взобрался и на гору щебня.

Закончили разгрузку слишком поздно, чтобы думать о продолжении репетиции. Но Байков был почему-то доволен, улыбался: «Не забыл я еще, как с лопатой управлялся?! В любом деле, если хочешь достичь желанного результата, надо выкладываться полностью. И в погрузке-разгрузке и в искусстве». Тут я с ним был полностью согласен, только подумал, что выкладываться человеку легче, если рядом с ним живут и работают настоящие друзья, на помощь и поддержку которых он может всегда рассчитывать. Я уверен в своих товарищах по бригаде. И по театру. Впрочем, разделять эти коллективы невозможно: в составе театра вся бригада и наши жены.

Помню, во многих газетах появилась фотография, сделанная 3 мая 1974 года, в звездные часы Звездного. В гуще тайги стоит одинокая палатка, на полотне которой девушка выводит надпись: «Вот мы и дома!» С тех пор БАМ для большинства нашей бригады действительно стал домом, а девушка, написавшая на палатке такие близкие нам слова—боец отряда имени XVII съезда ВЛКСМ Антонина Голянова,—является комиссаром нашего комсомольско-молодежного коллектива монтеров пути.

За это время мы прошли по трассе магистрали от Усть-Кута до Кичеры, от нулевого пикета до 404-го километра. Поезда здесь ходят уже давно, хотя еще не на всех участках они развивают настоящую скорость. Но при желании можно доехать до Звездного за половину суток, в памяти туда возвращаешься за семь лет или даже за десять.

В 1971 году я окончил Винницкий железнодорожный техникум и по распределению приехал в Иркутскую область, как раз на станцию Лена, ставшую ныне истоком Байкало-Амурской магистрали. Поработал тогда недолго—призвали в армию. После демобилизации работал в Киеве, в проектной организации, по вечерам учился в институте инженеров железнодорожного транспорта. Жизнь была устойчивой, налаженной и весьма определенной в будущем. Честно говоря, меня никуда и не тянуло из Киева, но когда в комитете комсомола сказали о БАМе, почему-то сразу же вспомнился Усть-Кут и не отработанные мной годы по распределению. Долги надо платить всегда. Я еще не догадывался, что эти «долги» станут долгом, школой и судьбой.

Назначили меня вначале мастером. Должность была знакомая, а люди—нет. Поэтому и посчитал необходимым в первую очередь познакомиться с людьми. А так как с жильем у нас оказалось туговато, то мне проще было переходить из палатки в палат-

годы мы потеряли только двух человек: неплохие в принципе ребята, они в какой-то момент попытались противопоставить себя коллективу, посчитали себя лучше других и, как неудачный трансплантат, были отторгнуты из живого организма бригады. Магистраль они не покинули, работают рядом. Мы иногда встречаемся, но уже как дальние-дальние родственники: ни в какой семье не прощают измены.

С утра до вечера мы работали на трассе, морозы с жутким постоянством держались у пятидесятиградусной отметки, через каждые полчаса ребята менялись на рабочих местах и бежали в вагончик отогреваться. Инструменты отогревали чаще: сталь менее людей приспособлена к морозам. После такой работы, казалось, нельзя

традиционным вопросом: «Мы где-то встречались?»

И, к моей радости, мы действительно встречались. На самой первой свадьбе в Звездном, когда поженились наши друзья Татьяна и Виктор Ионовы. Мы даже вместе были свидетелями на той свадьбе: Люба специально приезжала из Саранска, где заканчивала Мордовский университет. Звездный ей так понравился, что, получив диплом, она тотчас же возвратилась на БАМ. Работы по специальности ей сразу не нашлось, и она устроилась маляром, узнала о существовании театра «Молодая гвардия»—пришла на сцену. Я так благодарен той крошечной сцене в клубе Звездного, где мы под строгим взглядом режиссера вспоминали с Любой первую свадьбу на строительстве магистрали. Вскоре мы сыграли и свою. В Звездном родилась наша Наташа, которая только закончила первый класс, но уже сейчас «готовится в учительницы» и старательно воспитывает трехлетнего брата Ивана, родившегося в Кичере.

В этот поселок, тогда еще существовавший только на кальках проектировщиков, наша бригада попала не совсем обычным путем.

На западном участке магистрали мы работали в тресте «Ленабамстрой», вели рельсы до Звездного и Небеля, Нии и Кунермы. Когда стальное полотно перешагнуло границу Бурятской АССР, где уже находились владения треста «Нижнеангарстрой», нам приказали вернуться и заняться другой работой.

Но все дело в том, что в момент создания нашего коллектива мы поклялись друг другу, что не уедем с магистрали, пока не построим ее.

**СВАДЬБА НА БАМе—
ПРАЗДНИК ПРИВЫЧНЫЙ
И ВСЕГДА СЧАСТЛИВЫЙ.**

ку. А это временное парусиновое жилище напоминает чем-то рентгеновский кабинет: быстро просвечивает души людям. И уже буквально через неделю-другую каждый мог представить, чем дышит его сосед. Костяк нашей бригады до сих пор составляют бойцы того первого «бамовского призыва»—отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Вторую пятилетку работаем мы вместе, и, честно признаюсь, не знаю, когда и где мы расстанемся: рано или поздно любые стройки, даже такие, как БАМ, заканчиваются. Думаю об этом не только я, вопрос этот мы не раз обсуждали, потому что бригада давно стала одной семьей, коллективом единомышленников.

В постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за успешное выполнение и перевыполнение заданий одиннадцатой пятилетки» я подчеркнул строки о значении бригадной формы организации труда. На строительстве магистрали успешно трудятся сейчас 350 комсомольско-молодежных коллективов, которым по плечу самые сложные задания.

Хорошо помню тот день в начале десятой пятилетки, когда мне поручили организовать бригаду монтеров пути. Работал я мастером, и новое назначение формально можно бы посчитать понижением, но я обрадовался: создание нашей бригады являлось сигналом того, что на БАМе от рубки просек и строительства временных поселков переходят непосредственно к укладке железнодорожных рельсов. Этот сигнал услышали многие, и от желающих попасть в бригаду не было отбоя: конкурс, как в театральный институт. Кстати, и директор клуба в Звездном, режиссер нашего народного театра Толя Байков, тоже в те дни просился в бригаду. В общем, выбирать было из кого, и выбирали мы не вслепую, поэтому и ошибок не было. За все эти

**КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ЗРИТЕЛЬ
ПОКИДАЕТ КИНОЗАЛ
ДОМА КУЛЬТУРЫ,
НАЧИНАЮТСЯ РЕПЕТИЦИИ
НАРОДНОГО ТЕАТРА.**

ни о чем мечтать, кроме теплой подушки, но после ужина мы собирались в маленьком клубе и допоздна репетировали «Молодую гвардию». Это был наш первый и программный спектакль, давший имя самодеятельному театру, получившему позднее звание народного и удостоенному премии Иркутского комсомола. Я там играл роль коммуниста Валько. Роль для меня тем более ответственную, что в те дни я готовился к вступлению в члены партии. Конечно, волновался. И еще смущала меня на репетициях девушка, игравшая роль Ульяны Громовой. Она не была похожа на портреты известной подпольщицы, но что-то знакомое просматривалось в ее чертах, и я, отступая от роли, однажды прямо на сцене обратился к ней с наивным

К тому времени каждый из нас проработал на строительстве магистрали по четыре года и имел право на солидные северные надбавки. Добровольно отказаться от них не просто, и мы отказываться не собирались. Но руководство нашего СМП, прекрасно понимая все это, поставило перед бригадой очень жесткие условия: «Перевод вы не получите. Не хотите оставаться, увольняйтесь».

Мы решили потерять свои северные надбавки и положили на стол начальника СМП заявления об увольнении по собственному желанию.

Вместе с нами уволчился и Анатолий Байков, потому что актерами в театре «Молодая гвардия» были все члены нашей бригады и наши жены. На новом месте в списках бригады появился монтер пути А. Байков.

В конце концов справедливость восторжествовала. Через несколько месяцев, во время работы XVIII съезда ВЛКСМ, делегатом которого меня избрали, я встретился с заместителем министра транспортного строительства СССР, начальником Главбамстроя К. В. Мохортовым и рассказал ему об этой истории. Вскоре прежний приказ об увольнении был отменен, и нас оформили переводом в трест «Нижнеангарскстрой».

Константин Владимирович, знавший о наших жилищных условиях на новом месте, выделил специально для бригады десятиквартирный жилой дом. Мы этот ценный подарок с благодарностью приняли, выбрали для него самое красивое место в тайге, в центре будущего поселка. Сами же и смонтировали этот дом, построили его быстро, потому что работали, не считаясь с временем. Новоселье здесь отмечали самые юные бамовцы — мы решили отдать дом под детский сад. А себе по вечерам решили строить двухквартирные дома. Строили их коммуной: сегодня — одному, завтра — другому, определяя очередность не слепым жребием, а по справедливости, на бригадных собраниях. Теперь в Кичере стоит целая улица добротных домов из сибирского бруса, и вся наша бригада живет на этой улице. А улица, кстати, называется Театральной.

Я глубоко уверен, что наш коллектив в одинаковой степени обязан своим сплочением и дороге и театру. Почти год мы жили на 320-м километре трассы и оттуда прокладывали путь сначала к Северобайкальску, а потом к Нижнеангарску. До дома больше восьмидесяти километров, по здешним дорогам иногда и за день туда и обратно не обернешься. Поэтому и по выходным мы не каждый раз могли к женам выбраться, приезжали в основном по праздникам. И это действительно были праздники и для нас и для

ДОМА НА ТЕАТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ СТРОИЛИ ПО ЕДИНОМУ ПРОЕКТУ И НА СОБСТВЕННЫЙ ВКУС.

наших семей. И мы порой чувствовали себя отшельниками посреди тайги. Стояла у трассы большая палатка, а рядом кухонька. На юг и на север от нас простирались тайга, а на запад и восток улеглись рельсы, уложенные нами. Каждый вечер мы возвращались в свою палатку. Двадцать человек под одной брезентовой крышей, за одним столом — и так целый год. Вот такой экзамен на психологическую совместимость устроила нам жизнь. Не знаю, выдержали бы мы его или нет, если бы не было у нас своего театра?! По вечерам репетировали пьесу Гельмана «Заседание парткома», произведение, близкое нам, потому что не все тогда удачно складывалось и на нашей стройке. Между репетициями мы дружно обсуждали и решали задачи по сопромату или штудировали учебники по истории искусства — большинство наших ребят учится в заочных вузах и техникумах.

В общем, старались не тратить времени впустую и не мучиться от одиночества. Мы не были одиноки. И когда рельсы пришли к Северобайкальску, показали в местном клубе свой спектакль. Мне самому судить трудно, но, как говорили зрители, «его интересно смотреть, даже если видел фильм «Премия». Возможно, искусственные театральные найдут в игре актерского ансамбля народного театра «Молодая гвардия» множество огрехов, наива, наигрыша, беспомощных жестов и неотточенных интонаций, но мы ведь и не пытаемся состязаться с профессиональными труппами. Театр — это наша форма общения, хотя он оказался очень нужным не только нам. Мы ставим пьесы Островского и Чехова, Арбузова и Шукшина...

Рельсы от Кичеры уходят все дальше и дальше на восток. Вскоре и нам будет трудно возвращаться домой. Мы прекрасно, уверен в этом, выдержали тот трудный экзамен на 320-м километре, но продолжать подобные эксперименты бессмысленно. БАМ становится обжитым, и ни к чему нам снова превращаться в отшельников. Поэтому мы заранее прикидывали различные варианты будущего житья-бытья на трассе. Оптимальный из них — передвижной поселок на железнодорожном ходу с купированным вагоном, столовой, маленькой электростанцией и даже банькой. Этот поселок мог бы двигаться вслед за путеукладчиком на восток, к Кодару. Туда с востока из Усть-Нюкжи идет со своим путеукладчиком бригада монтеров пути, которой руководит Иван Варшавский. Мы заключили договор о соревновании между двумя бригадами, договор долгосрочный, на всю пятилетку. Но «золотое звено», которое соединит западный и восточный участки трассы и откроет сквозное движение поездов по всей Байкало-Амурской магистрали, мы обязались уложить в день рождения комсомола, 29 октября 1984 года.

В том, что мы сделаем это в срок, сомнений нет. Но, как отмечалось на XIX съезде ВЛКСМ, усилия комсомольских организаций должны быть теперь направлены не только на завершение прокладки трассы и подготовку к открытию сквозного движения, но и на ускоренное промышленное освоение зоны БАМа, его аграрного пояса, строительство в Сибири и на Дальнем Востоке новых городов, заводов, фабрик. И вполне возможно, что в одном из таких новых городов найдут свою прописку и свое счастье члены нашего дружного коллектива.

Наши бригады сейчас разделяет около тысячи километров, трудных таежных и горных километров. Но у меня нет никаких сомнений, что стыковка состоится точно в назначенный срок. Я так уверенно заявляю это, потому что хорошо знаю ребят из своей бригады. Но ведь и наш коллектив не уникальный. Таких бригад на трассе много, и они сейчас так же добиваются права быть лучшими, быть первыми.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1323) ИЮЛЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: Ламара КВИТАЙШВИЛИ, сотрудник НИИ садоводства, виноградарства и виноделия Министерства сельского хозяйства Грузинской ССР.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

- РЕШЕНИЯ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ — В ЖИЗНИ!**
- 1** Александр БОНДАРЬ, бригадир комсомольско-молодежной бригады монтеров пути СМП-581, лауреат премии Ленинского комсомола. «ПОСТОЯНСТВО».
- 4** Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук. «ЖЕНИХ И НЕВЕСТА».
- 8** НОВОЕ ИМЯ. Рассказ Сергея БАЙМУХАМЕТОВА. «СЕНЬКА И КОНЬ СТРОПТИВЫЙ».
- 10** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ: «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ», «ЧТОБ НИКОМУ НЕ ЗАВИДОВАТЬ».
- 12** Вице-адмирал Виссарион ГРИГОРЬЕВ. «КОМСОМОЛЬСКИЙ ВЫМПЕЛ ФЛОТА».
- 14** Дмитрий БЕЛЯЕВ, академик. «КЛЮЧ К КЛЕТКЕ».
- 16** 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА», «СКАЗАНИЕ О ТБИЛИСИ».
- 18** Стихи Владимира ДЕМИДОВА.
- 22** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 24** СИЛУЭТЫ. Всеволод САХАРОВ. «ВЕНЕВИТИНОВ».
- 27** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Нозль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЭШАФОТ».
- 30** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУЩЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1982 г.

Летом прошлого года в нашем журнале (№ 14) была опубликована статья кандидата экономических наук В. Переведенцева «Для жизни долгой и счастливой», в которой рассматривались разнообразные проблемы жизни молодой советской семьи.

В том же номере мы напечатали анкету «Зеркало семьи», ответы на которую, по мнению редакции, должны помочь «лучше понять семейные проблемы молодежи и наметить пути их решения». Читатели активно откликнулись на анкету. Было получено более тысячи заполненных анкет, причем ко многим ответам сделаны дополнительные приписки-размышления, в которых читатели из-за ограниченности места в анкетном бланке делятся своими личными наблюдениями, касающимися различных сторон жизни современной молодой семьи, вносят много предложений, советов и пожеланий. Анализ всего этого обширного материала и положен в основу предлагаемой публикации.

Молодая семья... Большое внимание, которое ей уделяется сегодня в нашей стране, а это еще раз подтвердил XXVI съезд КПСС, объясняется прежде всего демографической ситуацией. Она, как известно, характеризуется низкими показателями рождаемости и воспроизводства населения, которые, к сожалению, продолжают падать.

Причины этого явления недостаточно ясны, хотя многое, разумеется, известно. В немалой степени помогают внести ясность в существо вопроса анкеты — подобно той, что была опубликована в «Смене». Побывав в руках читателей, опросник с заполненными графами вернулся в редакцию.

Итак, давайте посмотрим, заинтересовал ли читателей эксперимент журнала. Анкеты получены из всех экономических районов страны, опрос охватил всю ее территорию — «от Москвы до самых до окраин». Однако разные районы представлены неравномерно. Относительно мало заполненных анкет получено из Средней Азии и Закавказья, непропорционально много — из Сибири, с Дальнего Востока и Севера; мало анкет из села, непропорционально много — из больших городов; русские заполняли анкеты активнее, чем люди иных национальностей; подавляющее большинство анкет (73 процента) прислано женщинами. Во всем этом сказались, очевидно, разная распространенность журнала в разных местах, разная степень остроты семейных проблем, другие причины. Как бы то ни было, ответы на анкету «Смены» отражают главным образом положение и мнения молодых женщин, проживающих в больших городах и районах нового хозяйственного освоения, где демографические проблемы наиболее остры.

Из каждых ста заполненных анкет 24 присланы теми, чья семья прекратила существование в результате юридического развода; еще несколько процентов анкетированных фактически разошлись, но развод пока не оформлен. Доля разведенных среди участников опроса значительно меньше, чем по государственной статистике, согласно которой число разводов в последние годы составляло треть от числа браков, зарегистрированных в тот же год (в 1980 году — 34 процента). Дело здесь в том, что опрос охватил главным образом очень молодые семьи; часть анкетированных супругов официально разведется позднее.

Вступлению в брак обычно предшествует более или менее продолжительное предбрачное знакомство. С него мы и начнем.

ОТ ЗНАКОМСТВА ДО СВАДЬБЫ

Где знакомятся будущие супруги? Сколько времени проходит от первоначального знакомства до создания семьи?

Из каждых ста супругов 20 познакомились в местах отдыха, 16 — на работе, 11 — в вузе или техникуме, 9 — на разного рода вечерах и вечеринках, 5 — в общежитии, по три — на свадьбе у подруги, на танцах, на улице, в школе; четверо были знакомы с детства, по двое познакомились в парках, в ресторане, по телефону; у остальных семнадцати из каждой сотни супругов были самые разнообразные места знакомства: в стройотряде, оперативном комсомольском отряде, в клубе аквалангистов, в больнице, в компании друзей, на волейбольной площадке, в клубе, в соседнем селе и т. д. Как видим, места знакомств очень разнообразны, однако отметим «эпицентры» — места отдыха, работы и профессиональной учебы. Знакомых с раннего детства или хотя бы со времени учебы в общеобразовательной школе очень мало.

Продолжительность предбрачного знакомства варьирует в широких пределах — от двух месяцев до девяти лет.

Из каждых 100 новобрачных 36 были знакомы до свадьбы менее полугодом, еще 29 — от полугодом до года; только 12 человек из ста были знакомы три года и более.

Как видим, предбрачное знакомство у большинства непродолжительно — у 65 процентов новобрачных менее года. Анкета, к сожалению, не раскрывает, в какой степени будущие супруги знали характер, привычки и склонности друг друга, прежде чем сделали решительный шаг. Однако в тех же анкетах и письмах неоднократно упоминается о трудностях взаимного приспособления супругов после брака, о неожиданных чертах характера у избранника, о быстром изменении поведения юного супруга. А может быть, чаще эти конфликты происходили на почве притирки под одной крышей малознакомых людей?

Обычно будущие супруги знакомятся друг с другом в праздничной обстановке. А если на работе — это совсем не означает, что «взгляды сошлись» именно в процессе работы. Продолжение знакомства, предбрачное ухаживание — это обычно время положительных эмоций и больших ожиданий. На партнера при этом смотрят определенно сквозь розовые очки. Взаимное узнавание получается весьма односторонним. При двух-трехмесячном предбрачном знакомстве многие черты характера избранника не успевают проявиться. Среди тех, кто познакомился в местах отдыха, продолжительность предбрачного знакомства в двух третях случаев не превышала полугодом, в четверти — трех месяцев.

Старая русская пословица советовала «искать жену не в хороводе, а в огороде», то есть не на праздничном гулянье, а в трудовой обстановке. Теперь будущие мужья ищут жен, а жены мужей именно «в хороводе», что не может не сказаться на будущей семейной жизни, устойчивости семьи, количестве детей и их воспитании.

Добавим еще, что до недавнего времени в структуре населения страны сильно не хватало женихов, так что иные девушки были не слишком разборчивы,

опасаясь остаться «старыми девами». В настоящее время в молодых возрастах наблюдается значительный избыток женихов, так что спешить девушкам не стоит. Кстати, избыток женихов (недостаток невест) будет продолжаться примерно десять лет.

Женщины вступают в первый брак, по нашим анкетам, в среднем на двадцать втором году жизни, мужчины — на двадцать пятом. Сверхранных браков — до 18 лет — почти нет. Заметим, что по республиканскому законодательству, регулирующему минимальный брачный возраст, в Узбекистане и на Украине девушки могут выходить замуж с 17 лет; во всех других республиках минимальный брачный возраст для обоих полов — 18 лет. Судя по анкетам, именно с этого возраста активно вступают в брак женщины, а мужчины — с 21 года, после службы в армии. Результаты нашего анкетного опроса здесь хорошо согласуются с данными государственной статистики браков. Многочисленные в последнее время разговоры о якобы распространенных слишком ранних браках необоснованны. Но ведь и зрелые годами люди иногда еще хуже подготовлены к браку, нежели те, кто помоложе.

Итак, после радостного и часто краткого предбрачного знакомства брак заключен, молодая семья возникла. С чем сталкиваются, какие объективные и субъективные трудности вынуждены преодолевать, как начинают свою жизнь молодые супруги?

ТАКОВА СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

На каждые сто семей — по нашим анкетам — в первое время после брака только у одиннадцати не было никаких трудностей.

На первом и резко преобладающем месте среди всех трудностей первоначальной семейной жизни стоят, по мнению опрошенных, жилищные. Только эти трудности назвали 41 из каждых ста опрошенных. У некоторых они сочетаются с другими — денежными, психологическими (притирка характеров), отношениями с родственниками и т. д. Вместе с такими случаями жилищный вопрос остро стоял перед половиной молодых семей.

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Анализ анкеты «Смены»

Фото Владимира АНИКИНА

СЧАСТЬЕ ЛЮБВИ.

«КАК РЕШИШЬ — ТАК И БУДЕТ...»

На втором месте — денежные затруднения, их отметили девять человек из каждой сотни опрошенных. Другие трудности первоначальной семейной поры очень разнообразны и индивидуальны, однако доля их незначительна. Назову некоторые: мало знали о семье, служба в армии, «запрещала выпивать», трудно согласовать работу, учебу и домашнее хозяйство, неприспособленность к семейной жизни, распределение домашних обязанностей, холостяцкие привычки, психологическая несовместимость, притирка характеров, необщительность и ревность мужа, плохо понимали друг друга, национальные традиции мужа и т. д. Самая общая из них — распределение обязанностей в семье, разделение домашнего труда на мужской и женский, нежелание мужей заниматься домашними делами — присутствует во многих ответах как дополнительная или скрытая за другими формулировками. Ответы на специальный вопрос о распределении

домашнего труда в семье подтверждают важность этой причины среди всех трудностей первоначальной поры семейной жизни.

Остановимся на жилищных проблемах молодой семьи. Им посвящено, кстати, много приписок к анкете и писем. Вот типичные высказывания:

— Главная проблема — жилищная. Большинство молодых семей вынуждено жить с родителями, как и мы. Отношения между старшими и молодыми, как правило, оставляют желать лучшего. И нередко в разводах бывают виноваты тещи и свекрови.

— У нас неурядицы из-за жилья. Хотелось бы, чтобы молодой семье предоставляли хотя бы одну комнату.

— Мы с супругом считаем, что главную роль в развитии молодой семьи имеет обеспечение в самом начале жилплощадью с удобствами, а остальное все не имеет никакого значения.

В этом вопросе читатели «Смены» удивительно единодушны.

Некоторые пишут также, что каждой молодой семье нужно давать квартиру, что именно жилищный

вопрос — причина всех нежелательных демографических явлений: и малодетности и разводов...

Разумеется, было бы прекрасно, если бы молодоженам вместе со свидетельством о браке вручали и ордер на квартиру. Думаю, что со временем так и будет. Однако сегодня мы пока должны помнить: для того, чтобы дать, надо иметь. Всем известно, что жилищное строительство у нас ведется громадное. Каждую пятилетку на городского жителя общая площадь квартир увеличивается на один квадратный метр. Несомненно, что и жилищное положение молодой семьи сильно улучшилось. Однако до начала 60-х годов у нас не было нынешних демографических проблем — и детей рождалось достаточно, и разводов было во много раз меньше. Так что дело не только в жилищном положении. Дело в том, что резко повысились запросы людей. В 50-е годы, когда подавляющее большинство горожан жило в коммунальных квартирах, имея одну комнату на семью, это считалось нормальным. Теперь нормой стала отдельная благоустроенная квартира, и если молодожены ее не имеют, то считают себя обойденными судьбой.

Пока в стране нет возможностей для предоставления всем молодоженам отдельных квартир. За прошлую пятилетку было построено 530 миллионов квадратных метров общей площади жилищ. Прирост жилого фонда был, понятно, много меньше. Только в городах за то же время выбыло за счет сноса 55 миллионов квадратных метров. А претендентов? В прошлой пятилетке в стране было заключено особенно много браков, ибо в тот возраст, когда создают семью, входило самое многочисленное поколение молодежи, родившейся в 50-е годы. Так, в 1979 году было заключено 2 миллиона 881 тысяча браков. Однако всего вновь построенного жилья не хватило бы для того, чтобы всем новым семьям дать отдельные квартиры, — их в том году было построено 1 миллион 993 тысячи. А ведь нуждаются в улучшении жилищных условий не одни молодые.

Есть ли в этом достаточно сложном положении выход? Мне представляется, что есть. Во-первых, следует как можно шире развивать кооперативное жилищное строительство, предоставив молодым семьям льготные условия для вступления в жилищно-строительные кооперативы (резко сниженный первоначальный взнос и т. д.). Во-вторых, следует шире развернуть индивидуальное жилищное строительство. В-третьих, у некоторой части населения имеются заметные излишки государственной жилой площади. Квартплата за избыточную площадь столь незначительна, что никаких стимулов сдать эту площадь государству квартиросъемщик не имеет. Более того, есть очень сильные стимулы обмена на меньшую площадь с получением приплаты, размеры которой определяются очень высокой действительной стоимостью жилья. Можно избыточную площадь сдавать жильцам — тем же молодоженам. Следовательно, надо найти общеприемлемые формы возврата избыточного жилья обществу, которое могло бы улучшить за счет этого жилищную обеспеченность и молодых семей.

Наконец, стоит отметить, что страна вступила в такой период, причем длительный, когда ежегодно снижается число заключаемых браков. Объясняется это тем, что в возраст создания семей вступает сравнительно малочисленное поколение рождения 60-х годов. Это тоже ослабит остроту жилищной проблемы.

Повторим, однако, еще раз, что объективно жилищное положение молодых семей улучшается. Но остроте этому вопросу в известной мере придает то обстоятельство, что субъективные запросы растут быстрее возможностей их удовлетворения.

Следующий вопрос анкеты: как оценивают супруги свою готовность к семейной жизни перед вступлением в брак?

Хорошо подготовленными к браку считали себя 40 процентов опрошенных (вполне подготовленными, достаточно, хорошо подготовленными). Недостаточно подготовленными (не вполне, и да и нет) назвали себя 24 процента участников опроса, неподготовленными себя считали 36 процентов.

Недостаточная психологическая подготовка к браку, неумение вести домашние дела, укладываться в бюджет и т. д. весьма осложняют начало семейной жизни, вызывают конфликты, ухудшение отношений, нередко приводят к разводу.

Вот некоторые ответы на вопрос: «Были ли вы достаточно подготовлены к семейной жизни?»:

— Нет. Всему училась, как и муж, после свадьбы.

— Делать умела все, а вот морально не была готова, вернее, неправильно представляла замужество.

— Да. Что называется, стосковались по семейной жизни. Умеем делать все, что нужно.

— Да, да, да! Я жаждала мыть посуду, готовить, стирать, только бы не бегать на свидания.
— В общем и целом — нет.

Недостаточно хорошая подготовка к браку сказывается, в частности, и в том, как распределяются в семьях домашние дела. Хотя в наше обследование попали в основном жители больших городов и среди них очень велика доля интеллигенции, все еще очень сильно проявляется неравенство полов в быту.

Домашний труд распределяется у опрошенных так: пополам, поровну — у 25% семей, почти поровну, с некоторым женским перевесом — у 16%, занимается преимущественно жена, муж помогает — 40%, жена, муж помогает очень мало — 8%, только жена — 1%, преимущественно муж — 1%, только муж — 1%, не ответили, смысл ответа неясен — 5%.

Сделаем к этому некоторые пояснения. В группу «почти поровну» попали те семьи, в которых доля участия мужа в домашнем труде превышала одну треть; в следующую группу (муж помогает) попали семьи, где доля участия мужа составляет хотя бы 10 процентов домашнего труда.

По поводу распределения домашних дел между супругами часты разногласия, нередко острые. Жены очень недовольны домашним неравенством. Тут нужно иметь в виду еще и то обстоятельство, что женщины в среднем образованнее мужчин (нередко жена с высшим, муж — со средним специальным образованием; жена со средним специальным, муж — с общим средним и т. д.). Кроме того, редки случаи, когда молодые живут со «стариками» и часть домашнего труда берет на себя мать жены или мужа.

Вот некоторые характерные ответы на вопрос: «Были ли у Вас разногласия по поводу распределения семейных дел? Как Вы их разрешили?»

— Конечно. Некоторые разногласия не разрешили до сих пор. Муж считает, что основную домашнюю работу должна выполнять жена даже при одинаковой затрате времени на производстве. Я не встречала мужчину, думающего не так.

— Да, были. Сказал: брось институт, или я тебя брошу. Ушел. После того, как я защитила диплом, вернулся. Я буквально заставляла его помогать ухаживать за ребенком, ходить в детсад.

— Разногласия были. Разрешали их неофициальными разводами. На 2—3 месяца расходились. Но все осталось без изменений: домашний труд — полностью мое дело.

— Никак не разрешили. «Все так живут», — сказал мой бывший муж.

— Разногласия были. Муж сказал свое веское слово, пришлось соглашаться.

— Кое-какие разногласия были. Считаю, что это мелочное. Главное, чтобы жена хорошая (понятливая) была. Ей можно иногда и уступить, помыть посуду самому (мужчина с высшим образованием, 30 лет).

— Разногласия были. Ради сохранения мира в семье пришлось отказаться от своих взглядов и взять основную массу дел на себя.

— Еще какие! Развелись (мужчина 25 лет, образование высшее).

Нет нужды особо разъяснять, что дело здесь обстоит неблагоприятно. У молодых мужчин сохраняется психологическая установка на бытовое неравенство супругов, традиционное представление о домашних делах как сугубо женских. Это главный недостаток в подготовке юношей и девушек к будущей супружеской жизни. Думаю, что путь к фактическому равенству полов — единственно возможный для семьи в нынешних объективных условиях (половое равноправие, высокое положение женщины в обществе и на производстве, женские преимущества в образовании и т. д.).

Как видим, современная семья не всегда обеспечивает личное счастье обоих супругов. А как выполняет она другую основную свою функцию — воспроизводство населения?

Ответы на следующий вопрос анкеты: «Сколько детей Вы собираетесь иметь?» — показывают, что большинство участников опроса желает иметь двоих детей. Многие, однако, не ответили на вопрос или ответили неопределенно («время покажет», «если муж пить не будет» и т. д.). Если предположить, что у не ответивших на этот вопрос и ответивших неопределенно будет столько же детей, как и у ответивших конкретно, и если пожелания сбудутся, то на сто семей придется 220 детей. При этом 16 процентов семей имели бы по одному ребенку, 55 — по два, 26 — по три, 3 процента — по 4 и более. Это сравнительно высокие показатели, если сравнить с демографическими опросами, проводившимися в больших городах. Опросы обычно показывают, что

примерно половина горожанок хотела бы иметь по одному ребенку, а вторая половина — по два; только 3—4 процента хотели бы иметь по трое и более детей. Эти специальные демографические опросы были репрезентативными, то есть точно отражавшими структуру населения обследуемых мест. На анкету «Смены» ответили, видимо, преимущественно наиболее «демографически сознательные» люди, больше других обеспокоенные нынешней демографической ситуацией. Тем не менее предполагаемого количества детей недостаточно для простого воспроизводства населения, то есть количественного замещения родительского поколения детским. Для этого в нынешних условиях нужно иметь примерно 260 рождений на сто семей, которые могут иметь детей. Так получается потому, что не все могут иметь детей физиологически, не все вступают в брак, не все дети доживают до родительского возраста и т. д.

Причин нынешней малодетности много. Количество детей в семье при прочих равных условиях существенно зависит от того, как складываются отношения супругов, насколько они счастливы или несчастны в семейной жизни, насколько прочна семья и т. д.

Среди тех, кто прислал ответы на анкету, разведенных всего 24 процента, что значительно меньше, чем среди всего городского населения брачного возраста. Дело в сравнительной молодости опрошенных, а также, видимо, и в том, что на анкету в большей степени отвечали люди, у которых семейная жизнь сложилась лучше, чем у других.

Выделим из всей массы опрошенных только тех, кто развелся. Посмотрим на причины разводов, а также на дальнейшие демографические намерения тех, у кого семейная жизнь не сложилась, первая семья распалась.

ОТ СВАДЬБЫ ДО РАЗВОДА

Как уже говорилось, среди заполнивших анкету «Смены» около одной четверти составили те, у кого семья распалась в результате развода. Займемся именно этой частью опрошенных.

Сколько времени существовала семья тех, кому не повезло в браке?

Среднее время от заключения брака в загсе до официального развода составило по нашему обследованию 4,6 года. При этом из подсчета были исключены те брачные пары, которые существовали более 15 лет, ибо это, конечно, уже далеко не молодые семьи, у которых и проблемы существенно иные, чем молодые.

Фактически распадающиеся брачные пары существуют значительно меньшее время, чем юридически. Большинство браков распадается много раньше фактического развода. В нашей анкете был специальный вопрос об этом: «Сколько времени прошло от фактического распада семьи до развода?» Ответы на него позволяют определить, что средняя продолжительность юридического существования брачной пары после ее фактического распада — полтора года. Таким образом, средняя фактическая продолжительность жизни распавшейся в результате развода семьи — всего 3,1 года.

Наиболее высока интенсивность фактического расторжения браков в первый год брачной жизни. В нашем обследовании на первый, медовый год пришлось 29 процентов всех распадов брачных пар. Как видим, проблема стабильности семей — это проблема молодежная и даже сугубо молодежная. С ростом стажа семейной жизни разводимость стремительно падает. Думаю, что это обстоятельство лучше всего прочего говорит о плохой подготовке молодежи к семейной жизни. Если молодожены в первые месяцы после регистрации брака подают заявление о разводе, то это, несомненно, означает, что в браке они встретились с чем-то неожиданным и трудным для себя — или плохо представляли себе семейную жизнь вообще, или своего партнера и его поведение в семье. Замечу, что об этом прямо говорится во многих приписках к анкетам и в дополнительных письмах.

Давно и хорошо известно, что в стране большинство разводов происходит по инициативе жен. При нашем опросе жены были инициаторами в разводе в трех случаях из четырех (73 процента всех исков о разводе).

Что означает столь высокая бракоразводная инициатива женщин? Попробуем ответить на этот вопрос после рассмотрения причин разводов.

Причины разводов — вопрос очень сложный. Чаще всего в каждом конкретном случае существует целый сложный клубок причин. Это хорошо видно из писем в редакцию, где бывшие супруг или супруга пытаются найти причины разрыва. В анкетах ответы кратки, однако далеко не однозначны. Что означает, например, такая мотивация развода: «нежелание мужа

помогать в домашних делах, пьянство и жадность»? Или: «ревновал, пил, устраивал скандалы»? Или: «претензии со стороны жены»? Какие претензии, в чем и почему? Пил ли муж потому, что ревновал, или ревновал с пьяных глаз? Были ли основания для ревности? Не забудем, что мы имеем дело с показаниями только одной из сторон, попавшей в конфликтную ситуацию. Другой конфликтной стороне та же ситуация представляется совершенно иначе. Вполне возможны и такие варианты, когда ситуация искаженно представляется обоим супругам.

Из материалов нашего анкетного опроса ясна громадная роль в распадах семей алкоголя. В каждой сотне разводов в 35 случаях главной причиной было пьянство или алкоголизм мужа. Пьянство нередко предстает в сложном комплексе причин (например: «Жили вместе со свекровью, постоянное пьянство мужа». Разве в данном случае нельзя допустить, что между свекровью и невесткой были нелады, которые тоже, кстати, могут быть по разным причинам, а это и стало одной из главных причин пьянства мужа?). Несомненно, что злоупотребление алкоголем имело место и во многих случаях, когда об этом прямо не говорится в ответах на вопросы анкеты. Когда бывший муж пишет, что причиной развода был «легкий образ жизни жены», то участие алкоголя в этом «образе жизни» почти несомненно. Как бы то ни было, злоупотребление спиртным действует на семейную жизнь разрушительно. Поэтому усиление борьбы с пьянством было бы одним из эффективнейших средств укрепления семьи.

На втором месте среди конкретных причин разводов неверность другого супруга — 10 случаев из ста разводов. Мужья чаще изменяют женам и жены чаще выступают инициаторами развода по этой причине: 7 случаев из ста разводов. К этим случаям примыкают разводы из-за ревности: 5 случаев на сто разводов.

В семи случаях причиной развода названы отсутствие или нехватка жилья. Вспомним, что главной трудностью в начале семейной жизни «плохие жилищные условия» считала половина всех ответивших на анкету молодых супругов.

Другие трудности: несходство характеров, разногласия, сюда примыкают «разное мировоззрение» и «не было взаимопонимания», три случая развода явно связаны с нежеланием мужей заниматься домашними делами («лень мужа, нежелание делать домашнюю работу», «различные взгляды на жизнь, особенно на роль мужа в семье», «жена хотела заставить заниматься домашними делами», «нежелание понимать другого и уклонение от домашних дел»). В сумме набирается уже 70 случаев из ста.

Крайне редко встречаются такие причины: физиологическая несовместимость супругов, плохие отношения с родственниками другого супруга, новая любовь («встретил другую», «полюбила другого»).

Остающиеся случаи трудно свести в группы. Назовем некоторые из причин: «муж жадный, не отдает зарплату», «виновата его первая жена», «стремление мужа приобрести житейские блага любой ценой», «виноваты мои родители», «тяжелый характер супруга», «был плохим отцом и мужем» (как видим, не очень ясно), «стали чужими» и т. д.

В целом складывается впечатление, что мужья и жены распадающихся семей были плохо подготовлены к семейной жизни, что женщины предъявляют мужьям требования, которые те не могут удовлетворить (хотя эти требования едва ли завышены), что нередко наблюдается стремление переделать супруга по принципу «стань таким, как я хочу». Женщины в семейных делах явно «наступают», а мужчины — «обороняются».

В чем дело? Почему именно женщины в подавляющем большинстве случаев выступают инициаторами прекращения брака?

Ответить на этот сложный вопрос на основе одного журнального анкетного опроса невозможно. Однако совокупность знаний о современной семье, накопленных наукой, позволяет утверждать, что женщина стремится достичь в семейной жизни равенства с мужчиной, что она не может объективно и не расположена субъективно мириться с традиционным домашним неравенством. А эта ее позиция определяется возвышением советской женщины в обществе и производстве, ее выходом на передовые позиции в образовании и культуре, трудностью сочетания основных ролей молодой женщины в современном обществе (учеба, труд, рождение и воспитание детей), невозможностью эффективного сочетания этих функций при прошлом, традиционном положении женщины в семье (когда вся домашняя работа лежала практически на ней). Конечно, на этот глобальный и глубоко позитивный социальный сдвиг накладывается много случайного, мелкого, что затуманивает суть процесса. Да ведь «лицом к лицу — лица не увидать», как справедливо и точно сказал поэт. Велика еще

роль и далеко не лучших, традиционно мужских привилегий, соображений типа «курица — не птица...» и т. п.

Наш читатель не ограничивается только заполнением анкеты. Он активно высказывает свои соображения по поводу того, что и почему происходит в семье и с семьей, а также что и почему надо делать, чтобы было то, чего ему, читателю, хочется. Эти соображения любопытны и чрезвычайно интересны для анализа общественного мнения по семейным делам. Понятно, что соображения эти очень разнообразны и часто противоположны друг другу.

Вот одно мнение относительно того, как уменьшить число разводов (точная цитата): «Думаю, что если бы женам сократили чуточку рабочий день (тогда освободившееся время они уделяли бы семейным делам), а мужьям платили чуточку больше, то разводов в стране было бы меньше».

С такой позицией приходится сталкиваться нередко. Не беда, что цитируется известный монолог Аркадия Райкина. Беда в том, что многие испытывают острейшую ностальгию по прекрасным, по их мнению, временам, когда «муж кормил семью», а жена была домохозяйкой и воспитательницей. И думают найти решение важных общественных проблем на путях этой укоренившейся утопии. Их как-то не интересует мнение самих женщин на этот счет, особенно передовой их части, для которых работа не только средство заработка, но и средство самореализации, средство сделать жизнь полной, яркой и интересной. По-видимому, сторонники приведенного выше мнения не очень понимают и его экономический смысл. «Платить больше» можно только в меру увеличения производства, повышения производительности труда, ибо нельзя потреблять то, что не произведено. «Платить чуточку больше» при уменьшении количества труда в народном хозяйстве и прочих неизменных условиях — значит вызвать снижение реальной стоимости рубля, а отнюдь не повышение уровня жизни и улучшение положения семьи.

Куда реальнее иной путь — к выравниванию положения мужчин и женщин в семье. Однако ни один мужчина в своем письме не предлагает поровну поделить домашний труд между супругами, а семьи, где это реально осуществлено, составляют, как уже говорилось, незначительное меньшинство. Другие же, как справедливо пишет одна из читательниц, полагают, что «нормальный мужик не станет возиться возле плиты или стирать, с этого начни — так баба и на голову сядет». Так говорил ее муж. Неудивительно, что дело кончилось разводом.

Женщины стремятся к полному социальному равенству с мужчинами. Это единственно возможный путь дальнейшего развития семьи. Если женщины работают в народном хозяйстве наравне с мужчинами — мужчины должны работать в домашнем хозяйстве наравне с женщинами. Именно в этом духе надо воспитывать молодежь. Снять с нежных женских плеч трудовые перегрузки означает повысить уровень семейного счастья, снизить конфликтность семьи и разводимость, повысить рождаемость и улучшить воспитание детей.

РАЗВОД И ДЕТИ

В большинстве случаев развод — драма для бывших супругов. И во всех случаях главная страдающая сторона — дети. При отсутствии детей развод — сугубо личное дело супругов. При детях все куда сложнее.

Дети при разводах остаются преимущественно, даже почти всегда с матерями.

В нашем опросе у двенадцати распавшихся семей из ста не было детей, у остальных оказалось 118 детей; у 61 семьи из ста было по одному ребенку, у 27 — по два, у одной — трое детей. С матерями осталось 116 детей, с отцами — двое (в двух семьях из ста дети поделены между отцом и матерью).

Таким образом, на сто разведенных семей получилось 118 детей-полусирот, которые будут воспитываться одним из родителей. У большинства их не будет и отчимов, поскольку в повторные браки вступает менее половины от числа разведенных женщин, причем в число вступивших в брак повторно входят и те, кто овдовел, а таких тоже немало. Отчим будет не более чем у трети детей из распавшихся семей.

Если предположить, что положение с детьми в распавшихся семьях по стране в целом такое же, как в нашем опросе, то окажется, что в 1980 году в распавшихся семьях (930 тысяч разводов) было около 1 миллиона 100 тысяч детей, из которых не менее 800 тысяч будут воспитываться не только без отцов, но и

без отчимов, то есть без достаточного мужского влияния. Известно, что одним матерям трудно воспитывать детей (даже при очень большой заботе государства и общества в целом), особенно мальчиков, особенно в подростковом возрасте. Массовость современных разводов создает обществу много долговременных социальных проблем. Да и сами дети из распавшихся семей едва ли будут счастливы в сравнении с детьми из полноценных семей.

С другой стороны, несомненно, что разводы оказывают значительное прямое понижающее влияние на рождаемость. Если у ста опрошенных семей (включая 24 распавшихся) было 220 детей, то у ста распавшихся семей — всего 118. Если даже половина разведенных женщин родит еще по одному ребенку (что очень сомнительно), общее количество детей на сто разведенных женщин будет меньше 180. Это уровень резко суженного воспроизводства населения.

НОВЫЙ БРАК?

Одна из читательниц, заполнившая анкету, нашла, что вопрос «Собираетесь ли Вы вступить в новый брак?» излишен, ибо, по ее мнению, нет женщины, которая не хотела бы иметь мужа. Боюсь, однако, что далеко не все с нею согласятся.

По нашему обследованию, из каждых ста разведенных собираются вступить в новый брак 38, не собираются 53, не уверены 7, желает вступить в незарегистрированный брак одна.

Женщины более склонны к повторному браку, чем мужчины, хотя первые хорошо понимают, что это нелегко; фактически чаще женятся повторно мужчины, чем выходят замуж разведенные женщины.

Вот некоторые причины, по которым женщины не собираются вновь выходить замуж:

- порядочных нет, а других не надо;
- сыта по горло первым замужеством;
- с двумя детьми это нелегко;
- вряд ли смогу полюбить другого;
- негде знакомиться;
- боюсь ошибки;
- не хочу вновь себя связывать;
- хорошие в семьях живут, а плохой уже был;
- хорошего мужа надо «сделать», на это нужно слишком много времени и сил;
- не хочу, чтобы у детей был другой отец.

Как видим, многие женщины разочарованы первым браком. Но многие хотели бы попробовать вновь. Но... — «нет подходящего объекта», «да, но за кого?», «если предложит хороший человек» и т. д.

Для разведенных остро стоит проблема знакомства. Приведу небольшой отрывок из письма: «Скрывать не буду — хочу замуж, хочу иметь любимого мужа, быть любимой, родить и воспитывать детей, но очень трудно познакомиться — мне 25, моим сверстникам нужны девушки помоложе, 27—30-летние давно женаты. На дискотеку идти вроде неудобно, на вечера «кому за тридцать» — стыдно, а знакомиться негде. И таких, как я, вокруг много».

Да, проблема знакомства, конечно, существует. Проблема эта острая. Ее нужно решать. К сожалению, энтузиасты всякого рода «клубов знакомств», «службы знакомств» не всегда понимают ограниченность возможностей разного рода специальных учреждений знакомств. Им кажется, что возможности такой службы чуть ли не безграничны. Все демографы, насколько мне известно, — сторонники службы знакомств. Но в отличие от восторженных и недостаточно грамотных энтузиастов они хорошо видят пределы возможностей таких служб. Во-первых, никакие учреждения не ликвидируют недостатка женихов, или, что то же самое, избытка невест в зрелых возрастах, ибо половые диспропорции создают резко повышенной смертностью мужчин сравнительно с женщинами в самых активных возрастах. Во всех возрастных группах от 20 до 50 лет разница в средней продолжительности жизни достигает десяти лет в пользу женщин. Во-вторых, холостые мужчины, прошедшие через брак, нередко только номинально могут считаться женихами, ибо, вкусив прелестей семейной жизни, зареклись беречь свою «свободу». В-третьих, за алкоголиков и пьяниц далеко не всякая женщина согласится выйти, так что и их надо вычестить из числа возможных мужей и отцов. Разумеется, со всеми этими явлениями можно вести борьбу, однако не посредством службы знакомств. Да и вообще всякие специализированные службы куда меньше были бы нужны, если бы у человека был более широкий выбор форм времяпрепровождения, а знакомства, в том числе и ведущие к бракам, завязывались сами собой, попутно, самопроизвольно — совсем не обязательно с жестко заданной целью создания семьи.

В нашем опросе существенный интерес представля-

ет то обстоятельство, что среди разведенных мужчин доля желающих вступить в повторные браки куда меньше, чем у разведенных женщин, — она составляет менее трети. Как объясняют свою позицию любители мужской «свободы»? Очень по-разному, например, так:

—Разочарован. Боюсь повтора.

—Зачем? Лучше без штампов в паспорте.

—Хочу быть «независимым».

—Из-за сына.

—При алиментях с новой семьей будет трудно.

Быстро возрастает доля не состоящих в браке зрелых мужчин. Число вступающих в повторные браки составляет в последние годы менее половины числа разведенных мужчин, а с учетом накопившихся за предыдущие годы вдовцов — совсем небольшую часть. Мужчины явно уклоняются от законного брака. Понятно, конечно, что многие миллионы «разведенцев» живут отнюдь не одиноко, совсем не без женской ласки и заботы; многие из них просто не хотят узаконивать свои фактические семьи. Прошлый семейный опыт не вдохновляет. А юридическая свобода фактических мужей ставит в очень незавидное положение фактических жен: любая помощь в воспитании детей может быть в любой момент прекращена. Понятно, что это не стимулирует и рождаемость.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ И МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Читатель жаждет немедленных ощутимых результатов. «Пишете, пишете, а что толку? Все остается по-прежнему!». «Анкеты не помогут. Дайте каждой молодой семье квартиру — и все образуется». «Повысьте мужьям зарплату, а жены пусть не работают».

Такие и подобные высказывания нередки в письмах, получаемых «Сменой». Есть они и на полях анкеты «Зеркало семьи».

Увы, та же анкета показывает, что у тех, кто имеет хорошие жилищные условия, у кого нет жилищных проблем, тоже не все благополучно, тоже немало конфликтов, скандалов, разводов. И наоборот, далеко не все, имеющие действительно тяжелые жилищные условия, постоянно конфликтуют и разводятся.

Всем понятно, что хорошие жилищные условия способствуют стабильности семейной жизни. Но далеко не всем ясно, что в жилищном положении могут быть только постепенные улучшения, ибо жилищное строительство чрезвычайно капиталоемко, а у страны немало и других проблем, которые тоже требуют вложения больших средств. К сожалению, анкета «Смены», как и многие другие источники, определенно говорит о том, что некоторая часть молодежи настроена очень потребительски и желает «рая немедленно». Изменяя объективное материальное положение существования семей, прежде всего приходится приспосабливаться к существующим условиям, поскольку из них «не выпрыгнешь». Задача, видимо, в том, чтобы попытаться достичь наилучших возможных результатов при существующих возможностях.

Совсем неверно, конечно, что «все остается по-прежнему». Такие слова произносятся в запале и не очень обдуманно. Меняется многое и быстро. Нет смысла перечислять снова все меры демографической политики, направленной на помощь молодой семье, намеченные и осуществляемые в нынешней пятилетке. Напомню только, что в прошлом году введены частично оплачиваемые отпуска женщинам после родов до достижения ребенком возраста одного года на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке; в этом году они будут введены на большей части страны, а в 1983-м — в последних ее районах, где рождаемость пока высока.

В решении демографических проблем многое зависит от изменения объективных условий жизни молодой семьи. Заниматься этим должны не только государственные органы, но и комсомольские организации, о чем было совершенно определенно сказано в Отчетном докладе ЦК ВЛКСМ XIX съезду комсомола: «Надо формировать ответственное отношение к браку, к воспитанию детей, шире пропагандировать идеалы отцовства и материнства, прививать молодежи навыки ведения домашнего хозяйства, ухода за детьми, коллективного отдыха и физической культуры в семье». Но немало зависит и от субъективного фактора, от личного поведения каждого из нас. В конечном счете каждый человек — «кузнец своего счастья», и нелепо думать, что кто-то обеспечит нам это личное счастье без затрат собственных душевных сил. И чем лучше будет понимать молодой человек суть семейных проблем вообще, тем лучше, думаю, он поймет и проблемы собственной семьи, тем лучше он устроит собственную жизнь — на благо себе, своим близким и обществу в целом.

Сергей Баймухаметов — участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей. Его повести и рассказы печатались в журналах «Простор», «Литературная учеба», еженедельнике «Литературная Россия», коллективных сборниках. Он профессиональный журналист, много ездит по стране, и тематический и географический диапазон его прозы достаточно широк: буровики, сельские механизаторы, жизнь городской интеллигенции... Но одной теме С. Баймухаметов верен постоянно. В самых общих чертах ее можно выразить двумя словами: человек и природа, понимая под этим открытие человеком ее законов, ее сокровенной жизни; столкновения и встречи молодых героев его прозы с людьми, живущими по изначально естественным нормам и правилам, простота, мудрость и нравственная высота которых неизменны во все времена.

Василий СУБОТИН

НОВОЕ
ИМЯ

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

РАССКАЗ

СЕНЬКА И КОНЬ СТРОПТИВЫЙ

В двадцать пять лет Сенька Кирьянов вдруг почувствовал, что растерялся. Отчего, почему? Этого объяснить себе не мог.

Ведь всего четыре года назад, когда возвращался он домой после двух лет солдатской службы, ночью, в вагоне, когда все уже спали, а он один не спал, и мелькали за окном в черном провале редкие огни маленьких станций, пронзило его вдруг острое ощущение необычайной радости, ощущение свободы небывалой: вот она, жизнь, вся твоя, живи, как хочешь, ты сам отныне хозяин своей судьбы. А теперь...

Многое умел делать Сенька: работал и на тракторе, и на комбайне, и машину водить мог. И потому после армии даже думать никаких не было: домой, к матери, в совхоз, где ждет привычная жизнь, привычная работа. Служба ему тяжело давалась: все ребята как-то легко вошли в армейскую жизнь, быстро освоились, а он никак привыкнуть не мог и потому первое время дома жил взахлеб, каждым днем наслаждался, как водой после долгой жажды.

Но второй год прошел, третий, и стало тесно Сеньке. Не тесно даже, а такое чувство появилось, как будто все — исчерпал он свой праздник послеармейский и надо теперь дальше что-то делать; а что? Этого он не знал. И годы ведь другие уже — в клуб вместе с парнями молодыми не походишь, вроде вышел из этого возраста, друзья все пережились, а он семьей не обзавелся, как-то мимо прошло, да и не тянуло, жил сам по себе и был доволен. Отработал свое, посидел с мужиками, поговорил — день, ночь, сутки прочь. Но замечать стал за собой: день прожит — и что? И завтра такой же будет и послезавтра. Да сколько ж можно так...

Хорошо в уборку, когда живешь, не замечая времени, когда воспаленное лицо сечет ветер, несущий пыль и острые ости пшеницы, когда мужики, проспав положенные четыре часа, приезжают на поле и вдруг замечают, что двоих, Лясова и Безверхнего, нет, и начинают ругаться, но в этот момент откуда-то сверху раздается: «Чего орете?!» — и из бункера вылезает Лясов, помтый весь, в соломе, а за ним Безверхний, оба невозмутимо вытряхивают половики, складывают их и лезут на мостики своих комбайнов. Когда ночью, черной холодной осенней ночью поле вдруг превращается в странное скопище ярких огней, и каждый огонек движется и сам по себе и в то же время в порядке с другими: дошел до края, развернулся, высветил полукруг светом и снова пошел прямо, бурая темнота, но темнота эта только со стороны, если издали глядеть, а впереди, внизу, под фарами твоего комбайна, горит и колышется, вспыхивает латунь колосьев; и он вместе со всеми ворчит на эту работу без конца и края, но и знает, чувствует потаенно, что это — то самое, жизнь на пределе, на износ, когда выкладываешься весь, но и еще что-то остается, запас какой-то, по молодости, наверное, и внутренне легко оттого, что знаешь, что это еще не предел, что если припрет, то можешь и не то еще выдержать, черта сломить...

Но осень кончается, и аврал, тревожащий, будоражащий аврал кончается, и уходят по раскисшим дорогам, сквозь круговерть мокрого снега окончательно разбитые грузовики, пригнанные на уборку, и долгая зима опускается на село, долгая зима с ее размеренной жизнью...

Как-то весной, когда стаял уже снег и на машинном дворе нельзя было сойти с дорожек, выложенных плитами: по колено в грязи увязнешь, — Сенька услышал случайный разговор мужиков о том, что набирается бригада пастухов на дальние выпасы на все лето, до поздней осени. Еще говорили мужики, что заработки там хорошие, по шесть — восемь рублей за центнер привеса платят, но скотину пасти надо с восхода до заката, и для этого дела привычка нужна, волком ведь взвоешь: весь день словом перемодиться не с кем.

Бригаду набирал некто Темирбай, казах из дальнего отделения совхоза; их, казахов, много на юге Тюменщины. Сенька его не знал, видел как-то раза два — и

все. Нашел он Темирбая на совхозном складе, в том его отсеке, где лежали на полках хомуты, дуги, стояли свежевыгесанные новенькие оглобли, несколько плетеных коробов для тарантасов, висели на гвоздях вожжи, уздечки, шлеи. Сенька не думал, не предполагал даже, что все это лошадиное хозяйство еще живет, и не старье какое-нибудь, а новенькое: значит, кто-то делает все это, занимается. Темирбай, коренастый старик, могучий еще, из одних жил свитый, словно крах березовый, ходил по складу, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, как утка — Сенька потом узнал, что это с войны, обе ноги мизин перербиты были, — без шапки, волосы короткие, жестким ежиком торчат, с густой проседью, усы тоже сивые, скобкой, подбородок чисто выбрит.

— Жена есть? Корова есть? — спросил он, когда Сенька путано объяснил ему, что хочет в бригаду пастухов. Сенька аж смеялся от такого вопроса, потом опомнился, ухмыльнулся, подумал: «Серьезный мужик...» — и объяснил, что жены еще нет, не обзавелся, а корова есть, мать держит...

Стадо разбрелось по ложине между двумя гривами березовых лесков: бычки хорошо вылежались в обед на тырле, в маленькой густой роще у стоянки пастухов, оголодали и сейчас неторопливо пожирали, стригли молодую траву, особенно сочную здесь, в низине. Спокойно паслись, не бегали как оглашенные, даже Пегий и Скелет. Сенька их ненавидел: они баламутили все стадо. И глядя на них, он думал, что и среди этих бессловесных есть ведь свои твари, от которых житья никому нет. Казалось бы, что тебе еще надо: ешь траву, пей, спи, мычи и радуйся жизни. Но ведь нет — словно черт какой вселился в этих двух: поднимут морды, ноздри вывернут, глаза свои бессмысленные вытаращат и прут напролом. Куда, зачем? Да куда, просто так, от дури, от вредности своей. А стадо, конечно, за ними. Только завернешь, собьешь в кучу — глядь, снова Пегий и Скелет устремились куда-то, ни еды, ни питья им не надо. И как будто бог одной метой пометил их: оба худощие, ребра торчат, шерсть свалалась, а морды такие, что Сенька смотреть на них спокойно не может: вся их противность на мордах написана.

То ли дело Ленивый. Чуть ли не самый маленький в стаде, зато самый круглый, самый жирный. Шерсть у него палевая, блестящая, морда тупая и сонная, глазки всегда полуприкрыты длинными ресницами. Для него главное в жизни — есть, спать и не торопиться. Он всегда в хвосте плетется. И когда стадо надо перегонять, Сенька с удовольствием прохаживается слегка длинным кнутом по гладкой жирной спине бычка. Но Ленивый и здесь не суетится, не кидается сломя голову, как эти, Пегий и Скелет. Нет, Ленивый слегка вздрагивает от удара и трусит, подкидывая круглый зад, впереди коня ровно настолько, чтобы не достать было кнутом. Ленивые, они все хитрые. К вечеру Ленивый набивает брюхо травой так, что бока у него раздуваются и он, если смотреть сзади, становится похожим на бочонок на тонких ножках. Сенька всегда хохочет, глядя на него.

С бычками трудно. Телки, те всегда кучно держатся, не разбегаются. А эти все норовят каждый сам по себе, одно слово — мужики. Но сейчас стадо спокойно, и Сенька, прыгнув с седла, осторожно разнуздal Мальчика, вытер о штаны белую, перемешанную с зеленой травой пену, капавшую с удила, и только хотел хлопнуть коня по крупу, как увидел паука. Он впился в круп Мальчика прямо у задней дуги седла, так, что конь не мог смахнуть его хвостом, и давно уже впился, весь влез в шкуру, почти слился с ней. Сенька с омерзением придал его кнутовищем, и паут прямо-таки лопнул, одно только ярко-красное пятно крови на черной шерсти осталось: напился, проклятый. «Плохо коням летом, — вздохнул Сенька, вытирая кровь пучком травы, — и откуда только берутся кровопийцы всякие?»

Он разулся, с наслаждением пошевелил пальцами: устают все-таки ноги в кирзовых сапогах — и лег в траву, в легкую тень берез, насквозь просвеченную солнцем. Мальчик хрустел травой у самого уха, от его теплого дыхания высокие травинки шевелились.

— Уйди, Мальчик! — рассердился Сенька. — Шекотно же!

Конь тихонько всхрапнул, словно обиделся, и, звякнув мунштуками болтающихся под шеей удила, отошел, пронеся копыто у самого лица Сеньки. «Странно, — подумал Сенька, — смог бы я вот так спокойно лежать под копытами коня раньше, два месяца назад? Да ни в жисть. А сейчас вот — пожалуйста. Привык. Темирбай сказал: «Никогда не было, чтобы конь на человека наступил. Конь — не скотина».

«Жануар, — так говорит Темирбай, хлопывая Мальчика по теплой шее, — жануар». Сенька уже знает, что так он по-казахски обращается только к коню, к созданию благодарному. Для остальных есть другие слова: «мал», «хайван», что означает — «скотина», «животное».

Сенька в который уже раз, сам того не замечая, начинает думать о Темирбае, человеке, по его понятиям, несколько необычным. Таких он еще не встречал. Но что необычного было в Темирбае — объяснить, словами сказать не смог бы, не сумел. Да и как объяснить, что человека комары не кусают? Рассказал бы кто такое, так Сенька не поверил бы. Тихими вечерами в лагере спасу от комаров нет. Вокруг стола, за которым ужинают, два ведра с кизьяками дымят — и все равно не помогает. То и дело кто-нибудь бросает ложку и с проклятием хлопает себя по щеке или шее. А Темирбай сидит, как истукан, из буроого дерева вырубленный, не шелохнется даже, и ни один комар на него не садится: летают вокруг, а не садятся. Жену Темирбая, которая у них поваром, толстую губастую женщину с произительным сварливым голосом, это прямо-таки бесит. Она кричит, что у Темирбая кровь порченная, горькая и потому, мол, его комары не едят...

Или взять Мальчика. До самого последнего дня, до дня окончательного отъезда в устроенный уже лагерь, Темирбай все не мог выбрать себе коня. И в последний уже день, встретив Сеньку, бегущего из конторы с накладными на гвозди, остановил его, повел с собой. В руках у него был прочный недоуздок, прошитый суровыми нитками, и короткий широкий ремень с кольцом на конце. Они вышли на край села, прошли за фермы, и Сенька увидел на взгорке небольшой аккуратный загон для скота. От обычного он отличался тем, что был очень уж высоким, жерди в пять рядов набиты, а не в три. И в загоне этом, высоко подняв сухую голову, втягивая вздрагивающими ноздрями запах отмякшего навоза, запах теплой воды, запах пробудившихся древесных почек — запах весны, — стоял конь. Черный, как будто смолой облитый: ни одного светлого пятнышка на нем от хвоста до гривы не было.

— Дядь Тим, а че это его загнал туда? — спросил Сенька.

— Асау бас, — хмуро сказал Темирбай. Когда он волновался или злился, то переходил на казахский. — Злой на голову, понимаешь?

— Как это так, «на голову»? — удивился Сенька.

Темирбай рассказал ему, что жеребец этот был рысаком отменным, призы на районных фестивалях брал. Но как-то прошлой осенью, когда бригадир на нем поля объезжал, жеребец, поскользнувшись на мокром склоне овражка, ногу себе засек, захромал; потом, правда, оправился, но рысак с изъяном уже не рысак, и

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

решили его охолостить: толку-то в хозяйстве от жеребца никакого. Как уж холостили и как в станок его зажимали, никто не рассказывает, но то, что вырвался он, а его удержать пытались и при этом все губы удилами коню порвали, факт. С тех пор он и не подпускает к себе никого, не дает до головы дотронуться—передними ногами бьет. А если к коню с головы подойти нельзя—это все, ничего уже не сделаешь.

У загона уже собрались люди, неведомо как узнавшие о предстоящем: пришли скотники с фермы, зоотехник, вынырнул откуда-то ветврач, мелкий старичок с лицом, иссеченным красными прожилками.

Темирбай постоял секунду, словно взвешивал в руках ремень и недоуздок, ремень в левой руке, недоуздок—в правой, потом, решив, видимо, что-то про себя, сунул недоуздок Сеньке и, нырнув под жердину, проскользнул в загон.

Конь даже не шевельнулся, только уши прижал, и от этого Сеньке почему-то стало страшно. «Зашибет, ей-богу, зашибет!»—прошептал старичок ветврач, и Сенька посмотрел на него с ненавистью. Никогда он не знал ветврача, не имел с ним никаких дел, а тут вдруг возненавидел.

Темирбай шел прямо на коня. Было тихо, и всем слышно было, как Темирбай, подходя, протяжно, жалостливо как-то сказал: «Е-е, жануар...» Конь вздрогнул, словно давно забытое слово услышал, злобно прижатые уши медленно поднялись, насторожились. Темирбай взял в сторону, не с головы, а чуть сбоку, подошел и уверенно положил ладонь на плечо коня, похлопал слегка, мягко, неслышно. Сенька видел, почувствовал, как спали, обмякли напряженные, закаменелые бугры мышц под черной блестящей шерстью. Конь повернул голову и—со стороны это было похоже на поцелуй—уткнулся губами в плечо Темирбая, в ватник, как ребенок, которого долго все обижали, не обращали на него внимания—и пришел, наконец, тот, кому можно пожаловаться на все обиды, кто защитит... Так это со стороны выглядело, и Сенька аж сморщился: коня жалко стало.

А Темирбай тем временем уверенно трепал Мальчика по холке, чесал между ушей, но к голове все же не притрагивался, опасался. Потом перекинул ремень через шею коня, продел его в кольцо, затянул и, слегка придерживая ремень, двинулся к воротам загона. Мальчик без поукания пошел вслед за ним. «Что делает, а? Что делает!»—прошептал ветврач, но Сенька уже не слышал его, кинулся открывать загон, выгаскивал, выдергивал с силой жердины из скоб и бросал на землю, торопился. Темирбай провел коня мимо него, и Сенька увидел в углах бархатных губ, там, где у коней самая нежная кожа, отчетливые белые следы шрамов: вот что наделали, сволочи...

Недели через три, поздним уже вечером, когда Сенька пригнал стадо и запер его в загоне, он увидел, что Темирбай собирается взнуздать Мальчика. Конь все эти дни провел на воле, к надетому на него недоуздку привыкал, как жеребенок. И вот—удила. А ну как почувствует конь железо и вспомнит разом всю боль свою? Хоть и верил Сенька в Темирбая, а тут заопасался. Но Темирбай спокойно,

уверенно надавил концом мундштука в уголок губ, клацнули зубы о железо, и конь принял удила. Сенька шумно выдохнул: пронесло.

— Иди!—позвал его Темирбай, показывая на Мальчика.

— Я?—растерялся Сенька.

— Ты, ты,—подтвердил Темирбай.—Иди.

Подбежала жена Темирбая и начала что-то кричать, мешая русские и казахские слова. Сенька понял только, что она боится, что он, Сенька, убьет и отвечать за это будет Темирбай, старый дурак, одной ногой в могиле, а туда же—джигит нашелся, вот посмотришь, убьет он его, убьет...

Темирбай только шурился, улыбался и поглаживал коня по шее.

— Давай, иди,—подтолкнул он Сеньку, и тот, не думая уже ни о чем, не колеблясь, положил руки на жесткую холку и теплую спину, напружинился, оттолкнулся и, оперевшись на руки, перекинул правую ногу через круп. И уже усевшись понадежнее на широкой спине коня, почувствовал вдруг уверенность в себе, успокоился, наверно, оттого, что Мальчик не испугался, не прынул в сторону, значит, принял седока.

— Повод не рви,—сказал ему Темирбай,—тихо натягивай, чтоб не больно было, понимаешь?

— Угу,—мотнул головой Сенька,—пускай.

Темирбай отпустил поводья, Сенька слегка сжал коленями теплые бока коня, и земля всколыхнулась под ним—так широк был первый шаг Мальчика. Как будто мощной волной подхватило Сеньку, и полетел он над темной землей в густеющих летних сумерках, мчался он сквозь бьющий в лицо теплый ветер, и воздуха, слишком много было воздуха, и таким плотным он был, что не было сил стелется над землей черный конь, и испугался, что не хватит сил удержать эту силушу,—потянул слегка правый повод, и Мальчик, чуть накренив седока, пошел по широкому плавному полукругу, ни разу не сбившись с рыси, и оттого, наверно, что он не выбрасывал ноги вперед, а выносил их из-под живота, как бы загребая под себя воздух, оттого, наверно, и не трясло: все рысаки трясут так, что сидеть невозможно, иноходцы мелко покачивают, как в люльке, а этот нес седока, будто на гребне стремительной волны, и было как-то странно, что вся эта живая и горячая мощь тратится только на него, на Сеньку, вознесенного неведомо за что на гребень этой волны, и он почувствовал вдруг острую благодарность к коню за милость ему, Сеньке, оказанную...

Когда Сенька спрыгнул с коня и передал повод Темирбаю, земля вдруг закачалась под ним: кружилась голова, ноги дрожали, он все еще летел.

— Завтра оседлаем,—сказал Темирбай,—и будешь пасти на нем. Пусть привыкает.

— А почему сегодня без седла?—спросил Сенька. Машинально спросил, не думая, просто так.—С седлом ведь лучше было бы.

Темирбай удивленно посмотрел на него.

— Убился бы,— сказал он.— Мало ли что, конь сбросит мог. Нога в стремени запутается—и все.

И ушел, уводя Мальчика в поводу.

А у Сеньки тогда враз ноги перестали дрожать, когда дошел до него смысл сказанного.

«Выходит, Темирбай тогда не был уверен, что конь не сбросит меня?—вновь и вновь думает об одном и том же Сенька, глядя на мирно пасущегося Мальчика.—Выходит, сомневался он, а все-таки посадил меня на коня. Но я же мог запросто шею свернуть? И как же он мог послать меня, если сомневался, это ж какую силу надо в себе иметь, чтобы послать меня на такое, отвечать за меня и глазом не моргнуть? А может, он испытывал меня? А может, и не испытывал вовсе, нужен я ему, а просто для него это обыкновенно, закон у него такой. Ну да, конечно же, обыкновенно. Он этого просто не замечает, а замечает как раз то, чего я совсем не замечаю. Это как с «калекой» тогда было...»

«Калеками» пастухи называют захромавших бычков, которые не могут ходить в стаде. Они вокруг лагеря бродили по большой поляне. И вот один из них в обед устроился спать в тени вагончика, прямо у входа. Сенька только хотел оттянуть его кнутом, но Темирбай остановил.

— Нельзя,— сказал он.— Грех так спать скотину будить. Понимаешь?

И так это было сказано, с такой спокойной убежденностью в голосе, что Сеньке как-то не по себе стало, как будто он чуть не совершил грех непростительный.

Но интересней всего было, когда они в Козловку ездили, в гости к другу Темирбай: у него в этих местах полно друзей в каждой деревне. Поехали втроем. Темирбай с женой в тарантасе, а Сенька верхом попросился на Мальчика. Темирбай покосился неодобрительно, но разрешил. До Козловки ходу здесь—не больше часа. И уже около деревни, когда Сенька хотел пришпорить Мальчика, совсем по-мальчишески представляя себе, как влетит он на рысях в деревню на черном коне и все ахнут, Темирбай, словно почувствовав это его желание, подождал Сеньку к себе.

— Вот здесь ехай,— сказал он,— рядом. Нельзя в деревню на скаку въезжать, не к врагам едешь. И еще слушай,— добавил он,— ты из Александровки едешь. Понимаешь? Мы с тобой по дороге сюда встретились...

— Ладно, пусть будет так,— согласился Сенька, не понимая, зачем это надо. Но спрашивать не стал, подумал, что у Темирбая есть на это какие-то свои причины и на месте все выяснится.

Но ничего не выяснилось. В гостях, когда за столом собралась чуть ли не вся деревня, в которой и было-то двенадцать дворов, Темирбай вскользь упомянул, что Сенька с утра по делам в Александровку ездил и встретились они на дороге—вот и приехали вместе. Только и всего. Никто на эти слова не обратил особого внимания. Так, во всяком случае, показалось Сеньке. Зачем же надо было выдумывать все это? Сенька и спросил его об этом на обратном пути, как только из Козловки выехали.

— Затем, чтоб людей не смешить,— сказал ему Темирбай.— Когда я молодой был, у нас на весь аул три новых чапана было: кто в гости куда едет, тот и надевает. Так некоторые сразу по два чапана на себя натягивали. Так и мы... не могли в одном тарантасе уместиться. А люди могут подумать: ну и соседи у нас, как они на казенных-то лошадях накнулись, аж сразу на двух приехали... А я и на последней кляче Темирбаем буду, меня все знают,— закончил он.

«Так вот в чем дело!—не сразу понял тогда Сенька.—Вот как он гордость свою понимает, а? Высоко себя держит старик!»

Бычки уже начали ложиться: напаслись. Солнце склонилось над кромкой леса, потянуло прохладой. «Пора домой гнать,— подумал Сенька,— а то роса выпадет—худо будет». При росе пасти нельзя, она копыта бычкам разбедает, хромают они от этого.

Сбив стадо в кучу, Сенька направил его в сторону лагеря.

Вся округа окрест иссечена глубокими узкими тропинками, выбитыми в траве скотом. Они расходятся от лагеря веером, как лучи солнца на детском рисунке. Попав на эти тропки, стадо пошло само, без понуканий, выстроившись тупым клином: впереди самые шустрые, Пегий и Скелет, а за ними уже все остальные. Густые тучи мошкеры вились над стадом.

Со взгорка, на который въехал Сенька, далеко было видно. Березовые рощи, зеленые и аккуратные, как клумбы, тянулись одна за другой, сливаясь на горизонте в сплошной лес. «Надо же,— подумал Сенька.— Живешь, живешь и не видишь: березы-то издали, оказывается, кудрявые. Не рябины, а березы кудрявые. И до чего же светлые, а? Аж светятся!»

Стадо медленно втягивалось в широкие ворота загона. Бычки ложились, выбирая места посуше, и сразу же, полускрыв глаза, начинали громко сопеть и вздыхать, пережевывая свою жвачку.

Сенька задвинул двумя жердинами загон, перекинул повод через плечо и медленно двинулся к вагончику. Мальчик шел за ним, мотая в такт шагам головой.

Издали доносились окрики и резкие хлопки бичей: пастухи гоняли свои гурты. Сенька первым пригнал.

Кизячный дым низко стлался над лагерем. Жена Темирбая ворочала половником в огромном казане, вмazanном в самодельную печь. А сам Темирбай стоял поодаль и приманивал кусочком сахара жеребенка. Любимец пастухов, золотистый и тонконогий жеребенок, смешной и глупый, был наряжен, как девочка, в своем аккуратном недоузлочке, обшитом, чтобы мягче было, зеленым плюшем, и плюш был еще вышит белым бисером, а на лбу—серебряная монетка. Он стоял, растопырив ноги, и тянулся, тянулся к кусочку сахара на ладони Темирбая и никак дотянуться не мог, а сделать маленький шаг вперед боялся. Темирбай стоял перед ним, полусогнувшись, держа сахар на раскрытой ладони, и смешным, нелепым, тонким, разнеженным голосом приговаривал, подражая кобыле: «Ку-кру-кру! Кру-кру-кру!»—и сиял и плавился от умиления, от глаз одни щелочки остались.

Сенька сел на ступени вагончика, уронив отяжелевшие руки на колени. Мальчик, нерасседланный и неразнузданный, стоял рядом. Странное состояние овладело Сенькой. Он смотрел на Темирбая, на жеребенка, тянувшего к нему свою точеную головку, на краешек солнца, висящий над дальней кромкой леса, и сиделся понять что-то, постичь что-то важное для себя, что было рядом, таилось где-то, и такое чувство было, как будто узнал он как-то простой секрет жизни, которому и названия нет, и если даже не узнал, то приблизился к нему, к этому секрету. Вон он, рядом где-то.

...А место это называется Луговое. Почему Луговое—никто не знает. Лугов здесь мало—одни только пастбища. Да звонкие, прозрачные насквозь березовые леса.

ЧТО ЕСТЬ НОРМА?

Прочитал письма В. Владимиров и А. Козаря, эти два полемически противостоящих друг другу откровения. Не могу определенно встать на ту или иную сторону, но свое мнение высказать хочу. Я будущий инженер, и мне ясно мое будущее материальное положение. Не скажу, чтобы очень раздольно, но с умом жить можно и на эти средства. Не хватит—подработаю честно, как и положено инженеру. Не против я и таких материальных благ, как отдельная квартира, машина и другие ценные вещи, и тут не надо притворяться—все это сейчас стало нормой жизненного уровня человека. Но это личное.

О работе. Я не остановлюсь ни перед чем, если моим начальником будет человек, которому чужды интересы дела. А сколько еще таких, по вине которых страдает производство, не выполняется план, происходят нарушения дисциплины. Меня не волнует, сколько я буду получать, но скажу, что настоящему лидеру никогда не станут давать ключи и прозвища, оскорблять и клеветать на него. В моем понимании хороший руководитель—это высокообразованный, эрудированный, тактичный человек. Он должен быть стратегом и тактиком, постоянно искать новое, совершенствовать производство, отбрасывать старое, никогда не забывать о связи «производство—люди». Именно люди—первостепенная составляющая производства.

Вот такого человека можно назвать настоящим руководителем и инженером, то есть человеком преобразующим, работающим на благо людей. И уж будьте уверены, В. Владимиров, что если А. Козарем движет та идея, которую я выразил выше, то это, несомненно, отразится на его материальном положении. Делать карьеру в интересах производства нравственно. Инженеры—это люди, которые преобразуют мир, и жить они должны прежде всего интересами производства, а не калтурой. И я всеми силами и способами буду делать карьеру, если это надо будет для производства...

К. БИЦУЕВ,
студент МАИ

ПУСТИТЕ В ПЕРВЫЕ!

С самого первого номера журнала, где была напечатана новая рубрика «Хочу быть первым», меня подмывало высказаться.

Увы, и я мечтаю быть первой. Очень страстно. Мечтаю и, как говорится, сплю и вижу это во сне. Прочитала письмо А. Козаря и буквально восхитилась этим человеком. Каждому свое, все пишут о великодушии лидера. Но почему, объясните мне, товарищи, человек должен находиться в тени, если он может многое? Вот я, например. Почему я, умеющая и желающая работать, работаю сейчас на уровне так называемого середняка?

На завод я приехала по распределению. Через полтора года нашла более подходящую (как я считала) работу. Думала, что это, так сказать, ступенька к успеху. Но на этой ступеньке я уже десять лет. Вы представляете?! Мне понадобилось десять лет, чтобы я поняла, что ничего у меня на этой работе не выйдет. Самое обидное то, что работа мне нравится, я ее люблю, но я уйду, обязательно уйду. До слез обидно, что десять лет надо вычеркнуть из жизни. Не могу написать, чего стоила мне эта работа, каких душевных сил, сколько слез я пролила...

У нас лидер на работе бессменный, так сказать, «штатный». Он был назначен до того, как я пришла в этот коллектив. И вот уже десять лет работаем, а лидер все тот же. Вернее, два лидера: формальный и неформальный (как вы уже догадались, неформальный лидер—это я). Вы знаете, что это такое, когда в коллективе два лидера?

Что бы я ни делала, как бы ни работала, все без толку: лавры ему, «штатному». Я устала биться головой о стену. Сколько ночей не спала, старалась улучшить свою работу, изобретала что-то новое—безрезультатно. Все думала: «Меня заметят! Не могут не заметить!» Но сама никуда не ходила, никого не просила, никого не подсиживала. Мои более удачливые, более напористые («нахальные», как сказал мне главный инженер) знакомые давно устроились. Они не мучаются по ночам, спят спокойно, работают вполсилы, а я смотрю на них со стороны и думаю: «Так где же справедливость? Почему я при всех своих способностях и стремлениях на низшей ступеньке, а они процветают?»

Читательская дискуссия: «Хочу быть первым»

Наконец, решила и сходилась к главному инженеру (чем его страшно удивила). Он мне кое-что обещал. Прошло полгода, пока безрезультатно. Снова идти, ходить и напоминать о себе? И в конце концов добиться? Но каким путем, понимаете?

Так что я приветствую таких, как Козарь, и завидую им. Сколько А. Козарь приносит пользы заводу, людям, государству! Я тоже многое бы смогла, знаю это, но не могу сдвинуться с мертвой точки. Работаю отлично, могу заменить любого (и заменяю). Выполняя большой объем работы, получаю наравне с другими.

Но теперь я решила: не хочу больше так! Не хочу тратить свои душевные и физические силы впустую. Последние полгода работаю, как все. Больше сижу, чем работаю, читаю, болтаю. Но душа болит. Болит, что время уходит безвозвратно, что пользы от меня мало.

Чтобы отвлечься, занялась общественной работой. Выпускаю стенгазету, пишу поздравления в стихах, организовываю вечера. Отдаю этому душу. Но результаты моих трудов приписывают другим. А я великодушно стою в тени... Простите меня, стоять в тени мне очень горько!

Н. А., Свердловская обл.

«ТЫ ЗУБРИЛКА!»

Мне пятнадцать лет, я учусь в 8-м классе. Все годы учебы я первая ученица в школе. Каждый год у нас проводят олимпиады почти по всем предметам, и на каждой олимпиаде я стараюсь занять первое место. В школе девочки считают меня скучной. Наверное, потому, что все свое время я посвящаю занятиям: хожу на факультативы, в кружки или решаю трудные задачи по физике, занимаюсь плаванием. На вечерах или в компаниях мне скучно, потому что там только и разговоров, что о джинсах или о поп-музыке.

А. Козарь пишет, что тоже отдает все свое время работе и в этом получает удовлетворение. Но многие его не понимают, как не понимают и меня, считают выскочкой и карьеристкой. Я считаю, что у этих людей просто слабая воля. Ведь вершин в спорте достигает только тот, кто способен сжать свою волю в кулак, отказать себе во многом. А чем спорт отличается от жизни? Те же падения и взлеты, горести и радости. Неправы те, кто говорит, что их устраивает «серенькая жизнь». Просто у них не хватает силы воли, чтобы зажечься яркой звездой на небе. Им хочется показать, что они не стремятся в передовики, но ведь в душе они завидуют тем, кто ломает любые преграды, чтобы достигнуть заветной цели.

У нас в классе мне говорят: «Ты зубрилка! Ты получаешь пятерки только потому, что регулярно учишь предметы. А вот если бы ты ничего не учила и училась бы лучше всех, тогда была бы настоящей отличницей!» Какая глупость! Я согласна, в нашем классе есть ребята, которые, может быть, талантливее меня в физике или в математике, но ведь первое место на олимпиаде по этим предметам взяла я, а не они! Где же тогда их таланты? Что-то не очень блестят за тройками и двойками. Жизнь — это беговая дорожка. И быть на ней лидером может только сильный духом, волевой человек.

Вера ДРИНЯЕВА,
Лозовая, Харьковская область

НА РАБОТЕ — РАБОТАТЬ

Мне 37 лет. Женат. Двое детей. Пока. Работаю не инженером, а наладчиком автоматических линий на КамАЗе. Имею, как считаю, все необходимое для нормальной жизни. Только все наше, советское: и аквариум с рыбками, и совесть трудящегося человека, и постоянное желание работать артистично, и чувство отвращения к туеядцам и жуликам.

Мне импонирует молодой киевский инженер А. Козарь, стремящийся стать начальником цеха, потому что он хочет **работать на работе**. Мне импонирует тот начальник цеха, который забывает, что такое свободное время, который не покидает рабочего места, пока не уверится, что им сегодня сделано все необходимое и возможное. Но почему он зачастую не может вовремя уйти с работы домой, где его ждут жена, дети, друзья, не имеет возможности прочитать новую книгу, сходить в театр?

Не потому ли, что владимировцы не сделали что-то, работая спустя рукава, скорее всего отбывая, как они считают, время, дабы потом с неистраченной силой на халтуре «зашибать денюгу»?

Не слишком ли много развелось у нас скрытых туеядцев, которые, получая и в самом деле немалые деньги, паразитируют за счет тех, кто «вкалывает», «лезет из кожи вон», «становится на уши»?..

Р. НУРМИ,
Набережные Челны

НА ЯЗЫКЕ КАРЬЕРИСТА

Считаю, что по-настоящему честный труженик, способный и самоотверженный, постесняется даже в мыслях произносить эту нескромную фразу «Хочу быть первым», если только она не относится к спортивному состязанию или конкурсу знатоков.

В одном из своих рассказов Дж. Лондон высказал философскую фразу глубокого смысла: «Только тот достоин уважения, кто не считает себя лучше других». Пренебрежительное отношение к общепринятым понятиям «карьера», «карьерист» очень устойчиво. Думаю, не без причин. Из письма Козаря прослеживается, видимо, невольное для самого автора, характер карьериста, работающего не ради успеха предприятия, а ради собственного успеха. Он, конечно, понимает, что о его личных успехах могут судить по производственным показателям. У него есть, если верить на слово, способности, и он старается. Но!.. «Мой участок», «мой цех» вместо «наш участок» или «участок, где мне поручено работать» и т. д., а также «помог квартиру выбить», «в бригады протолкнул» — это же язык делая. Выбивать и проталкивать у нас принято то, что сомнительно или противозаконно...

И. ЗЕМЛЯКОВ,
преподаватель, Днепропетровск

ЧЕЛОВЕК РАСТЕТ

Страшно, если дети, наша смена, приучатся с детства видеть жизнь только через призму бытового отношения к вещам, если джинсы фирмы «Леви» могут стать меркой их отношения к ровесникам, к родителям, к жизни, если они вырастут в духе поклонения только вешным кумирам, и модные заграничные ансамбли затмят для них вечное звучание сонаты Бетховена и сонетов Шекспира. Если шкала духовных ценностей будет стоять для них на точке замерзания.

В век устремления к звездам сидеть, как В. Владимиров, на куче фирменного барахла в полном убеждении, что представляешь Человечество? И считать себя первым? Неразумно и глупо!

Н. ИВАНОВА,
ассистент режиссера, Москва

ВО ИМЯ ЧЕГО?

Позвольте поделиться некоторыми соображениями, возникшими при чтении писем Козаря и Владимирова. Перед нами две жизненные позиции, два кредо. При этом они не то чтобы типичны, а, скажем так, в достаточной степени широко распространены среди нынешних молодых да и не очень молодых людей. Авторы обоих писем уверены, что они достигли успеха, нашли свое место в жизни, а вот те, кто строит свою жизнь иначе, — те либо «среднячки», завистники (А. Козарь), либо «искусно притворяются» (В. Владимиров). Кстати, ни у кого, вероятно, не возникает сомнений в искренности обоих оппонентов.

Однако попробуем разобраться подробнее. Первый и, пожалуй, главный вопрос, возникающий при чтении этих писем: а во имя чего все это? Что движет авторами, так яростно отстаивающими свою правоту, когда они строят свою жизнь именно так, а не иначе?

В обоих письмах доминирующая потребность их авторов сформулирована достаточно четко. «Хочу быть первым!» — решительно заявляет А. Козарь. И, судя по его рассказу, весьма настойчиво и методично реализует эту свою главную потребность. Много ли дала ему должность начальника цеха? — с презрением спрашивает В. Владимиров. Да, пожалуй, немало. Он стал первым в цехе. Однако полного насыщения не произошло, и он уже плотоядно приглядывается к должности главного инженера. И все другие потребности оцениваются им с позиций того, насколько удовлетворение их

может служить этой главной, в том числе и потребность в общении, в дружбе. Помните: «Друзей у меня близких не было, да и сейчас их нет». И тем не менее, став начальником цеха, А. Козарь «кое-кому помог квартиру выбить, способных ребят в бригады протолкнул». Да ведь сделал-то он это не потому, что ощутил в себе потребность помочь людям, а для того, чтобы утвердиться, укрепить свои позиции. Уход предшественника, не столь энергичного и предприимчивого, Козарь комментирует с иронией, граничащей с цинизмом: «Как говорится, каждому по способностям». Нет, не представляют люди в его глазах истинной ценности, и интерес к ним ограничивается рамками их пригодности его собственным интересам.

И все же можно было бы понять инженера Козаря и даже позавидовать его целеустремленности, если бы за всем этим стояла истинная увлеченность делом — своим, единственно необходимым. Увы, в письме ни слова о том, нравится ли ему профессия, любимая ли у него работа. А так — перебросьте его на заготовку березовых веников, он и там будет целеустремленно пробиваться в лидеры.

И все же, на мой взгляд, оппонент Козаря — фигура еще более одиозная. Начну с того, чем закончил размышления о Козаре. Можно было бы понять «Владимирова В.», если бы за его образом жизни стояла увлеченность... ну, хоть коллекционированием дверных ручек. А так — что же особенно завидного в его жизни? Работа ему не нравится, она его устраивает, потому как «ни напряженного плана не спрашивают, ни сверхурочными заказами не загружают». А что если дать инженеру Владимирову напряженный план, спросить на всю катушку? Судя по тому, что он говорит о себе, — уйдет. Уйдет туда, где не спрашивают, и потому что он «плевать хотел на все должности, если они не принесут главного в жизни — материального достатка».

Стоп! Вот оно, то главное, через призму которого и смотрит на мир инженер Владимиров. Потому и бросают владимировцы «постылые» профессии и, сколачивая строительные ватаги, дерут три шкуры с колхозов, расклеивают объявления о репетиторстве, плетут конъюнктурные дамские сумочки или «помогают новоселам благоустроить быт». Очень точно сформулировал свой жизненный девиз В. Владимиров: «Умеешь жить — ты в почете и уважении, не умеешь — сиди и помалкивай».

Не допускает он, что могут существовать иные мотивы деятельности, нежели те, которые движут им. А то ломай себе голову — что это гонит молодежь на БАМ? «Длинный рубль», конечно. А этот чего ради горит на общественной работе, воспринимая чужие беды как собственные? Ясное дело — притворяется, а по сути — выбивает себе теплое место под солнцем.

Но вернемся к спору А. Козаря и В. Владимирова. Казалось бы, перед нами антиподы, не так ли? Между тем, если посмотреть пристальнее, между ними немало общего. Оба писма проникнуты презрением к окружающим, среди которых в основном среднячки, завистники, неудачники, лицемеры... Центр внимания и уважения А. Козаря — А. Козарь, В. Владимирова — В. Владимиров. Однако у обоих нет полной уверенности в правильности выбранной позиции. Им еще нужно, чтобы и окружающие, большинство из которых они ни в грош не ставят, подтвердили: да, ребята, вы правы. Ну что ж, Александр и Владимир, вы хотели откровенного мнения о правильности своего кредо? Вот оно: мне жаль вас обоих. Потому что на один из самых важных вопросов: «А счастлив ли автор этого письма?» — направляется ответ: вряд ли. Почитайте очерки Л. Жуховицкого в №№ 18, 20, 21 за прошлый год в «Смене» и признайтесь честно: вы не завидуете героине их? Я завидую. ТиВи, совершившая совершенно абсурдный, с точки зрения обоих авторов, поступок, отказавшись и от служебного продвижения и от материального благополучия, — вот это действительно счастливый человек. Она нашла себя. И делает все от нее зависящее, чтобы сделать счастливыми тех, кто вокруг нее. А вам — если очень повезет в жизни — это еще предстоит.

Владимир АНУРИН,
зав. отделом пропаганды и агитации
Советского РК КПСС
г. Горького

От редакции.
Наша дискуссия,
как вы видите, уважаемые читатели,
в самом разгаре.
Ждем новых откликов,
новых размышлений.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВЫМПЕЛ ФЛОТА

Вице-адмирал

Виссарион ГРИГОРЬЕВ
отвечает на вопросы
корреспондента «Смены»

— Без малого шестьдесят лет назад Всероссийский съезд РКСМ принял решение о шефстве комсомола над Военно-Морским Флотом. Виссарион Виссарионович, вы стали военным моряком в те двадцатые годы, стояли едва ли не у самых истоков строительства нового Красного Флота. Так что вам слово. Но сначала о том, как вы попали на флот, насколько это совпадало с вашими личными планами на жизнь?

— Если честно, то не очень совпадало. Мне было восемнадцать, я работал в ту пору управляющим делами Рязанского горкома комсомола и мечтал сначала о журналистике, затем хотел стать профессиональным музыкантом. Но жизнь требовала от нас иного. Надо было бороться с разрухой, сколачивать комсомольские ячейки, организовывать школы, охранять от бандитских налетов хлебные склады. Комсомол был на самых передовых рубежах строительства нового общества, брал на себя практическое решение первоочередных задач в экономической, политической, военной сферах. Работая в комсомоле, я был в самой гуще общественных забот.

Мы знали о трудном положении, в котором оказались тогда военно-морские силы страны. Порты и базы были разрушены интервентами и белогвардейцами, значительная часть кораблей потоплена или уведена врагами. Оставшиеся корабли требовали ремонта. Флоту не хватало опытных кадров,

гражданская война выбила из его рядов лучших и опытных моряков. Поэтому с огромным энтузиазмом на местах поддержали решение V Всероссийского съезда РКСМ о шефстве комсомола над ВМФ. Почти сразу же рязанский комсомол направил на флот первый отряд добровольцев.

А потом настала и моя очередь. Вызвал меня секретарь губкомсомола и сказал: «Тебя, Григорьев, мы решили послать по разверстке ЦК в военно-морское училище. Честь это высокая, думаем, что доверие оправдаешь». Отказываться, сами понимаете, я не имел права. Так и стал военным моряком.

— Не жалеете, что изменили музыке?

— Нет. Всю жизнь благодарен комсомолу за высокое доверие. А музыка, что ж, она осталась со мной как увлечение.

— Из кого формировались тогда кадры для флотов?

— В основном из рабочей молодежи, потомственных пролетариев, знакомых с механикой, слесарным, кузнечным делом. На кораблях нужны были специалисты. Немало среди тех, кого комсомол направлял на флот, было людей, уже поносивших пороха. Ну, а в училище старались отбирать ребят, имевших среднее образование, обязательно активистов, убежденных идейных борцов.

— Но ведь шефство комсомола над флотом не ограничивалось только подбором кадров.

— Конечно, нет. Хотя десятки тысяч парней, пришедших на флот по комсомольским путевкам, составили вскоре кадровый костяк военно-морских сил, шефство выражалось в самых различных формах. Можно даже сказать, что комсомол и флот были понятиями не-

разделимыми. Я особенно это почувствовал, когда после окончания Ленинградского военно-морского училища имени М. В. Фрунзе прибыл на Амурскую военную флотилию. Обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться тревожной. После конфликта на КВЖД китайские и японские милитаристы продолжали курс на военную конфронтацию, нарушали границу, обстреливали наши береговые посты и корабли.

Амурская флотилия постоянно находилась в боевой готовности. Силы ее были не так уж велики — несколько мониторов и канонерских лодок. Но в доках кипела работа — комсомольцы Хабаровска, окрестных поселков ремонтировали старые корабли, оснащали их артиллерией. Бывало, что в таких вот субботниках участвовали все члены краевого комсомольского бюро. И работали они на самых сложных участках. Особенно много труда вложили хабаровские комсомольцы в восстановление монитора «Дальневосточный комсомолец», который впоследствии не раз отличался в боевых операциях. Отношения между моряками и комсомольцами города самые дружеские. Представители городской молодежи часто бывали на кораблях, аникали в ход боевой учебы, помогали, чем только могли.

Однако в шефстве принимали участие не только дальневосточники. Забота о строительстве флота была кровным делом всей молодежи страны. У многих комитетов комсомола были и свои подшефные корабли. Над моряками-дальневосточниками и нами, амурцами, шефствовали сибирские областные и краевые организации. И как бы далеко они ни находились — в Омске, Новоси-

бирске, Якутске, — мы регулярно ощущали их поддержку. От шефов приходили на корабли подарки — теплая одежда, рукавицы, часы.

Насколько велико было внимание комсомола к флоту, можно судить уже по тому, что во время обмена комсомольских билетов к нам, амурцам, приезжал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев.

— Расскажите об этом подробнее.
— Я тогда был назначен старшим помощником командира на флагманский монитор «Ленин». Прекрасный корабль, настоящая плавающая крепость, одних только 120-миллиметровых орудий восемь, маневренный, быстроходный. После его осмотра Косарев выступил перед экипажем, призвал нас к еще большей бдительности, а потом командир отделения рулевых Иван Сахно вручил почетному гостю комсомольский билет нового образца. Тогда же Косарев вручил билеты всем морякам. И мне. Этот билет я пронес через всю жизнь и храню до сих пор как память о моей молодости.

— Ну, а военморам приходилось бывать у своих шефов?

— Не очень часто; обстановка, повторяю, на границе была накалена, но мы пользовались любой возможностью, чтобы нанести шефам ответный визит. И всюду моряки чувствовали себя в этих случаях в кругу близких, родных людей.

Никогда не забуду наш поход в Комсомольск-на-Амуре, торжественный митинг, посвященный закладке нового города, парад, который принимал командующий армией В. К. Блюхер, руководители края. Вместе с отрядом молодых строителей Комсомольска шел сводный батальон моряков, которым довелось командовать мне.

Блюхер положил первый камень и в основание закладывавшегося в тот же день завода. Я — двадцать четвертый.

А спустя три месяца наш монитор вновь пробивался через амурские льды к строящемуся городу, теперь уже на выручку. Мы везли Комсомольску-на-Амуре горячее, без которого остановилась бы стройка, замер бы город. Тяжелый был рейс, огромного мужества потребовал он от моряков. Но горячее было доставлено в срок.

И еще одно прочное звено связывало нас с местными комсомольскими организациями. На корабли приходили служить парни из шефствующих над флотом областей и районов. Они быстро постигали боевую науку, ибо задолго до действительной службы начинали изучать морское дело: эти ребята становились ядром корабельной комсомолки, опорой командира.

Служба на флоте и многолетняя жизнь подводников. Лучшие специалисты ветеранов флота. Они постоянно совершенствуют свое боевое мастерство.

— Виссарион Виссарионович, вы прошли войну, как говорится, от звонка до звонка, начав ее на Дунае, закончив на Шпрее. На ваших глазах десятки, если не сотни раз воспитанники Ленинского комсомола проявляли героизм. Какой из эпизодов вам памятен особенно?

— Примеров подлинного героизма, который демонстрировали в боях военные моряки, сотни... Но об одном из них следует сказать особо.

Это случилось в последние дни войны, когда наши части готовились к штурму логова фашизма — Берлина. Я тогда командовал Днепровской военной флотилией и получил приказ оказать содействие 5-й Ударной армии. Эта армия должна была захватить центральные районы Берлина, правительственные учреждения, бункер Гитлера. В помощь штурмующим Берлин частям мы, моряки, решили выделить отряд из 12 полуглиссеров. Как раз накануне решающих боев флотилия получила пополнение — сто человек: посланцы комсомола, совсем еще молодые ребята. Но они так рвались в бой, боясь не успеть повоевать, что мы решили 12 человек из пополнения назначить в отряд полуглиссеров помощниками рулевых. Тут надо отметить, что в период войны комсомол объявлял несколько своих, комсомольских призывов на флот. Он посылал на корабли лучшие свои силы. Как правило, посланцы ВЛКСМ воевали умело и мужественно.

Так вот, началось форсирование Шпрее. Наши катера, приняв десантные группы, рванулись через реку. Вода вспенилась от взрывов, закипела от пулеметных очередей. Огонь гитлеровцев был очень плотный. Но катера доставили десант на противоположный берег и вернулись за другими группами.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД НЕВИДИМАЯ ГЛАЗУ ЦЕЛЬ БУДЕТ ПОРАЖЕНА.

Фото Леонида ЯКУТИНА

Так, под страшным огнем, сделав каждый больше ста рейсов, наши полуглиссеры перевезли за полутора суток шестнадцать тысяч бойцов, отбуксировали через Шпрее много танков и другой техники. И те двенадцать моряков-комсомольцев из пополнения, которым едва исполнилось 19 лет, проявили при этом столь высокое мужество, что командование представило всех их к наградам. Шестеро из них посмертно были удостоены звания Героя Советского Союза. И это за первый же бой. Подробно я рассказываю об этом в моей книге, которая должна вскоре выйти в Воениздате.

— Виссарион Виссарионович, дружба, которая связывает Ленинский комсомол и флот, крепка и поныне. Это не просто дань традиции, а одно из практических дел комсомола, взявшего на себя ответственность за укрепление Военно-Морского Флота еще шесть десятилетий назад. В чем выражение этой связи флота и комсомола сегодня?

— Как и прежде, Ленинский комсомол направляет на флот лучших своих воспитанников. Морские и океанские просторы бороздят современные быстроходные корабли, многие из которых носят имена областных и краевых комсомольских организаций. По прекрасной традиции служат на этих кораблях парни, призванные из тех же мест. Они задают тон в экипажах, показывают пример беззаветной преданности своему долгу. По-прежнему частые гости на кораблях представители «сухопутной» комсомолки. А взять флотское социалистическое соревнование. Первую скрипку в нем играет опять же комсомол.

Неузнаваемо возросло могущество нашего флота за шесть десятилетий. Вместе с тем усложнились и задачи, которые стоят перед личным составом кораблей. От военного моряка сегодня требуется целый комплекс специальных знаний, овладеть которыми под силу людям технически высокообразованным, идейно убежденным. Комсомол многое делает для подготовки молодежи к службе на флоте. Но может еще больше. В этом видится одна из его задач сегодня.

СОВРЕМЕННЫЕ КОРАБЛИ БЛАГОДАРЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОМУ РАДАРМ СПОСОБНЫ ЗА МНОГО МИЛЬ «УВИДЕТЬ» ПРОТИВНИКА.

«Советские ученые немало сделали для подъема сельского хозяйства. Но то, чем мы могли удовлетвориться вчера, уже явно недостаточно завтра и даже сегодня. Вот из этого и надо исходить науке».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из доклада
на майском (1982 г.)
Пленуме ЦК КПСС

передаются без изменений, но под влиянием различных обстоятельств они могут **мутировать**.

Первые формы жизни на Земле были во много раз проще, нежели ныне существующие. Этот процесс превращения древних форм в современные получил в биологии название **эволюции**.

Таким образом, самовоспроизведение продолжает жизнь, мутации определяют изменчивость форм, а наследственность обеспечивает преемственность между поколениями. Если бы не было мутаций, жизнь не могла бы развиваться и оставалась бы в своих первоначальных рамках. Если бы мутации не наследовались, в природе не было бы того многообразия живых организмов, которые мы имеем.

Эти элементарные понятия генетической науки мы излагаем так подробно потому, что они являются теми краеугольными камнями, на которых построено современное здание генетики, в котором сейчас все большее место занимают математические методы.

молекулярной биологии качественно преобразовалась, в корне изменилась вся биология.

Собственно, многие ученые, занимающиеся проблемами истории науки и науковедением, основываясь на детальном анализе закономерностей научнотехнической революции, приходят к выводу, что в ближайшем будущем к генетике и молекулярной биологии перейдет лидерство в развитии естествознания.

В чем же причины такого быстрого взлета генетики и сопредельных с ней областей биологии? Их, вероятно, несколько. Одни лежат за пределами самой генетики и даже биологии и носят общенаучный характер, другие обусловлены спецификой генетики, ее методологии и методов.

Вполне понятно, что естествознание прежде всего оказалось способным проникнуть в сущность более простых форм движения материи — сначала физической, а потом и химической. Биологическая же форма

К Л Ю О Ч К

Продовольственная программа Наука: биология

Дмитрий БЕЛЯЕВ,
академик, директор Института
цитологии и генетики СО АН СССР,
президент Международной
генетической федерации

Все живое на Земле обладает важнейшими свойствами: способностью самовоспроизводиться, изменяться от поколения к поколению, сохранять полученные изменения — и, кроме того, способно к саморегуляции. Генетика, основы которой заложены открытиями чешского ученого прошлого века Грегора Менделя, и определяется как наука о законах наследственности и наследственной изменчивости живых организмов. Она с самого начала развивалась как наука точная. Такая же, как физика или химия.

Сведения об экспериментах Г. Менделя опубликованы в 1866 году, но до начала нынешнего века его работы находились в забвении. Поэтому практически современной генетике всего около восьмидесяти лет, это еще молодая наука.

Одно из важнейших понятий нашей науки, послужившее основой для ее названия, — ген. Гены, переносимые хромосомами и передаваемые от одного поколения живых организмов к другому, определяют наследственные признаки. Таким образом, ген — элементарный носитель наследственной информации.

В нормальных условиях гены воспроизводятся и

все шире используется точнейшая и тончайшая аппаратура, еще недавно казавшаяся фантастической.

До середины нынешнего века ген, действие которого уже было достаточно хорошо изучено, все еще оставался «вещью в себе», некоей таинственной величиной. Теперь мы знаем о нем не только то, что он является частью молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), составляющей основу ядра клетки живого организма, но можем увидеть и даже смоделировать его. Для многих генов известны точные составы входящих в них нуклеотидов, и существует практическая возможность создания генов из химических веществ.

За последние тридцать лет возросли познавательные возможности генетики. Сейчас генетическая наука равноправно участвует в решении таких проблем, как охрана окружающей среды, расширение продовольственной базы человечества, здравоохранение.

За эти годы генетика в своем развитии проникла в такие сокровенные тайны природы, как, например, генетический код, которые еще совсем недавно казались просто недоступными для анализа. Под мощным напором генетики и порожденной ее прогрессом

движения материи казалась такой сложной и недоступной в своем многообразии, что долгое время развитие биологии было связано главным образом с описанием и систематизацией разных форм и проявлений жизни.

Создание в середине прошлого века основ клеточной теории и теории эволюции революционизировало биологию. Однако пропасть между органическим миром и неживой природой казалась по-прежнему бездонной, и все это порождало вплоть до последнего времени различные виталистические представления, ложные в своей основе.

Особое значение в борьбе с такими представлениями имел эксперимент, который стал неотъемлемой частью биологии вообще и генетики в частности. Дело в том, что, начиная с гениальных по замыслу и постановке экспериментов Г. Менделя, генетика развивается как экспериментальная наука. С тех пор единственный метод получения фактов в генетике — эксперимент.

Это на первый взгляд тривиальное обстоятельство в действительности давало ей серьезные преимущества перед другими биологическими дисциплинами, позволяя задавать природе дерзкие вопросы о законах наследственности и изменчивости.

Стремление проникать в глубь живого наталкивалось на отсутствие отлаженных методов, соответствующих самой постановке проблемы. Создание цитогенетического метода позволило частично приблизиться к решению этой принципиальной задачи.

На этом этапе была создана хромосомная теория, построены первые генетические и цитогенетические карты. Понятие гена стало более конкретным, он стал осязаем, как материальная единица.

Разрыв между живым и неживым еще не был завершен. Сама концепция гена была далека от совершенства. Он представляется неделимым и чрезвычайно стабильным. Лишь после этого в генетике создаются теории с выраженным синтетическим подходом, устремленные в биологию в целом. Речь идет о синтетической теории эволюции, впитавшей в себя основы дарвинизма, генетики и некоторых других биологических дисциплин.

Затем генетика включает в арсенал своих методов биохимический анализ, формируются и получают опережающее развитие генетика микроорганизмов, генетика фагов и вирусов. После этого биология обогащается электронной микроскопией, методом радиоактивных изотопов, ультрацентрифугированием и многими другими методами начавшейся научно-технической революции.

Следующий период развития генетики чрезвычайно результативен — ген представляется теперь внутренне сложным, способным изменяться под влиянием различных агентов: радиации, химических веществ и т. д. Возникает представление о важной роли ДНК в хранении и передаче наследственной информации, формулируется первый молекулярно-генетический постулат: «Один ген — один фермент». Параллельно с разработкой центральной проблемы — структуры и функции гена — идет активное развитие популяционной генетики и генетики человека.

Таково было положение в генетике в самом начале 50-х годов. Открытие структуры ДНК в 1953 году, осознание ее генетической роли привели к лавинооб-

решение проблемы наработки этого гормона — один из самых ярких примеров подобного рода. Перспективы широкого практического использования этих выдающихся завоеваний современной биологии разнообразны и захватывающи. Это и создание штаммов микроорганизмов — продуцентов ценных веществ, и интродуцирование высшим растениям способности к фиксации атмосферного азота, и многое другое. При беглом взгляде на эти факты может показаться, что основные генетические проблемы уже нашли свое решение. В действительности дело обстоит далеко не так.

Вот один пример: несмотря на полное знание структуры ДНК у конкретного вируса или фага, нам не все известно о том, как она ведет себя в процессе жизнедеятельности. Это серьезная и увлекательная задача, которая пока не имеет окончательного решения. Уровень нашего познания структуры и особенностей функционирования организмов, более сложно устроенных, чем вирусы и фаги, существенно выше, поэтому, несмотря на выраженную тенденцию к развитию молекулярных исследований, несомненна и другая тенденция — изучение генетики на уровнях клетки и организма.

Последние годы ознаменовались появлением принципиально нового метода и соответствующей дисциплины — генетики соматических клеток. Основной метод генетики соматических клеток — искусственное слияние клеток, другими словами, гибридизация клеток, принадлежащих различным, даже очень отдаленным видам организмов.

Благодаря широкому использованию метода селективных сред (пришедшему из генетики микроорганизмов), а также методам дифференциальной окраски хромосом и электрофореза белков и ферментов генетика соматических клеток оказалась способной в короткие сроки решать важнейшие задачи. Взять хотя бы такую классическую процедуру, как создание генетических карт, столь необходимых в решении многих практических и теоретических проблем. Здесь

ней и аномалий. Во многих странах, в том числе и в СССР, создана система медико-генетического консультирования. Разработаны методы предварительной диагностики различных наследственных заболеваний, что в перспективе поможет избавиться от трагедий миллионы семей. Заметные успехи достигнуты и в области генетики злокачественных новообразований.

Резкое сокращение и даже утрата уникальных растительных и животных генотипов, происходящее в современном мире, так же, как и всевозрастающее мутагенное действие внешней среды, возникающее в результате хозяйственной деятельности человека, вызвали появление целого нового раздела в генетике. В настоящее время научно обоснованы многие важные параметры внешней среды, изучены вредные побочные последствия современной цивилизации. Использование генетических знаний и методов в охране биосферы возрастает.

Специфичность отдельных направлений и методов, существующих в генетике, не заслоняет от нас их глубинной внутренней взаимосвязи и взаимозависимости. Наоборот, наибольший прогресс отмечается именно там, где это взаимодействие осуществляется органично и диалектически.

Дополнительный толчок к расширению научных исследований в области генетики был получен после создания в 1957 году в составе Сибирского отделения Академии наук СССР Института цитологии и генетики.

В течение почти четверти века в нашем институте разрабатываются два основных направления: исследования в области структуры и функционирования генетического аппарата и исследования генетических основ эволюции и селекции. Содержанием первой проблемы является изучение строения и функций клеточных структур и биологических полимеров, ответственных за хранение и реализацию наследственной информации. В другом направлении основное внимание ученых института сосредоточено на изучении генетических механизмов эволюции и разработке методов управления формообразовательным процессом высших растений и животных.

Оба направления разрабатываются в тесном единстве, как две взаимосвязанные задачи единой системы овладения законами наследственности и изменчивости. Мы стараемся сочетать теоретические и крупные прикладные задачи и устанавливать тесную связь с селекционными учреждениями страны.

Одной из наиболее важных и интересных проблем, решаемых учеными нашего института, является направленный мутагенез. Сущность работ, проводимых в лабораториях института, состоит в том, что на ДНК различных живых организмов действуют определенными химическими веществами — мутагенами, избирательно действующими только на заранее выбранные исследователем гены.

Учитывая, что научный поиск в этом направлении, очевидно, будет продолжаться еще долго, метод направленного мутагенеза следует считать весьма перспективным. В будущем он может быть использован в создании различных растений. Особенно перспективно использование направленного мутагенеза в селекции микроорганизмов для создания новых штаммов микробов — продуцентов необходимых человеку веществ: антибиотиков, витаминов, аминокислот, белков.

В области генетических основ селекции животных самых различных видов ученые нашего института также добились заметных успехов. Серьезные научные результаты в этом направлении, как правило, сочетаются с многообещающими народнохозяйственными разработками.

Говоря о наиболее заметных успехах ученых института, нельзя не упомянуть работу по созданию синтетического гена. Невозможно в одной статье подробно рассказать об исследованиях подобного класса, поэтому ограничимся только упоминанием, что группе генной инженерии удалось синтезировать ген, который после введения в кишечную палочку начинает там действовать. При этом вырабатывается физиологически активный гормон ангиотензин-1, имеющий большое значение для здоровья людей, страдающих некоторыми тяжелыми заболеваниями.

Разумеется, получение синтетического гена, продуцирующего гормон, может быть расценено как решение частной прикладной задачи. Однако это только первый шаг в совершенно новой области знаний, открывающий безграничные перспективы овладения тайнами живой природы.

Сибирские генетики, вооруженные марксистско-ленинской методологией, с каждым годом ставят перед собой все более сложные проблемы фундаментальной науки и решают их в сочетании с наиболее важными прикладными задачами. С каждым годом генетика открывает все больше своих тайн, и после каждой такой победы становится яснее, насколько оно величественно — монументальное здание современной генетики, как много в нем важного для человечества, как много в нем непознанного.

КЛЕТКЕ

разному развитию исследований в генетике и биохимии и возникновению молекулярной биологии. Количественный рост, осуществлявшийся на предыдущих этапах развития генетики, привел к резким качественным преобразованиям не только генетических знаний, но и биологии в целом. Благодаря выдающемуся прогрессу в этой области разрыв в нашем понимании разных форм движения материи был сужен до предела. Возникло представление о «живых молекулах», способных при определенных условиях самовоспроизводиться.

Широта и глубина научных задач, использование новых понятий, символики, научного языка, методов и, наконец, новой методологии превратили генетику и прилегающие разделы биологии из узкоспециального раздела естествознания в одну из наиболее популярных и интенсивно развивающихся областей. Интерес к этой области знания значительно возрастает благодаря возможностям практического применения достижений генетики и молекулярной биологии.

В своем докладе на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев указал на роль ученых в выполнении Продовольственной программы. В генетической науке накоплен немалый теоретический и практический задел, который нам необходимо уже сейчас широко использовать. И достижения генетики уже используются. Так, например, они дали агрономам и селекционерам новые, небывалые раньше возможности. Селекционерам не приходится теперь подолгу блуждать вслепую. Сейчас, когда многие законы наследственности уже познаны, они заранее видят, какое потомство получат от двух различных родителей. То есть выведение нового сорта идет не наугад, а целенаправленно. Вследствие этого результаты получаются гораздо быстрее, да и лучше. Ученые выводят сегодня новые сорта сельскохозяйственных растений не только методом скрещивания географически удаленных форм, как это чаще всего делалось еще совсем недавно селекционерами. Современные сорта получаются и с помощью мутаций — тех изменений, на которых тысячелетиями строилась эволюция.

Каково же проникновение современной науки в глубины жизни, если стало возможным искусственное создание элементов живых систем, идентичных природным! В качестве доказательства того, что указываемая возможность не иллюзорна, можно привести примеры синтеза конкретных генов и использование результатов этих опытов в практике.

По-видимому, синтез гена инсулина и последующее

генетика соматических клеток произвела переворот — резко ускорила создание генетических карт человека.

Очень важным является метод создания аллофенных, или химерных, организмов. Применение его оказывается весьма целесообразным в генетике развития различных организмов. Сейчас разрабатывается метод клонирования, который позволит создавать организмы с заранее известными свойствами. Нетрудно понять, какова важность подобных исследований для развития теории и, может быть, в будущем для сельскохозяйственной практики.

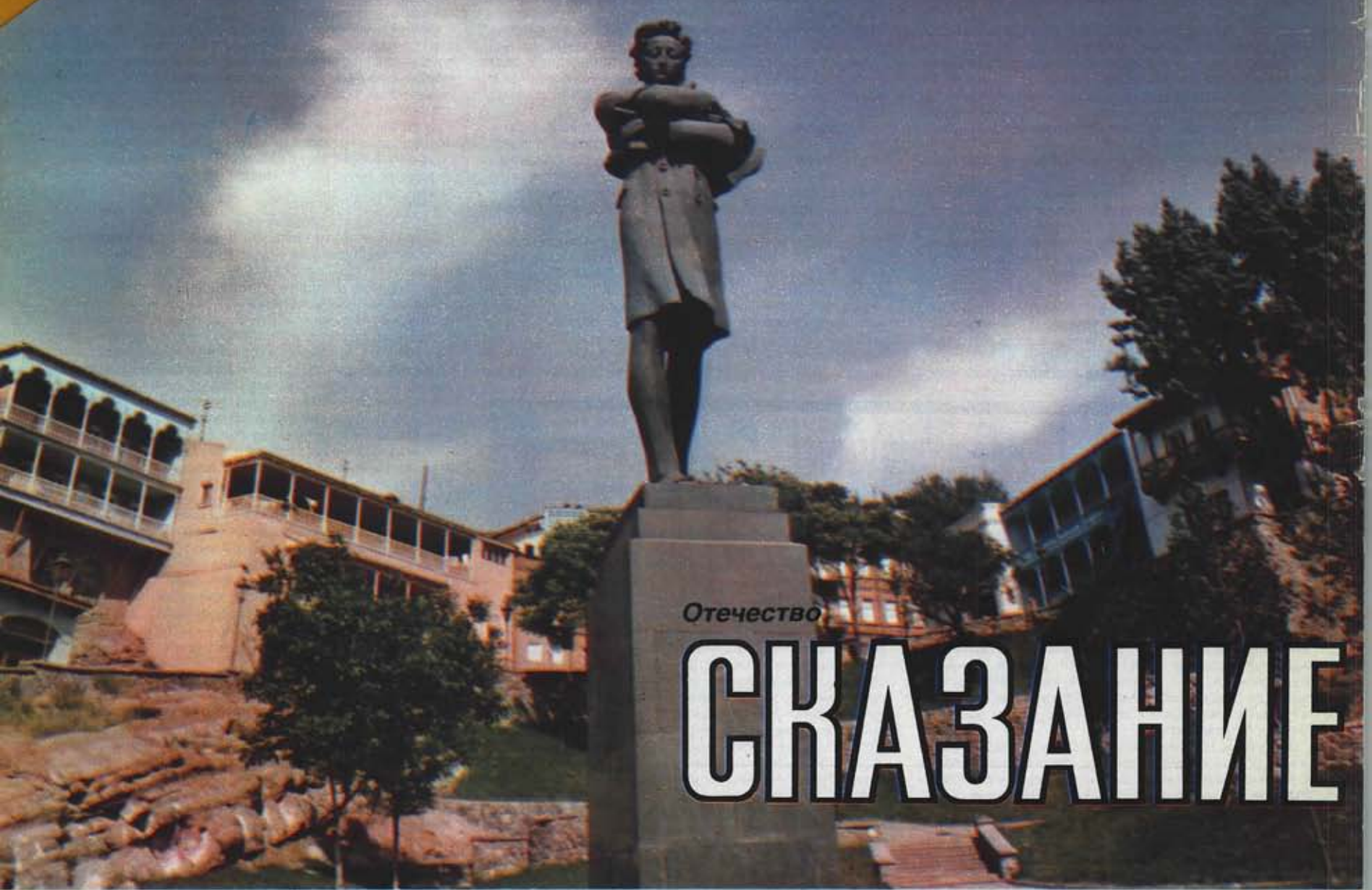
Создание новых сортов и осуществленная вслед за этим «зеленая» революция в странах Юго-Восточной Азии и Мексике — лишь один из многих примеров плодотворного сотрудничества. В настоящее время селекционно-генетические работы привели к созданию новых видов растений, прежде никогда не существовавших на нашей планете.

Это и тритикале (гибрид пшеницы и ржи), и пшенично-пырейные гибриды, и многие другие формы сельскохозяйственных растений, сконструированные на базе современных генетических познаний и методов. Огромные возможности для управления формообразовательным процессом у растений получила современная селекция от генетики: химической и радиационный мутагенез, полиплодия и многие другие методы.

Развитие генетики животных также отмечено за последнее время рядом крупных успехов и в теории и в создании уникальных пород животных. В генетико-селекционные программы успешно внедряются методы цитогенетики, иммуногенетики, клонирования, отдаленной гибридизации. Большое значение приобретает разработка оптимальной селекционно-генетической стратегии, работ по генетике поведения, стресса и генетике эндокринных функций. Есть серьезные основания прогнозировать новые крупные успехи в селекционно-племенной работе, которые осуществляются с учетом последних достижений современной науки. Особо по своей важности для человечества место занимают проблемы, связанные с наследственностью человека. Чтобы показать тот колоссальный путь, который пройден генетикой, достаточно сказать, что еще 25 лет назад, например, число хромосом у человека не было известно, а сейчас уже составлены достаточно подробные цитогенетические карты хромосом человека.

Генетико-биохимическому и медицинскому изучению подверглось более 1000 наследственных болез-

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета Дружбы и подвига»

Отечество
СКАЗАНИЕ

Этому разрушению город радовался так, как не радовался ни одной новостройке. Под гул и грохот разваливающихся стен городской летописец, репортер информационного агентства продиктовал на телетайп следующие строки: «Шестой век открылся двадцатому. Четыреста работниц трикотажной фабрики по требованию архитекторов покинули свои рабочие места в ветхом кирпичном здании, которое затем было снесено. Благодаря этому старый квартал с его жемчужиной — базиликой Анчисхати, VI век, скоро предстанет в своем первоизданном виде. Что же касается коллектива трикотажной фабрики, то он в полном составе перейдет в современные корпуса нового производственного объединения...»
Это было одно из тех разрушений, которые не вызывают боли.

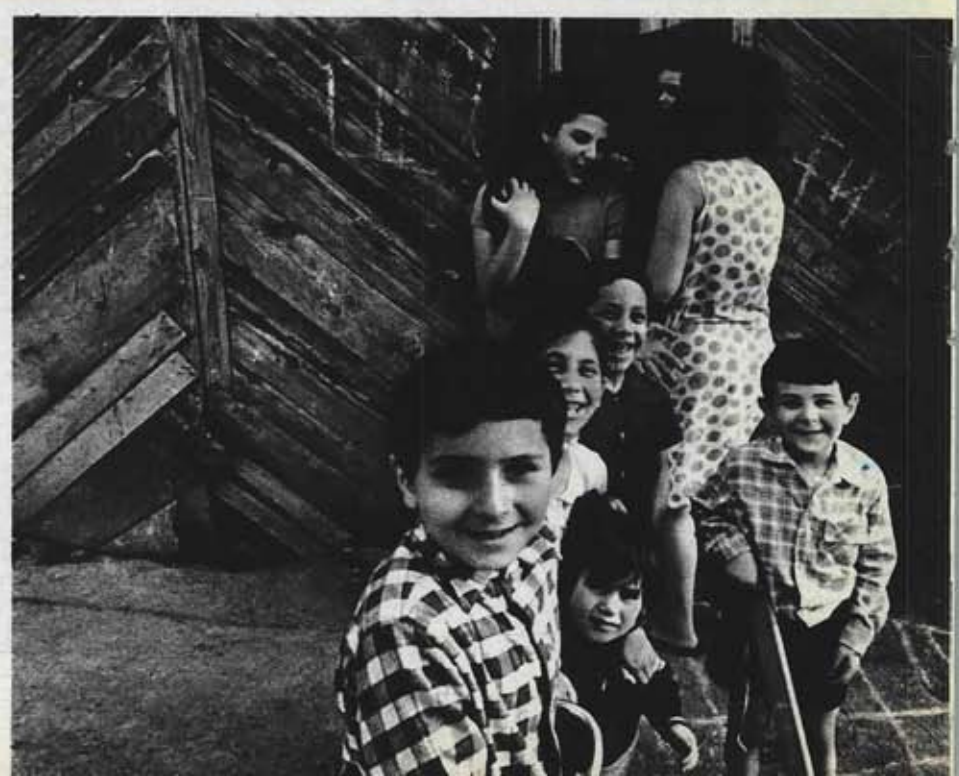
Когда рухнули гнилые кирпичные стены, в освобожденное пространство хлынул свет. Может, его излучала базилика, простоявшая в квартале ровно четырнадцать столетий, а может, он шел

В ГРУЗИИ ЛЮБЯТ ПОЭЗИЮ И ЧТЯТ ПОЭТОВ.

ДРЕВНИЙ ТБИЛИСИ — ГОРОД МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

от домов старейшей в Тбилиси улицы Шавтели, и на лица ее жителей ложился отсвет того же озарения.
Когда вот так, одним ударом, устраняются излишние преграды между тобой и твоим достоинством и нечаянный свет приливает к глазам, начинаешь видеть много больше того, чем дано твоему обыденному зрению.
Итак, рухнула преграда между Анчисхати и остальным городом, и по этому поводу возник праздник. На балконах улицы Шавтели хозяйки накрыли столы. Шел мимо, меня окликнули, и я поднялся в дом по скрипучей лестнице.

Тбилиси — город-импровизация. Этим он похож на множество других древних городов. Однако его самозарождением и развитием управляли такие стихии,

что импровизация стала его характером и образом жизни.

Диво встало у его истока, чтобы навсегда войти в его будни. С того мгновения, когда легендарная стрела вполне реального исторического лица — царя Вахтанга Горгасали сразила легендарного фазана и тот упал в совершенно реальный термальный источник, чем дал царю баснословный повод основать здесь город, с тех самых пор Тбилиси живет между легендой и былью. Искусство, с каким природа расставила здесь свои подмошки, отозвалось в артистизме, с каким его жители принялись творить на них свою жизнь. Она подчинилась прихотям их воображения, причудам рельефа, капризам климата. Город был вынужден уподоблять открытый характер своих жилищ общительному нраву своих жителей, потому что летний энной и романтический ландшафт мало содействовали отшельничеству и меланхолии. Плохо это или хорошо, но горожанин, постоянно ощущая себя участником непрерывного действия, будучи как бы все время на виду у своего дома, квартала, города, испытывал настоятельную потребность в том, чтобы его слова, жесты и поступки были безупречны в глазах окружающих. Мир шумно выражал свое одобрение доброте и беспощадно карал за жадность и жестокосердие. И хотя в нем хватало и слез, и горя, и лишений, жизнь воспринималась, как праздник, единственность которого побуждала жить щедро и красиво.

«Ах, это земля, где живут наиприятнейшим образом и с малым иждивением!» — воскликнул в виду этого пира бытия заезжий французский аббат Делпорт. Как всегда, ему показали смеющиеся лица и утаили слезы, усадили за пиршественный стол и отвратили взор от голодных, усладили слух многоголосым пением, заглушившим плач и стоны. Окружавший его праздник был

сотворен талантливыми художниками и лицедеями. Их авторитет и слава в городе были так велики, что не оставляли им иного выбора, кроме как соответствовать собственному величию.

В хронике последнего в истории города отпора иноземным завоевателям сохранились имена народных любимцев — великого певца и прославленного вожака блистательной актерской труппы. Они возглавили городское ополчение и погибли на поле битвы. Художники умирали, как воины, но художниками быть не переставали. Напротив, слава их, сила и число множились в городе, ибо город любил жизнь, был щедро наделен ее даром и хотел воспевать ее.

Я поднялся в дом по скрипучей лестнице, оглушаемый приветствиями многочисленных незнакомцев. Вскоре, однако, все они стали знакомыми, я узнал их имена и занятия, имена их детей и надежды, которые на детей возлагаются. Меня также посветили в тайну одной из хозяек, без которых, как нетрудно догадаться, это застолье не могло состояться. Оказалось, что эта женщина, Анна Ханукаева, пишет стихи и что один очень известный поэт похвально отозвался о них. У Анны семья, муж, трое детей, старшему сыну двадцать лет, а она пишет стихи, о которых с похвалой отзывался большой поэт.

— Как вам удалось показать ему стихи?

— Подошла на празднике поэзии и попросила посмотреть.

— А если бы он отказал?

— А почему он должен был отказаться?

ЖИВУТ НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ.

**ДЕСЯТКАМ ЗДАНИЙ
РЕСТАВРАТОРЫ ВЕРНУЛИ
ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК.**

Теймураз МАМАЛАДЗЕ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

О ТБИЛИСИ

**КИНТО — ГЕРОЙ МНОГИХ
СКАЗОК И ЛЕГЕНД.**

Действительно, почему?

Свет дня убывал, но ярче загорался кристалл Анчисхати, омываемый излучением ксеноновых светильников, на звоннице бил крыльями голубь, четырнадцать веков свободно и непринужденно входили в пространство беседы. На том берегу Куры мшистая, подернутая дымкой скала косо возносила в вечернее небо дома с балконами, на балконах вспыхивали огоньки, там тоже что-то свое праздновали, и такое возникало

ИВАН ДОЛЯ

ПОЭМА

1

От первого шага
До сотого
Мне памятли эти места.
У шахты Никиты Изотова,
Что названа так
Неспроста.
И дружным огням

Благодарен я,
И людям земного труда,
Живущим в поселке Гагарина,
Где он не бывал
Никогда...
Я черпал мальчишеской
Горсткою
И горстью рабочей
Потом
Живую воду шахтерскую,
Пропахшую горьким
Дымком.
Была и осталась
Такой она.
И все-таки это она
Вспомла шахтера
И война—
Роднящие нас имена.
И песня

Над каменной бездною,
И дымный виток
У звезды—
Земные шаги
И небесные—
От этой безвестной
Воды.

2

А вода жила в овраге
У обрушенных камней,
Где и летом
Ветлы наги
От верхушек
До корней.
А по ней,
По рыжей круче,
По бессмертникам скучным
Из землянки тек
Ползучий,
Выедавший очи
Дым.
Не длинней самой могилы,
Не светлей
И не теплей,
Та землянка
Грудью хилой

Прижималась прямо к ней.
И всю ночь,
Себя неволя,
У оврага на краю
Поверял могиле
Доля
Думу тяжкую свою.
«Под землей
Детей колышем,
И куда ни глянь—
Она,
Все земля—
И пол,
И крыша,
И окошко,
И стена.
И мечта о корке хлеба,
И трехрядка на ремне,
И проугленное небо
В беспросветной глубине.
В одиночку и артелью—
Не сурок,
Не человек—
Из земли
Уходить в землю
И опять—в нее ж
Навек!

3

...Ты, Доля, не забудешь год,
Когда на битву встали други
И обездоленный народ
Взял долю
В собственные руки.
И видел мир:
Из-под земли,
Никем покуда не воспетой,

Навстречу свету
Люди шли,
Всю жизнь
Не видевшие света...
Порой до третьих петухов
Не спишь в Совете поселковом,
Чтоб донести до горняков
Родное ленинское слово.
Ты добывал огонь,
Чтоб в нем
Россия набиралась силы,
Но твоему огню
Огнем
Война гражданская грозила.
Она сжигала на корню
Хлеба,
Что взреть не успели.
Летели от огня
К огню
Твои рабочие недели.
Железо гнется от огня,
Безмолвные сугробы
Плачут,
А ты седлаешь в бой коня,
И сыновья с тобою скачут.
По руку правую—Сергей,
Иван по левую садится...
Кто сосчитает сыновей,
С тобой ушедших на Царицын?
Не всех мы помним имена,
Не всех встречали на вокзалах,
Но поименно их
Страна
В строю солдатском называла.
И беспокойная, как мать,
Она их помнит поименно,
Безмолвно шедших воевать
Под красноразные знамена.

4

Огнем Царицын окружен.
Но сквозь горящие станицы
Летит в столицу
Эшелон
Заволжской
солнечной пшеницы.
Сквозь дым и пламя решено
Прорваться к сердцу обороны,
К Москве,
Где Родине зерно
Необходимо, как патроны.
Сын-комиссар сказал:
— Пройдем!
Мы—из особого металла...
Не раз
Железом и огнем
Нас погань царская пытала.
Рабочий класс
И в этот раз
Не даст
Себя в обиду гадам.
Даешь огня,
Держись, Донбасс!
И ты даешь огня,
Как надо.
Потом кружится голова.
Потом за горло
Голод душит.
Потом встречает вас
Москва,
В людском водовороте
Кружит.
К Кремлю выносит
Сквозь штыки...
Склонившийся
над стопкой книжек,
Ильич движением руки

чувство, будто и там видят и слушают Анну, ее стихи о радости жить среди людей.

Вспомнились вдруг слова Пастернака о тбилисском горожанине, чья открытая жизнь, полная тайны преданий, пробуждает его воображение и делает из него художника.

Легко впасть в сентиментальность, когда пишешь о городе своего детства в возрасте, чрезвычайно далеко отстоящем от этой весенней поры жизни. И опасность идеализации подстерегает тебя за каждым углом, угрожая превратить твои лирические излияния в небылицы, плохо воспринимаемые читателем.

Неопровержимая истина, однако, заключается в том, что этому городу всегда чрезвычайно везло на хороших поэтов и хорошую поэзию. По количеству стихотворных строк, посвященных городам, Тбилиси, несомненно, занимает одно из ведущих мест. Составленная недавно в одном из тбилисских издательств антология стихотворных посвящений Тбилиси, принадлежащих русским поэтам, явила нам едва ли не полный свод самых блестящих имен великой русской литературы.

— До чего же цитатен твой город! Сплошные извлечения, сноски и ссылки на источники!—шутит мой московский друг.

Он не более цитатен, этот город, чем любой другой, воспламенявший собой сердца поэтов. Остается, однако, без ответа вопрос: чем и как воспламеняет он? Тут есть над чем поломать голову, хотя многое и лежит на поверхности.

Кого-то этот город приютил в трудную минуту, кому-то дал пригубить из хмельной чаши братства и дружбы, кому-то предоставил трибуну, печатный станок и аванс, кого-то обласкал и обнадежил, кому-то сказал: «Не горюй!» Все это было. Но главное, наверное, не в этом.

Ираклий Абашидзе как-то рассказывал мне о том, что в молодости он и его собратья по цеху поэтов были как свои приняты в кварталах городских ремесленников. Мастера, чудодеев всяческих ремесел, они знали поэзию, преклонялись перед ней и следовали в обыденной жизни ее канонам.

Воздух в городе был насыщен разрядами стиха. Наверное, ни один из тех, кого судьба приводила в Тбилиси, не мог не почувствовать, каким воздухом дышит.

Если меня вдруг слегка «занесет», знайте, что в этом повинен воздух Тбилиси.

Бродячий певец-импровизатор—типичная фигура старотбилисской среды. Ашуги, как их называли в городе, вместе с романтиками различных ремесел, рыцарями и чудодееми бытия создавали в соавторстве с Тбилиси прятный и колоритный городской фольклор. Неимущие, они были подлинными хозяевами города, потому что владели умами и настроениями горожан.

Их воображение имело одну незыблемую основу—городскую действительность. Путь импровизации был прихотлив, парадоксален, но не более, чем вязь улиц и переулков, образовавшихся по воле рельефа, человека и установленных им законов общежития.

Я решил избрать тот же путь. У меня нет заранее разработанного плана, есть только замысел и цель, а дороги к ним могут быть разные.

Начал я с разрушения. Надо бы рассказать и о восстановлении. Но прежде чем приступить к нему, надо преодолеть не одну гору.

У меня во дворе гора растет. Это не метафора, а факт жизни. Прямо от порога дома вверх уходит горный склон, именуемый в географии отрогом Телетского хребта. Ежедневно пешком или на автобусе я совершаю восхождение на него. Труд жизни в этом городе сопряжен с постоянными восхождениями.

Итак, мне достался отрог Телетского хребта, людям соседнего квартала—Сеидабадская возвышенность, их соседям—Солалакский хребет. Кто-то живет на Пикрис-гора—Горе дум, кто-то на Махатской горе, кто-то—на Лоткинской... А еще кому-то досталась Мтацминда.

Кому-то достались страсти святого Давида, вера и упорство, с какими он долбил келью в скале и проповедовал,

досталась тоска и надежды Александра Грибоедова, скорбь и слезы его Нино, откровения Николоза Бараташвили, космический замах Маяковского: «О, это эстрада, с которой можно разговаривать со всем миром!»

Мтацминда—Святая гора—не единственная святая гора в Тбилиси. На моем Телетском хребте однажды нашел я камень, на котором с трудом разобрал надпись: «В могиле сей местоположен я, тбилисский горожанин Закариа. Прохожий, скажи мне свое поминание».

Будь благословен, неведомый мой предшественник Закариа. Мир праху твоему, взывающему к вечности. В тлен превратилось тело, в землю превратилось, а дух вознесся над ней и стал воздухом нагорья. Воздухом, которым я дышу.

Что ни улица, то подъем. Подъем в Тбилиси—официальное название улицы. Подъемам у нас дают имена славных людей—подъем Бараташвили, например, или славные обозначения в честь дорогих нашему сердцу понятий—Винный подъем. Или придумывают грустные названия с явным философским подтекстом: Последний подъем.

С подъема на подъем я поднимаюсь медленно, как поется в старой тбилисской песне. Гляжу на доверчивую открытость домов, слабых и ломких, как платановый лист в пору листопада, и предвижу их скорый конец. Не вас мне жаль, ржавая истонченная жесть, гнилое дерево, тусклое стекло, изъеденные древооточем подпорки—там, где люди сильно любили или сильно страдали, навсегда сохраняется слабый аромат чувства, как будто оно полностью не умирает, как будто эти места приобретают некую духовную значимость, которая таинственным образом отражается на тех, кто попадает туда».

С горы на гору, с подъема на подъем и все для того, чтобы объяснить читателю своеобразие моего города, духовную значимость его заповедных мест и мою тревогу по поводу совершенно реальной опасности, угрожающей им.

Путеводитель 1925 года рекомендовал охотникам на перепелов пригород-

ную местность Сабуртало. Между прочим, в переводе с грузинского Сабуртало означает место для игры в мяч. В юности мне не раз довелось бродить с двустволкой по стерне сабурталинских полей и бить влет бедных перепелок. И играть в футбол на здешних пустырях доводилось. Сегодня в железобетонных каньонах этого крупнейшего в Тбилиси района индустриальной застройки и то и другое мне кажется невероятным.

Наши утра в еще совсем недавние времена были многоголосы, как хороший хор. Первый голос подавал продавец мацони, доставлявший свой товар в город из пригородного села. Мацони (грузинскую простоквашу) он держал в глиняных или стеклянных банках, банки складывал в переметную суму—хурджин, хурджин пристраивал на хребте ослиной спины. Осел иногда невпопад решал покрывать, и то был второй голос в хоре, состоявшем из зеленчиков, стекольщиков, медников, продавцов керосина, возвещавших о своем появлении звоном колокола, торговцев жареной кукурузой, старьевщиков, цветочников, носивших в заплочных мешках рассаду и черномзем для горшечных цветов. Их было много, этих спутников городского утра, и у каждого—свои излюбленные ноты, свой тембр и свой способ звуковлечения. Я и сейчас могу безошибочно воспроизвести их.

Воспроизведу, и радостно откликнутся мои сверстники, вспоминая невозвратные утра, но тут же и помрачнеют: голоса мы запомнили, лица запомнили, но куда же сами люди подевались? Куда и почему вдруг исчезли? И, озираясь потерянно по сторонам, мы начинаем бесконечный счет исчезновениям, до неузнаваемости изменившим современную нашу жизнь.

— А помнишь, выносили женщины на просушку во дворы тюрфячную шерсть, раскладывали на паласах и пушили длинными ореховыми палками?

— А помнишь, ходили по дворам пыльщики дров, вязали козлы и принимались лить и колоть дрова?

— А помнишь, на каждом углу была пекарня грузинского хлеба, гудел огонь в тонз (хлебной печи), и в любое время дня и ночи можно было получить горячий, обжигавший руки хлеб?

Вас приглашает
Сестра поближе.
— Так вы донбассовцы?
— Донбасс...
— А что-нибудь сегодня ели?
— Мы сыты, уверяем вас!—
Сказали вы и покраснели.
— Донбасс...
Пора бы на-гора
Поднять огонь его глубинный.
— Пора, Ильич!
— Давно пора!
— Да вот воюют мастера...—
И Ленин,
Быстро брови сдвинув,
Спросил:
— Воюет ваш сынок?
— Воюет...
— Будет и учиться.
А вам спасибо за пшеницу!—
И протянул тебе листок.—
Сейчас получите паек,
Не спорьте,
Он вам пригодится.
И вы не спорили.
Потом
Его увидели в столовой.
Ильич с обычным котелком
Стоял за кашей перловой
В солдатской очереди,
Здесь
Среди голодных,
Бородатых,
Он был рабочим,
Был солдатом,
Он просто слился с ними
Весь.
И сыну ты сказал:

— Скорей
Запомни этот день
Навеки...
И первый раз
За столько дней
Вдруг обожгло слезами веки,
Слезами радости твоей.

5

И вновь огонь
То за спиной,
То впереди встает
Стеной.
Но через пытки и тревоги
В обезображенный войной
Шахтерский край
Ведут дороги.
Угрюмо рудники молчат.
И, видя страшные картины,
Ты слышишь голос
Ильича:
«Пора поднять огонь
Глубинный!»
«Пора, Ильич,
Давно пора!»
И штурмовать пласты крутые
Идут в забой мастера,
Как шли в атаки
Штыковые.
Скудные рабочие пайки:
Один сухарь да ложка супа.
Но оживали рудники,
И уголь тек,
Хотя и скупой.
И ты светлел лицом,
Когда

Он в бункере летел,
Сверкая.
Но за бедою
Шла беда,
Как в половодье
Шла вода
По тесным улочкам Шанхая.
Уже—ни взрывов,
Ни пальбы,
С фронтов—
Все радостнее сводки,
Но по плечам плывут гробы—
Бедой сколоченные лодки.

6

Проклятый голод!
Он не раз
Косил людей
Сильней снарядов.
— Нам надо выстоять, Донбасс!—
Ивану ты даешь наказ
Идти за хлебом
С прототрядом.
И сын ответил:
— Хорошо!
Умел он быть в беде
Веселым.
Обнял за плечи
И ушел.
И не придет
В родной поселок.
Ты помнишь,
На какой версте
Сражений,
Пыток
И печали

Его,
Мальчишку,
На кресте
Махновцы сытые распяли.
Набили в рот ему зерна.
— Ешь на здоровье!
— Ешь, коммуна!—
Над ним
Светили звезды
Юно.
Под ним земля была красна
От крови...
Красные знамена
Склонились
Над сырым холмом.
И ты припал
К нему со стоном.
И грянул гром.
Обычный гром.
Как будто сыну твоему
Салютовало небо громом.
Клинками
Молнии над гробом
Сверкали,
Разгони тьму.
В степи стонали провода.
Вдали кричали паровозы...
Был дождь,
Был ливень.
Шла вода,
Смывая кровь,
Смывая слезы...
Ты, Доля,
Не забудешь год,
Когда на битву встали други
И обездоленный народ
Взял долю
В собственные руки!

— А помнишь ...?

Не тоска по прошлому, не ностальгия по исчезнувшей стране детства продиктовала мне эти строки. Я всего лишь хочу сказать, что только при жизни одного поколения в моем городе произошли такие перемены, которые почти полностью изменили его традиционный облик, уклад, характер, атмосферу бытия. Столетия складывался, нарастал, набирал силу тот пласт, на котором взращивались духовность и культура горожанина, осознававшего себя хозяином своего города. И вдруг оказалось, что достаточно нескольких лет неуждимого нашествия нового, чтобы этот пласт начал истончаться, исчезать.

Это как в природе, где древний бор потрясен, когда на тихий, пересекавший опушку проселок вступает шестые железных машин. Они начинают строить современное шоссе, без которого нет пути в будущее. Но и без этого бора не будет нам будущее.

Такая вот экология.

Существует, оказывается, экология природной среды древнего города. Природы, аккумулируемой не в одних лишь памятниках старины. Хотя и в них тоже.

Итак, год основания — 458-й. Территория застройки — триста сорок шесть квадратных километров. Двадцать девять войн, дотла, до основания уничтоживших город. И по этой причине всего лишь сто гектаров заповедной архитектурной зоны с тремя тысячами сооружений, помеченных знаком государственной охраны.

Всего сто гектаров — островок в бушующем море унифицированного градостроительного однообразия. В море, неотвратимо наступающем на островок.

Не только войны разрушали Тбилиси. Жестокое сравнение, но ничего не поделаешь: в конце сороковых — начале пятидесятых годов был снесен голубой минарет мечети, стоявшей на правом берегу Куры, напротив Метехского замка. Взамен построили мост, облицевали его туфом и воздвигли на нем нелепые обелиски. Мост работает, как может, но одновременно «разрушает» цельность Метехской скалы, ломает безупречный художественный образ замка и его скального пьедестала.

Проснувшись однажды утром милли-

онным городом, Тбилиси недосчитался многих своих неповторимых черт. Он обнаружил себя городом, в котором так много нового, что почти не осталось старого. Он обнаружил себя городом, в котором почти не осталось горожан. То есть горожан было вдесятеро больше, чем прежде, но их принадлежность к городу удостоверялась лишь штампом о прописке.

Итак, однажды Тбилиси обнаружил себя городом, который как бы уже и не был самим Тбилиси.

Нет, Мтацминда вроде бы стояла на прежнем месте, однако некая железобетонная коробка, по иронии судьбы доставшаяся Академии художеств, возникнув у подножия прославленной горы, разорвала ее вековые связи с прилегающими кварталами и внесла сумятицу в традиционный гармоничный силуэт.

Вроде бы и другие возвышенности не меняли своего местоположения, однако, заслоненные горами унифицированного, плохо смонтированного и еще хуже согласованного с вековым природным окружением жилья, они навсегда, казалось бы, ушли из нашего поля зрения.

Раньше город гляделся одним большим домом благодаря органическому слиянию рельефа и жилья, а каждый дом вырастал в зримый образ города, потому что открыто выявлял взаимосвязи населяющих его людей.

Я не идеализирую прошлое, а лишь фиксирую: старый тбилисский дом, дряхлый, скрипящий, шаткий, без удобств, вызывал в нас бешеный аппетит жизни, неутолимую жажду ее. И оттого что нам любилось жить в нем, иначе жилось и самому дому и всему городу.

Мой взгляд на мой город опровергают опубликованные здесь снимки. Увиденный и запечатленный фотохудожником, этот город прекрасен, неповторим, вечен. Снимки свидетельствуют о том, что железобетонному типоразмеру и серийной бездуховности не совладать с одухотворенностью, творящей новую среду обитания.

Я счастлив, потому что эти снимки не только опровергают мой взгляд, но и удостоверяют его. Они удостоверяют,

что высказанные одним горожанином чувства тревоги и предчувствия утрат владеют многими людьми и что эти чувства и предчувствия побудили их к коллективному поиску, раздумьям и действиям, результаты которых и представлены на этих снимках. Они, эти снимки, удостоверяют торжество идеи, которая заключается в том, что природа древнего города столь же нуждается в сбережении и защите, как и мир живой и животворящей природы.

Весь мой последующий рассказ — о том, как эта идея пробивала себе дорогу.

...В двух шагах от дома Анны Ханукаевой ведут озорной хоровод хохочущие горожане. Живой, увлекающий своим ветром круговорот радости — даже не верится, что все это выковано из меди. Пьедестала у памятника нет, да и не памятник это вовсе, ибо воплощенная в композиции идея городского праздника стала реальностью.

Вот как объясняет понятие «праздник» автор одного социологического труда: «территория жизнедеятельности, которая располагается вне сферы материальной пользы и соотносится не столько с миром средств, сколько с миром идеалов».

Несколько излишне наукообразно, в меру туманно, в меру красиво, но я охотно принимаю это определение — главным образом потому, что в нем есть слова «территория жизнедеятельности» и «мир идеалов». Они, эти слова, нравятся мне уже тем, что неплохо работают на тему этих заметок.

Праздник обычно представляют в виде многолюдных и многозначных шествий, зрелищ, торжеств на специально выделенной для этого территории.

Давайте представим себе праздник как такую «территорию жизнедеятельности», на которой торжествуют победу идеалы, воплощаясь в зримые, украшающие город и жизнь горожанина, предметы, вещи, здания, способные напомнить ему о том, что у него были предшественники и будут продолжатели.

Базилика Анчисхати, например. Реставрированные в своем первоначальном виде дома улицы Шавтели. Фольклорный музыкальный театр в бывшей

церкви святого Николая. Многофигурная скульптурная композиция «Берикаоба», поставленная у входа в детскую картинную галерею, хозяева которой всеильным своим воображением прокладывают себе пути в город своих прадедов. Или хотя бы совершенно прозаическое заведение — магазин фруктовых вод, где посетитель видит перед собой исполненный на фарфоре портрет Митрофана Лагидзе, человека, основавшего это как будто бы такое простое, но такое праздничное и тоже по-своему прославляющее город дело.

...Предметы, вещи, здания, дела, в которых дышит идеал. В которые вложена душа. Душа мастера, будь то каменщик или историк, столяр или поэт, архитектор или составитель фруктовых вод.

Вот какую «территорию жизнедеятельности» отвели в Тбилиси под праздник мастеров, чья одухотворенность — несчастье для холодных и равнодушных ремесленников, ибо она одним лишь фактом своего существования отменяет их ремесло.

Что же касается праздника в традиционном понимании — шествия, зрелища, представления, встречи, — то его идея, неотделимая от торжества воплощенных идеалов, также не замедлила осуществиться.

Задолго до того, как Тбилиси стал миллионным городом и уже не мог удовлетворяться отпущенными природой пределами, когда импровизация отступила перед железным натиском плана, когда ускорение ритмов жизни, ее механизация, удаление жилищ и рабочих мест от первоначальных очагов разорвали вековые связи и как некое излишество поставили под вопрос стремление городских жителей к солидарности общей радости и общей беде, певец старого города поэт Иосиф Гришашвили грустил по тем временам, когда праздники духовного родаства горожан вывели их на улицы Тбилиси из тесных комнат, из узкого дружеского и семейного круга.

Поэт грустил — на то он и поэт. А руководителям города грусть, казалось бы, не к лицу. И трибуна партийной конференции не лучшее вроде бы место

для высказываний о том, что из городской жизни что-то уходит безвозвратно. Сила инерции такова, что и выстраданную, давно наболевшую мысль может развеять, как легкомысленную дымку.

Инерция угасла, отступила перед решимостью многих людей назвать вещи своими именами, всенародно высказать тревогу по поводу невосполнимых потерь. Произошло это на конференции коммунистов Тбилиси. Именно на ней и родилась идея вернуть городу праздник единения и общности.

Праздник назвали именем Тбилиси—Тбилисоба. Чтобы утвердиться, крепко стать на ноги и уверенно пойти дальше, ему надо было заручиться вниманием и поддержкой большинства жителей.

В воскресенье, 28 октября 1979 года, на первый Тбилисоба пришли более полумиллиона тбилисцев. Им было что праздновать.

Фрагмент средневековой городской стены, обнаруженный строителями подземного перехода под улицей Бараташвили и Колхозной площадью, положил начало удивительной новостройке. Несколько каменных глыб, проложенных узким кирпичом, воспламенили воображение архитекторов и художников, увидевших здесь типичную тбилисскую улицу, какой она была в те времена, когда ее охраняла крепостная стена. Они увидели ее так зримо, так отчетливо и ярко, что увиденное передалось множеству людей, пожелавших осуществить этот дерзкий проект.

Откуда-то появились мастера обжига

**ВО ВСЕ ВРЕМЕНА
ЦЕНИЛИСЬ МАСТЕРА
И ИХ ТАЛАНТЛИВЫЕ РУКИ.**

**ИМПРОВИЗАЦИЯ—
ЧЕРТА ХАРАКТЕРА
ГОРОДА И ГОРОЖАН.**

**ТРИ ТЫСЯЧИ
СООРУЖЕНИЙ ГОРОДА
ОХРАНЯЮТСЯ ГОСУДАРСТВОМ.**

старотбилисского кирпича и его кладки, искусные резчики по дереву, гранильщики брусчатки—знатоки и поэты ремесел, давным-давно, казалось бы, угасших. Пришли люди и принесли идеи, одна другой заманчивее: «Вот в этом доме откроем выставку-салон работ студентов Академии художеств». «А вот в этом доме восстановим городскую усадьбу конца прошлого века, соберем утварь, мебель, портреты, костюмы...» У архитектора Шота Кавлашвили, автора проекта реставрации улицы и всей заповедной части Тбилиси, вдруг обнаружилось множество соавторов и помощников. Однажды он встретил здесь Резо Габриадзе, известного кинодраматурга («Необыкновенная выставка», «Не горюй!», «Чудаки», «Мимино», «Кувшин», «Серенада»), человека, навсегда, казалось бы, определившего свое призвание и нашедшего в нем счастье.

— О чем задумался, Резо?

— Вот этот дом, Шота, он как будто бы специально создан для театра мари-

онеток. В старом Тбилиси любили театр марионеток, знали в нем толк... Потом это искусство умерло. Я вот смотрю на этот дом и думаю, не согласился ли бы вы уступить его под театр.

— И ты бросил бы кино и взялся за это дело?

— Оно стоит того, поверь мне...

И Кавлашвили поверил. Так возник новый городской театр, усиливший и без того сильное притяжение улицы Бараташвили.

Празднично блеснув в самом центре Тбилиси, она до неузнаваемости преобразила этот некогда унылый, заставленный ветхими постройками квартал. Поразительный художественный эффект, достигнутый при реконструкции улицы, по-новому сформировал взгляд на возможности градостроительства в древнем городе.

И все-таки феномен обновленной улицы Бараташвили— в первую очередь феномен социальный. Обнажившиеся при ее перестройке корни бывлой городской жизни пробудили в каждом из нас то чувство духовной связи с городом, которое казалось навсегда утраченным. Сбереженная городская старина не просто видоизменила облик квартала, района, города— она произвела настоящие перестройки в сознании горожан, она

объединила их вокруг предметов, вещей, зданий, одушевленных трудом многих поколений. Одушевленных их собственным горением, их заботой и нежностью и поэтому особенно дорогих и любимых. И еще улица Бараташвили заставила задуматься о тех городских улицах, которым недостало нашей души.

Такие вот непростые, несправданные мысли породил первый праздник Тбилисоба.

С того дня минуло три года. Уже трижды, в последнее воскресенье октября, приходил в Тбилиси городской праздник Тбилисоба. И трижды «территория жизнедеятельности» его организаторов и участников расширялась до новых пределов: к каждому празднику они открывают по одной реставрированной улице.

Урок улицы Бараташвили не прошел впустую для реставраторов подъема и улицы Кибальчича, а этот квартал, в свою очередь, подсказал новые решения при обновлении квартала Анчисхатской базилики.

Первоначальный эксперимент обрел характер тенденции. Тенденция открыто выявила свою социальную, нравственную, культурную, экономическую миссию.

68 семей жили до реставрации на подъеме Кибальчича. Осталась половина. Людям дали новые современные квартиры, а те, что предпочли старые жилища, получили их значительно расширенными и капитально отремонтированными.

Дом № 4 по той же улице был восста-

новлен и взят под охрану производственным объединением «Грузгорнохимпром». Сейчас здесь, помимо ведомственной гостиницы, размещается выставка минералов Грузии и образцов продукции объединения.

Несколько колоритных зданий на Метехском плато после капитального ремонта и дооборудования современными удобствами переданы гостиничному хозяйству под небольшие, на два-три десятка номеров, отели.

Целую улицу — Железный ряд — заняли мастерские народных умельцев и студентов Академии художеств. Магазины фирмы «Солани», специализирующейся на изготовлении сувениров, расположились в первых этажах домов подъяема Кибальчича.

Тысячи часов отработали на «новостройках старины» жители старых кварталов. И те, что некогда покинули их, приезжали помочь своим бывшим соседям.

Ну, а что же собственно праздник: шествия, зрелища, состязания, ярмарки?

Не случайно Тбилисоба празднуют в последнее воскресенье октября — к этому дню трудовая Грузия, завершив страдную осень и наполнив ее щедротами закрома, может позволить себе отдохновение от забот.

Лучшие виноградари, чаеводы, механизаторы — цвет грузинского села — выезжают на Тбилисоба. К этому дню отовсюду в столицу стягиваются караваны с хлебом-солью, вином, яствами и на площади Рике занимают заранее выделенные стоянки: абхазский дом, осетинская сакля, гурийская ода, кахе-

тинская усадьба, сванская башня готовы принять гостей. А в другой, представляющей все регионы и провинции Грузии, сказочной деревне поселяются мастера народных промыслов, умельцы, хранители тайн древних ремесел — шерстобиты, ковроткачи, медники, златокузнецы, шапочники, резчики по дереву, в урочный час выносящие на людской суд свои творения. И там же, на открытой, обуздавшей крутой горный склон эстраде ведут бесконечный поэтический турнир народные сказители и певцы.

К этому дню уже известны имена тех тбилисцев, которых в полдень увенчают памятными знаками почетных граждан Тбилиси. Церемония их награждения — кульминация Тбилисоба. Город чувствует людей, ставших его славою и гордостью, людей, обязанных городу звездными своими часами. Перед почетными гражданами проходит шествие знаменосцев ремесленных цехов и объединений, отсылая нас в те стародавние времена, когда каждый городской мастеровой, будь он шорник или чувячник, оружейник или хлебопек, гордился своей принадлежностью к братству искусных мастеров.

Братство самых искусных, самых талантливых мастеров Тбилиси современного — его художники и ученые, строители и рабочие, его олицетворение — предстает нам в час этой торжественной церемонии. И в те же минуты на Выставке достижений народного хозяйства Грузии чувствуют коллективы промышленных предприятий города, выполнившие годовой план. И там же авторам лучших произведений о Тбили-

си вручаются награды специального жюри Тбилисоба.

К этому дню ни один сколько-нибудь значительный творческий коллектив Грузии, профессиональный или самодеятельный, не остается в городе без сценической площадки.

И к этому дню в Тбилиси съезжаются многие именитые люди страны — его уроженцы. Съезжаются делегации городов-побратимов, городов, с которыми Тбилиси связан договором о дружбе и соревновании.

Еще одна справка, не очень, быть может, гармонирующая с предыдущими: три года подряд в день Тбилисоба в городе не зарегистрировано ни одного нарушения общественного порядка.

Древний Тбилиси — город молодых людей. При этом Тбилиси — город больших производительных сил. Три тысячи памятников старины — непреложный факт его бытия, но столь же непреложна и треть всей промышленной продукции республики, приходящейся на его

ШОТА КАВЛАШВИЛИ — АВТОР ПРОЕКТА РЕСТАВРАЦИИ ЗАПОВЕДНОЙ ЧАСТИ ТБИЛИСИ.

ТЫСЯЧИ ЧАСОВ ОТРАБОТАЛИ НА «НОВОСТРОЙКАХ СТАРИНЫ» ТБИЛИСЦЫ.

долю. И поэтому древний Тбилиси не может жить только своими древностями и своими праздниками.

Древности, однако, хороши еще и потому, что, указывая человеку точку отсчета, заставляют его задуматься над тем, к чему он пришел и чего достиг в современности: наследник древней культуры, смог ли он стать носителем и проводником культуры современной? Что же касается праздников, то одно из главных их назначений в том, чтобы как можно ярче освещать будни. Свет Тбилисоба не только ласков, умиротворяющ, но еще и резок, и в этом свете отныне многое видится иначе. Иначе видятся современные проблемы большого современного города, иной, куда более обширной, предстает зона необходимой заботы о его настоящем и будущем.

Я не посмел бы рассказывать о празднике в моем городе, если бы он ограничился малой территорией в сто заповедных гектаров...

«ЖЕМЧУЖНЫЕ ЗЕРНА»

СЛАВА ТРУДА

ПАРОВОЗУ И ЧЕЛОВЕКУ

Это событие, которое произошло летом 1935 года, поразило всех...

Комсомольско-молодежная паровозная бригада депо Славянск, руководимая машинистом П. Кривоносом, на локомотиве «Э 684—37» начала водить составы с рекордными скоростями, неуклонно возраставшими от рейса к рейсу. Люди, видевшие эти рейсы, не верили своим глазам — товарный поезд мчался со скоростью экспресса!

Достижение новатора было отмечено высокой правительственной наградой — орденом Ленина. А комсомольцы Ворошиловградского паровозостроительного (ныне тепловозостроительного) завода имени Октябрьской революции специально для Кривоноса построили самый мощный по тем временам в Европе грузовой паровоз серии ФД — «Феликс Дзержинский».

...Много лет прошло с тех пор. Уже нет среди нас прославленного стахановца-машиниста, а позднее — начальника Юго-Западной железной дороги, члена ЦК Компартии Украины, депутата Верховного Совета Украинской ССР, Героя Социалистического Труда Петра Федоровича Кривоноса.

Сегодня на наших стальных магистралях работают иные, современные локомотивы. А снятый с эксплуатации паровоз П. Кривоноса навечно установлен возле локомотивного депо Славянск Донецкой ордена Ленина железной дороги.

Александр ДЕСЯТЕРИК

Июль 1932 года. «Задача дня — в том, чтобы комсомольская ячейка на любом заводе, на любой фабрике, в любой мастерской дралась за использование отходов для выработки предметов широкого потребления», — писал Александр Косарев, — чтобы наша комсомольская организация в этом отношении была самой боевой, самой энергичной».

Это было время, когда люди еще не до конца осознали факт небеспридельности окружающей их природы. А значит, и материалов для строительства новых заводов и фабрик, и сырья для их успешной работы.

Но кто же должен быть в первых рядах разведчиков будущего, как не комсомол? И вот журнал откликается на призыв Александра Косарева большой статьей под заголовком «Жемчужные зерна».

Еще не было на окраинах наших крупных городов мусороперерабатывающих заводов, еще не настало время эксперимента с талонами за сданную макулатуру. Однако знаменитые строки из басни

Крылова о том, что «навозную куну разрывая, петух нашел жемчужное зерно», уже обрели новый смысл.

«Дедушка Крылов, разумеется, не мог знать, что могут таить в себе навозные кучи нашей промышленности. А каждая такая гора, гряда, свалка, пирамида, — пишет автор статьи, — в переводе на деньги есть сотни, тысячи, десятки тысяч рублей, брошенных в пасть бесхозяйственности».

Автор вспоминает «грязный возок тряпичника, мусорщика, жестянщика» из «раннего голопузого детства». Сдавали «семейные отходы нищеты. И получали взамен мучную конфету, распаспанную розовым и зеленым анилином, грошовые картонные часы на медной цепочке, кривое зеркальце в жестяной оправе».

Выход ли это для страны, где строят социализм? Нет! Еще и потому что «агенты промышленности получали ценное сырье, а давали суррогаты конфет, часов, игрушек».

А где же выход? Сколько можно краснеть перед тем же «иностранным специалистом

Крицем (завод «Электро-сталь»), который не устает напоминать начальнику сталелитейного цеха: «Я только что видел, как ваш рабочий нашел в цехе золотую десятирублевку». Речь шла о куске электрода, о валюте. «Кто из нас, — спрашивает далее автор статьи-обозрения, — не может без особого напряжения извлечь из памяти парочку таких же анекдотов, которые — увы! — в общей сложности обходятся нам в сотни миллионов рублей».

Выход, который предлагался журналом, знаком сегодня практически каждому: «Чистота — это не только залог здоровья, но и богатства. Наладить порядок нам поможет особый агрегат, который давно следовало бы установить на каждом предприятии. Его не придется ввозить из-за границы. Он испытан и показал блестящие качества. Это утилизационный цех».

«Нет никаких отбросов промышленности, — есть лишь неиспользованные отходы» — к труду только на таких условиях призывают журналисты «Смены».

КРАЙ РОДНОЙ

ДИПЛОМИРОВАННЫЕ ТУРИСТЫ

Сколько на территории Подмосковья рек и озер? Где находятся самые красивые уголки природы? Какие маршруты приведут в заподвальные места и к уникальным памятникам природы? Где самые грибные и ягодные места? Как лучше организовать и провести туристский поход, чтобы не нанести ущерба природным богатствам?

На эти и многие другие вопросы получили ответы слушатели первого выпуска университета для туристов.

Идея его организации родилась

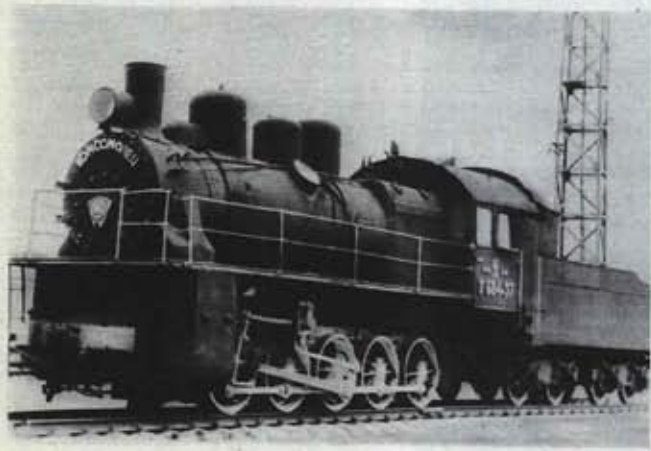
в клубе туристов Бауманского района Москвы. Комиссия «Туризм и охрана природы» Московского областного совета ВООП разработала учебную программу. Московское городское общество охраны природы помогло приобрести необходимую литературу и методический материал. Преподавательский состав? Он был укомплектован высококвалифицированными специалистами в области охраны природы и туризма.

В отличие от других народных университетов здесь не ограничились только лекционными заняти-

ями. Слушатели университета во время учебных туристских походов проводили рейды по охране природы, познакомились с природными процессами на местности. Маршруты отдельных учебных групп пролегли далеко за пределами Подмосковья.

По окончании университета туристы, успешно окончившие курс занятий, получили права общественных инспекторов по охране природы.

Игорь ПРОКОФЬЕВ

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Когда наша землячка Надежда Павлова переехала из Перми в Москву, мы и огорчились и радовались. Огорчились по понятным причинам: реже будем видеть свою любимицу. А радовались за нее: это ведь

здорово — танцевать в ведущем театре страны. Хотелось бы узнать о ее работах, о планах, о том, как она себя чувствует в балетной труппе Большого театра.

Юлия СУХОВА,
студентка, Пермь

«Я ТАНЦЕВАТЬ ЛЮБЛЮ И ЭТИМ СЧАСТЛИВА...», —

говорит народная артистка РСФСР, заслуженная артистка Чувашской АССР, лауреат премии Ленинского комсомола, солистка Государственного академического Большого театра Надежда Павлова.

— И особенно приятно, что не забывают меня пермяки. Я ведь после переезда в Москву года два-три не решалась выступать в Перми — очень волновалась, как-то примут меня...

— Танцевать в Большом — мечта любой балерины: такая труппа, такие постановщики...

— Конечно, конечно. Но с другой стороны, труппа большая, солистов, танцующих первые партии, много. И потому дух соперничества чрезвычайно высок. Публика может постоянно сравнивать нас. Отсюда — огромная и, я бы сказала, тяжелая ответственность за каждый

выход на сцену. И потому я очень рада, что в Большом театре работаю с Мариной Тимофеевной Семеновой. Она, Галина Уланова и Асаф Мессерер — это те корифеи русского советского балета, на которых мы, молодежь, равняемся.

— Нынешний сезон для вас в Большом седьмой. И это, как принято говорить, счастливая цифра. А для вас?

— В этом году мы с моим мужем Вячеславом Гордевым участвовали в премьеры. Балетмейстер Андрей Петров поставил с нами «Деревянного принца» Бартока. Это одноактный спектакль, но очень интересная постановка. Ведь одно дело, когда тебя вводят в готовый уже балет, который танцуются многими известными мастерами, и совсем другое — когда участвуешь в подготовке и премьеры совершенно нового спектакля, сделанного спе-

циально в расчете на наш стиль.

...Нет, классику я тоже очень люблю танцевать. Но когда балет готовится с учетом твоих возможностей — это вдвойне интересно.

— Над чем планируете поработать в будущем?

— Из классических партий я не танцевала пока Одетту-Одиллию из «Лебединого озера». Вот мечтаю о ней. Мечтаю о новом балете «специально для нас». Мечтаю интересно поработать не только на сцене, но и в кино, на телевидении. Спектакли снимать необходимо. Как же иначе «удержать» для зрителя наше фактически мгновенное искусство? Но если балет просто фиксируется камерой, он что-то теряет. Камера должна творить вместе с артистом.

Вот недавно Центральное телевидение показало фильм-балет «Поэмы» на музыку Листа. Постановщи-

ки его Борис Барановский и Вячеслав Гордеев постарались найти новые возможности воплощения танца на экране. Получилось, по-моему, интересно.

Но наша жизнь не заканчивается в стенах театра или телестудии. Мы много ездим по стране. Из последних маршрутов — Харьков, Орел, Новосибирск, Алма-Ата и, конечно, родная Пермь. Бывали в Венгрии, Италии, Аргентине, Чехословакии. Да и в Москве не раз выезжали на встречи с молодежью МГУ, на ЗИЛ...

— Что изменит в вашей судьбе скорое окончание педагогического факультета ГИТИСа?

— Ну, во-первых, до этого события еще год учебы. А вообще хотела бы сразу начать преподавать. Пока, конечно, детям.

Беседу вел
Константин ИСААКОВ.

НЕПОСТОЯННАЯ «СОГДИАНКА»

Кольцо с удивительным камнем, способным практически непрерывно менять свой цвет, удалось изготовить таджикским ученым и ювелирам. Они назвали свою новую совместную работу «Согдианкой».

...Вот у вас в руках кольцо с темно-коричневым камнем. Но что это? Через какие-то мгновения камень вдруг начинает светлеть, больше того, вот он уже сверкает, как настоящий рубин! А еще через несколько секунд может обернуться изумрудом, затем сделаться светло-синим, потом — фиолетовым.

В чем тут секрет? На керамическую основу кольца нанесен слой жидких кристаллов, прикрытых сверху защитой из обычного граненого хрусталя или его заменителя. Даже минимальное изменение температуры среды, окружающей кристаллы, влечет за собой немедленное изменение их цвета. В специальной лаборатории Таджикского сельскохозяйственного института, где родилось это соединение, ученые разрабатывают сейчас методику применения оптического эффекта жидких кристаллов в различных областях техники.

Рашид ЮСУПОВ

ФОТО ИЗ ПОЧТЫ МЕСЯЦА

Дмитрий Иванович Иванов единственный из оставшихся в живых моряков, участников революционного восстания на линкоре «Гангут» в 1905 году.

Старому коммунисту, участнику Великой Отечественной войны, активному участнику Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны уже за девяносто. Но он

всегда с удовольствием откликается на просьбы молодежи рассказать о былом. За активное участие в революционном движении и воспитании подрастающего поколения Дмитрий Иванович награжден орденом Октябрьской Революции, Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Прислал
Владимир ПЕРЦОВ

ОДНАЖДЫ...

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ У ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЫ

Все знают, конечно, что недавно в столице Армении открылся новый современный аэропорт «Звартноц». Но немногие знают, что когда строительные работы уже близились к завершению, один из участков был негласно объявлен «запретной зоной»...

Дело в том, что однажды, придя утром на работу, строители обнаружили прямо возле взлетной полосы, в штабеле труб, приготовленных для укладки в траншею, лису. Да не одну, а с тремя маленькими лисятами. Не-

гласное положение о запретной зоне соблюдалось всеми настолько строго и тщательно, что лиса в конце концов спокойно выходила греться на солнышке со всеми своими домочадцами.

Решено было по возможности не тревожить семью до тех пор, пока лисята не подрастут. И пилоты и строители регулярно подкармливали звериную семейку. Но однажды, принеся, как обычно, завтрак лисиному семейству, летчики не нашли его на месте. Видимо, мать-лиса решила, что ее подростки получили достаточно информации о возможностях взаимоотношений с людьми, и увела семью в густые заросли недалекого кустарника.

Артуш КАЛАШЬЯН

Я читала, что теперь после рождения ребенка матерям будут выплачиваться деньги. Так ли это? Зависит ли величина пособия от количества детей? Каков порядок выплаты? Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

А. ТАРАСОВА, Кемерово

При рождении первенца государство выплачивает молодой семье единовременное пособие в размере пятидесяти рублей. Если же ребенок в семье второй или третий, сумма пособия вырастает вдвое. Такой порядок выплаты касается всех матерей, которые работают или учатся с отрывом от производства в средних или высших учебных заведениях, на курсах и в школах повышения квалификации.

УВЛЕЧЕНИЕ

ЛЮДИ ИЩУТ... ГДЕ ГЛУБЖЕ

«Наконец-то» — с облегчением вздохнул кто-то, когда из-под воды по телефону раздался далекий голос Виктора Воропева:

— Полный порядок, я на грунте. Рядом камень...

— Витя, не томи! Дубы видишь? — услышал он в ответ.

— Вижу. Тут их целый склад. Майнай гак!..

Прошло несколько длинных минут, плавучий кран поднят, жила, закрывшись — и из воды медленно поплыл вверх толстый конец потемневшего, покрытого ракушками бревна. Но даже издали на нем можно было разглядеть явные следы плотничьих топоров.

Так началась уникальная экспедиция молодых запорожских гидроархеологов по поднятию со дна Днепра дубовых заготовок для древних военных судов. Здесь, на острове Байда, по мнению историков, два с лишним века назад существовала крупная судостроительная мастерская, на которой строились корабли, участвовавшие в русско-турецкой войне 1735—1740 годов. Гигантские дубовые заготовки — убедительное тому подтверждение.

Позже десятиметровый дуб (кстати, вес его оказался около восьми тонн) доставили в Музей истории Запорожья, создаваемый на острове Хортица.

Гидроархеология — часть деятельности аквалангистов запорожского Центра научно-технического творчества моло-

Если мать ребенка не работает и не учится, такое пособие (но в размере тридцати рублей) получает отец, независимо от размера его заработка или стипендии.

Если у вас родятся близнецы (при том же условии, что вы работаете или учитесь), пособие выплачивается в размере ста рублей на каждого ребенка, независимо от числа детей, родившихся ранее. Если мать близнецов домохозяйка, пособие выплачивается отцу по тем же правилам, о которых говорилось выше.

Чтобы получить пособие, нужно обратиться со справкой о рождении ребенка, выданной загсом, в комиссию по социальному страхованию фабричного, заводского, местного комитета профсоюза (ФЗМК). При обращении за пособием на второго или третьего ребенка в комиссию представляются копии свидетельств о рождении ранее родившихся детей и справка о месте их жительства.

На основании предъявленных документов комиссия устанавливает право на пособие, его размер и делает на обороте справки загса надпись о назначении пособия. После этого все документы вам возвращаются. Их нужно затем представить в расчетную часть своего предпри-

ятия, учреждения, организации или учебного заведения, которая в тот же день должна выплатить назначенное пособие.

Жителям Якутской АССР, Приморского и Хабаровского краев, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областей, Бурятской АССР и Тувинской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской, Иркутской и Читинской областей, Карельской АССР и Коми АССР, Архангельской и Мурманской областей, а также Вологодской, Новгородской и Псковской областей пособие уже выплачивается с 1 ноября 1981 года.

Тем, кто живет в остальных районах РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Молдавии и республиках Прибалтики, пособие будет выплачиваться с 1 ноября 1982 года, а в районах Казахстана, Средней Азии и Закавказья — с 1 ноября 1983 года.

В случаях увольнения с работы женщин в период отпуска по беременности, в течение которого ей выплачивалось пособие по беременности и родам, пособие на рождение ребенка должно выплачиваться в размерах, установленных для работающих женщин.

«прописку» на музейную. Ученые-гидробиологи обрабатывают данные, собранные в черноморских водах. Ведь программа «Юг» рассчитана на пять лет. А это значит, что аквалангистов запорожского ЦНТТМ снова ждут в Карадаге.

Юрий СУШКО.
Фото Валерия ЗУЕВА

дежи. Минувшим летом подводники по предложению Севастопольского Института биологии южных морей участвовали в работах целевой программы «Юг» по исследованию Черного моря и его обитателей. Руководил запорожской группой начальник лаборатории подводной техники Центра НТТМ Валерий Зуев.

— Нашей задачей, — рассказывал он, — было детальное изучение медуз, численность которых стала заметно влиять на увеличение рыбного стада. В трехсотметровом коридоре-полигоне мы исследовали плотность концентрации медуз, их излюбленные глубины, взвешивали их, фотографировали специальной стробоскопической установкой, созданной, к слову сказать, в нашем Центре.

Историки сейчас изучают находки, поднятые с днепровского дна, — старинные якоря, корабельное вооружение и утварь, разнокалиберные ядра, которым отныне суждено сменить

А ЧТО У ВАС?

Всеволод САХАРОВ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ВЕНЕВИТНИНОВ

Его иногда называют самым красивым поэтом пушкинской эпохи. И действительно, обаятельный и мужественный облик Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827) можно сравнить лишь с портретами, запечатлевшими

классические черты европейских прославленных поэтов того времени — лорда Байрона, Гете, Перси Шелли. Современница оставила весьма примечательное словесное изображение молодого поэта: «Это был красавец в полном смысле этого слова. Высокого роста, словно изваяние из мрамора. Лицо его имело, кроме красоты, какую-то еще прелесть неизъяснимую. Громадные глаза голубые, опущенные очень длинными ресницами, сияли умом». К этому красноречивому изображению Веневитинова мало что могут добавить его знаменитый портрет 1826 года работы французского живописца Ансельма Лагрене: тот же прекрасный, гордый профиль, открытый, смелый взгляд огромных глаз, решительно сжатый маленький рот, тонкие, длинные «музыкальные» пальцы, — и столь же безукоризненная, античная красота поэта, лежащего уже на смертном одре (рисунок К. Афанасьева). Стоит упомянуть и о звучном голосе и блестящем даре слова, присущих Д. Веневитинову и дополняющих его романтический портрет.

Этот облик юного поэта настолько обаятелен, возвышен, идеален, что волея-неволея становится влиятельной легендой, чем-то вроде нового мифа об античном красавце Адонисе. Но за романтической легендой стоит реальный человек, его заслоненный.

Как заслоненным оказался и подлинный творческий облик писателя романтическими легендами и сменявшими их «оригинальными трактовками» формалистического литературоведения 20-х годов нашего столетия. «Голубой» облик трагического страдальца — поэта, безнадежно влюбленного в «северную Коринну», знаменитую красавицу Зинаиду Волконскую, сменился затем весьма решительной характеристикой Веневитинова как безликого эпигона, поэта несамостоятельного, перебивавшего не лучшие образцы эгегической школы Жуковского. Поэт настолько основательно заслонен от нас этими затвердевшими шаблонами, что новейшему исследователю и читателю Веневитинова необходимо снова вернуться к жизни и сочинениям юного поэта и хотя бы в основных чертах восстановить неповторимую эпоху отечественной культуры, породившую одну из «замечательнейших организаций нашего времени», как назвал поэта его друг Владимир Одоевский. Это тем более надо сделать, что Дмитрий Веневитинов важен для нас не только своими творческими идеями и достижениями, но и самим направлением, главным пафосом, внутренней логикой не до конца высказавшейся богатой жизни духа, двигавшей его поэтической мечтой. И лишь постигнув подлинного Веневитинова, мы поймем настоящую значимость этого незаурядного литературного явления, его жизненную и творческую «сверхзадачу», увидим его происхождение, корни самобытной его поэзии. А для этого стоит на время вернуться в прошлое столетие, в грибоедовскую Москву, столь полно запечатленную в «Горе от ума» и «Евгении Онегине», а также в пушкинский Петербург, воспетый в том же «Евгении» и «Медном всаднике».

...Москва, 1844 год. По шумной и пестрой Мясницкой (ныне улица Кирова) неспешно идет молодая бледная женщина в черном. На ее щеке печальное лицо ее запечатлелись следы былой необычайной красоты, длинные исхудавшие пальцы привычно сжимают католический молитвенник в фиолетовом бархатном переплете и гранатовые четки. Взгляд путницы безразлично скользит по златоглавым церквам, трактирам и лавкам, не узнавая давно покинутые места. Кажется, она всецело погружена в свои грустные вдовьи думы, и мысли ее витают далеко от Москвы и России.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, некогда звезда московского высшего общества, блиставшая многими талантами, хозяйка знаменитого салона, проездом из Петербурга в Рим заглянула в город своей молодости, но воспоминаний не искала. Она шла помолиться во французскую католическую церковь, что в Милютинском переулке. Однако задумавшаяся княгиня миновала поворот к костелу и, дойдя до церкви св. Евлапа, свернула по старой памяти в короткий Кривоколенный переулок и вдруг остановилась перед двухэтажным, простой, но строгой «ампирной» архитектуры особняком*.

Волконская узнала дом ее друзей Веневитиновых, столь ей памятный. Сонм эгегических воспоминаний и летучих волшебных теней прошлого, образы Пушкина, Мицкевича, Вяземского, Глинки, юного Веневитинова властно овладели ее воображением и сразу заставили позабыть о запутанных денежных делах и роскошной римской вилле Палаццо Поли, где ждали княгиню русские художники и итальянские католические прелаты. Княгиня долго смотрела на окна залы, где Пушкин некогда читал в ее присутствии «Бориса Годунова» и где сама она играла в домашних спектаклях и живых картинах. Затем она отразилась в Сиμωνов монастырь, где преклонила колени на могилах Дмитрия Веневитинова и его матери. Чувства свои Волконская выразила потом в письме к брату поэта Алексею Веневитинову: «Москва мне дорога... Какие сердца я там нашла! Мои воспоминания!» И эту бурю воспоминаний вызвал в душе княгини Зинаиды вид скромного московского особняка.

Дом Веневитиновых, где кипела некогда богатая духовная жизнь и где собирались выдающиеся личности той эпохи, был обычным московским дворянским гнездом. Дмитрий Веневитинов родился здесь 14 сентября 1805 года. Отец его дослужился в гвардии лишь до чина прапорщика, но род дворян Веневитиновых был древний, заслуженный и богатый, они владели обширными поместьями в Воронежской губернии. И жили широко, хотя и без лишней роскоши. Родители будущего поэта слыли по Москве людьми просвещенными и хлебосольными, в доме у них собирались художники, певцы и музыканты. Мать Дмитрия — Анна Николаевна после смерти мужа стала полновластной хозяйкой этого «салона артистов» и сумела сделать его московской достопримечательностью. С той же спокойной уверенностью она сама принялась за воспитание и образование сына Дмитрия и лишь восьмилетним передала его гувернерам и преподавателям, которых тщательно выбрала и не ошиблась.

К семнадцати годам домашнее образование Дмитрия Веневитинова было завершено. Юноша стоял на пороге жизни, полный светлых надежд и обаяния молодости. Некоторые представления о его характере могут дать следующие строки стихотворения друга юности поэта, столь же юного и пылкого Алексея Хомякова:

*Пой, Дмитрий!
Твой венец —
зеленый лавр с оливой;
Любимец сельских муз
и друг мечты игривой,
С душой безоблачной,
беспечен, как дитя,
Дни юности златой
проходишь ты зря.*

Знатное происхождение, богатство, счастливая внешность, энергичность, блестящие способности и глубокие познания Веневитинова открывали ему дорогу к незаурядной жизненной судьбе. Речь шла, понятно, не об одной служебной карьере и успехах в светском обществе, хотя их неизбежность для всех окружающих была очевидна. Юный поэт многим представлялся неким символом новой романтической эпохи с присущей ей любовью ко всему возвышенному и прекрасному. Друг Пушкина П. А. Плетнев писал о Веневитинове: «Природа сама, кажется, с удовольствием приготовила это существо, которому судьба столько благоприятствовала».

* Дом этот, под номером 4, и поныне стоит в Кривоколенном переулке. Фасад его, видный и с улицы Кирова, украшают две мемориальные доски, одна с именем Д. Веневитинова, другая — в память о состоявшемся здесь в 1826 году пушкинском чтении «Бориса Годунова».

ла». Вообще в воспоминаниях и стихотворениях о поэте характерны именно удивление, взгляд как бы снизу вверх и любовное замечательное личностью. «Веневитинов был человек, какие встречаются редко. Он соединял в себе способности поэта-художника с умом философа. Необыкновенная натура его развилась рано при благоприятных обстоятельствах. Счастливым выбором наставников, избранное общество, довольство в жизни, все способствовало тому, что в двадцать лет он был уже более, нежели образованным человеком — он был художник и мыслитель», — писал о поэте современник.

Надобно отметить, что в русской литературе той поры одерживал победу за победой романтизм, обративший всеобщее внимание на самоценную человеческую личность, ее суверенные права, глубины ее свободного духа, тайны сердца, ее вечное бремя с давящей обиденностью, с «противоречиями мира» (Веневитинов) и порывы к высокому и прекрасному. Литература западноевропейского и русского классицизма, к концу XVIII столетия уже угасающая, сжала человека множеством условий, чувством долга, ограничила творчество сводом строгих «законов изящного», правилами разума, а самого поэта-творца сделала в конце концов придворным одиосцем, государственным человеком, служителем абстрактных надличных идей. Неизбежна стала революция писателей против этого старого литературного порядка, последовавшая за Великой французской революцией 1789 года и Отечественной войной 1812 года.

Романтизм как бы раскрепостил человека духовно, признал его права и самостоятельность, поэт же сделал свободным певцом свободного человека, высказывающим тайны сердец и природы, высшим судьей, жрецом прекрасного. Карамзин первый пошел по этому пути, следовавший за ним Жуковский уже выразил неясный мир души, романтики-декабристы обрушились в своих статьях на эстетический кодекс классицизма. Поэтому в 20-е годы XIX века романтизм стал для отечественной литературы своего рода художественной философией свободы, творческой проповедью идеи волюнтаризма. «На романтизм смотрят, как на анархию своевольную, разрушительную постановлений, освященных древностью и суверенитетами», — саркастически писал в 1822 году передовой боец романтизма П. А. Вяземский.

Веневитинов и его друзья представляли новое поколение русских романтиков. Поколение это было уверено в своих силах, преисполнено великих надежд, считало, как свидетельствовал сам поэт, что будущее отечественной культуры принадлежит именно им, «русским молодым людям, получившим европейскую образованность, опередившим... свой народ и, по-видимому, стоящим мыслями наравне с веком и просвещенным миром». Ясно было, что эти трезво мыслящие люди нового поколения сурово относятся не только к литературным старостам, но и к романтикам старшего призыва. И именно Веневитинову довелось позднее высказать суровые истины и претензии поэтам школы Жуковского: «У нас язык поэзии превращается в механизм; он делается орудием бессилия, которое не может себе дать отчета в своих чувствах и потому чуждается определенного языка рассудка. Скажу более: у нас чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования». Это был голос нового человека, законного наследника, требовавшего у предшественников отчета и в то же время готового следовать жизнеспособной традиции, учиться.

Сказано это в знаменитой статье поэта 1826 года «О состоянии просвещения в России», однако мысли эти приходят к Веневитинову уже в стенах Московского университета. Вокруг юноши постепенно собираются друзья-единомышленники: студенты Михаил Погдин и Александр Кошелев, конногвардеец Алексей Хомяков, вольнослушатель университета Иван Киреевский, выпускники Благородного пансиона Владимир Одоевский, Степан Шевырев, Вла-

димир Титов. К ним приходят друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер и способный журналист, будущий издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой. Совсем не случайно мелькнул в этом кружке юный Федор Тютчев, вскоре надолго уехавший за границу. Шло деятельное сближение молодых литературных сил, Веневитинов и его друзья спешили выяснить, что же их объединяет.

Путь для этого тогда был один — литературное общество, кружок. Университетская молодежь в 1823 году составила целых два общества. В кружке под председательством поэта С. Е. Раича, переводчика Вергилия и Тассо, учителя Ф. И. Тютчева, преобладали литературные интересы: молодые поэты читали там перед многочисленной публикой свои стихотворения и переводы.

Другое общество собралось тайно у возглавлявшего его В. Одоевского и Д. Веневитинова. Кружок этот назван был «Обществом любомудрия», составили же его молодые философы, жаждавшие высшего знания о человеке и природе. Здесь читались, переводились и обсуждались сочинения Канта, Фихте, Шеллинга: беседы эти продолжались далеко за полночь и «физиономии одушевлены были энтузиазмом», по словам очевидца. Веневитинов стал признанным главой кружка молодых любомудров и блестящими речами о значении философии приводил друзей в восторг. Он читал здесь свои романтические рассуждения о скульптуре, живописи и музыке.

В 1824 году Д. Веневитинов и многие его друзья-любомудры выдержали требуемый для государственной службы экзамен и поступили в Московский архив коллегии иностранных дел. «Служба наша главнейшее заключалась в разборе, чтении и описи древних столбцов. Понятно, такое занятие было для нас мало завлекательно. Впрочем, начальство было очень мило: оно и не требовало от нас большой работы», — вспоминал Кошелев. Любомудры аккуратно являлись в архив по понедельникам и четвергам, и там продолжались их беседы о философии, сообща писались и читались шуточные сказки. Кружок передовой молодежи стал известен по Москве, и с легкой руки друга Пушкина С. Соболевского друзья-единомышленники получили меткое прозвище «архивных юношей», и под этим именем увековечены, как тогдашняя столичная достопримечательность, в седьмой главе «Евгения Онегина».

Разумеется, шутками и комическими сказками любомудры не ограничились. Их цели серьезные и капитальные. Сама работа в архиве древних рукописей была для них плодотворна, ибо знакомила их с русской историей. Следы этой работы можно отыскать в веневитиновском переводе из «Фауста» Гете:

*Недаром иногда поровьешься в пыли,
И, право, отрывать случалось
Такой столбец, что сам ты на земли,
А будто небо открывалось.*

Любомудры дали характерный для романтизма образец духовной общности творческих людей, ищущих истину совместно, в жарких спорах о философии, истории, литературе и искусстве, даже о точных науках (Веневитинов серьезно занимался математикой и медициной, Одоевский — химией и физикой и т. д.).

Веневитинов быстро овладел механизмом русского стиха, всеми достижениями школы «гармонической точности» (слова Пушкина о Жуковском и его учениках) и многому успел научиться у Пушкина-поэта. Белинский поражен совершенству и естественности стиха молодого поэта-любомудра: «Посмотри, какая у него точность и простота в выражении, как у него всякое слово на своем месте, каждая рифма свободна и каждый стих рождается другой без принуждения». В пушкинскую эпоху, когда общий уровень поэти-

кинских стихах о талисмани. Пушкин увидел и оценил в Веневитинове именно «чудного поэта» (его отзыв в разговоре с А. П. Керн) и дал его непреходящим образам и строкам новую жизнь, включив их в свою поэзию.

Примечательно, что образы и строки Веневитинова наследуются самыми разными поэтами, вплоть до Некрасова. Но есть один поэт, которому Веневитинов непосредственно предшествует и темы и манеру которого он как бы предсказывает и определяет, — Лермонтов. Самый резкий тон его и мрачные ноты разужверения звучат уже в «Жизни», «Послании к Рожалину» и других веневитиновских стихотворениях (сравните: «Как часто в пламени речей...» и «Как часто, пестрою толпою окружен...»). Даже если «Родина» и не принадлежит Веневитинову, все же Лермонтов, зная ее в одном из многочисленных списков, был уверен в его авторстве и вслед этому стихотворению написал свою горькую и вместе с тем полную любви, веры и надежды «Родину». Понятно, что поэзия Веневитинова этими «лермонтовскими» образами не исчерпывается. Но характерно, что каждый находит в этой поэзии свое, определяя тем самым ее особое место и значение в жизни русского поэтического сознания.

Особенности поздней поэзии Веневитинова трудно объяснить одной биографией. Его переезд в октябре 1826 года в Петербург и поступление там по протекции З. Волконской в азиатский департамент Коллегии иностранных дел, арест по подозрению в связях с декабристами, встречи с любомудрами Одоевским, Титовым, Мальцевым и Кошелевым, деятельное общение с Дельвигом и Козловым, хождения в музеи и концерты, светские и служебные успехи, характерная идея «занять значительное место и иметь большой круг действий», обеды с петербургскими умниками у модного ресторатора Андрие, увлечение Востоком (еще одна «лермонтовская» черта), развивавшаяся старая болезнь — все это факты сами по себе существенные, но далеко не все открывающие в духовной жизни молодого поэта.

Рядом с этой напряженной работой духа даже легендарная любовь Веневитинова к Зинаиде Волконской представляется скорее «этикетной», превеличественной мемуаристами и биографами и уже, во всяком случае, не первостепенно важной, тем более что молодой поэт, по свидетельству современника, не все свое свободное время посвящал этой любви, «отменно был любезен с дамами и ухаживал за известной А. П. Керн». Даже сомнения в себе и тоска одиночества, высказанные им в предсмертном письме к Погодину, не дают оснований для мыслей об упадке и кризисе. Веневитинов погиб в расцвете «прекрасной молодости» и «прекрасных дарований» (слова Дельвига в письме к Пушкину), он многое успел сделать, но обещал несравненно большее.

Дмитрий Веневитинов навсегда остался в истории отечественной поэзии как символ прекрасной молодости и любви, великих надежд, высоких порывов. Личность его столь же обаятельна, как и поэзия. Друг поэта И. Киреевский призвал понимать эту личность через любовь и поэзию: «Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единство одушевлявшего их существа; кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройной жизнью поэтической, тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслью, каждая мысль согрета сердцем, которого мечта не украшается искусством, но само собою рождается прекрасная, которого лучшая песнь есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души».

ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ

Литературный глобус «Смены»

Нозль КАЛЕФ

Перевод с французского
Надежды НОЛЛЕ

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

Глава VII

С помощью перочинного ножа Жюльену удалось вывинтить одну плитку из пола. Он приподнял ее, дрожа от нетерпения. Во всех кабинах существует выход к проводам и тросам. Жюльен долго ощупывал потолок кончиками пальцев, но ничего не обнаружил. Значит, выход находится в полу.

Удача: люк был прямо под этой плиткой! Жюльен, не помня себя от радости, обследовал его контуры, нащупал ручку и потянул на себя. Крышка люка поддалась. В кабину проник сыроватый воздух.

Встав на колени, наклонившись вперед, опираясь на одну руку, Жюльен другой рукой шарил в пустоте в надежде обнаружить тросы, по которым он сможет спуститься на первый этаж. Безрезультатно. Он упорно искал, лежа на животе, просунув все плечо в отверстие. Напрасно. Он прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не впасть в истерику. Тросы, наверное, шли вдоль стен, до которых он не мог добраться.

Он на мгновение прикрыл в темноте глаза. Оставалось единственное решение: повиснуть на руках и

раскачиваться, пытаться достать до стены ногами... Зацепить тросы и подтянуть их к себе...

Надежда вырваться на свободу даже ценой собственной жизни вдохнула в него новые силы. При свете зажималки он попытался осмотреть колодец.

Темная бездонная дыра, которую крошечный огонек скорее делал еще чернее, чем освещал. У него вырвался крик. Он знал, что ничего не сумеет сделать, у него не хватит физических сил. Весь дрожь, он откинулся назад и рассмеялся нелепым смехом, который стены колодца возвратили ему насмешливым эхом.

«Фрегат» остановился перед слабо освещенной вывеской: отель-ресторан «Сиреневая роща».

— Это тебе подходит? — спросил Фред.

Погруженная в свои мысли, Тереза вздрогнула.

— Что именно?

— Ну, провести уик-энд здесь, в корчме «Сиреневая роща», раз уж она так называется. По мне, она выглядит неплохо...

Через запотевшее стекло Тереза с трудом разглядела железную решетку. Ей не хотелось выходить из машины.

Продолжение. Начало в №№ 11, 12.

— Закрыто.— заметила она.
— Ты ничего не понимаешь. В таких заведениях принимают посетителей круглый год. Ну, пошли.
Он хотел открыть дверцу. Тереза его остановила.
— Фред! Погоди... А если мы просто вернемся?
От удивления и возмущения юноша широко раскрыв глаза.
— В самом деле! Это все, что ты придумала? Вернуться? И куда потом?
— Мы могли бы провести уик-энд у меня.
— Спасибо! В мансарде...
— А завтра пошли бы в кино.
— На какие деньги?
— Хорошо... А здесь... чем ты заплатишь?
— Еще есть время до завтрашнего вечера. Не думай же постоянно о будущем.
— Фред... Please...
Он засмеялся.
— Какая ты глупая. Никогда не надо бояться. Верь мне. Я придумаю что-нибудь.
— Что?
— Да что с тобой такое?
— Я боюсь, Фред.
Это признание заставило его замолчать. Потому что он тоже боялся. Но он не мог в этом признаться. Это значило бы принять условности обывательской респектабельности. Он не слишком убедительно успокоил ее.
— Послушай! Я позвоню папе. Он пришлет чек, чтобы избежать скандала.
Аргумент, казалось, не успокоил Терезу.
— И потом у нас могут быть неприятности из-за машины.
Это замечание поразило Фреда. Он поднял бровь, что являлось признаком глубокого раздумья.
— Да, правда. Хорошо, сейчас я в два счета все организирую. В таких случаях есть элементарные меры предосторожности.
Оглядевшись, он заметил на заднем сиденье аккуратно сложенный плащ и шляпу. Его лицо просияло.
— Ну вот, все в порядке. Главное, чтобы потом в случае чего нас не могли узнать. Понимаешь? Значит, так, ты набросишь на голову мою куртку... якобы из-за дождя. А я буду неузнаваем в плаще и шляпе этого типа... Остается только избегать яркого освещения. Подожди...
Он порылся в кармане на дверце, обнаружил там револьвер и, смеясь, стал размахивать им.
— А это на тот случай, если хозяин заведения попробует хитрить!
— Фред, умоляю, положи его на место... Не трогай!
— О ла-ла!— воскликнул он недовольно, кладя оружие на место.— Ты у меня храбрый заяц. И пошутить уж нельзя. Ну, пошли и... острожно!
Хлопнули дверцы машины. В окне дома шевельнулась занавеска, потом дверь открылась, и по гравию зашуршали шаги. Дождь перестал. Но было свежо, а с веток еще капало. Хозяин гостиницы не удивился, увидев закутаных автомобилистов.
— Вы вовремя!— воскликнул он вместо приветствия.— У нас натоплено.
— Будьте любезны перегнуть машину во двор,— сказал Фред, изменив голос.
В холле гостиницы было уютно: кресла, низенькие столики, на возвышении касса, за которой хозяйка, полная веселая женщина, раскладывала счета. Она улыбнулась во весь рот.
— Господа, дамы! Какая погода, подумайте... Но вот завтра увидите... какое будет солнце... прогноз...
Она замолчала. Вновь прибывшие влетели в помещение как угорелые, и это ее насторожило. Чуть приподнявшись, она осведомилась:
— Что угодно?
Фред толкнул Терезу локтем. Она робко сказала:
— Комнату, на уик-энд.
Благополучно добравшись до лестницы, где было темнее, они почувствовали себя свободней и держались более непринужденно. Дежурная улыбка вновь появилась на круглом лице хозяйки.
— Ах! Понимаю.— Она игриво погрозила пальцем и добавила материнским тоном:— Свадебное путешествие, держу пари!
— Угадали,— произнес Фред.
На пороге появился хозяин.
— Дай им восьмую комнату, Матильда, она готова... Я ставлю машину, мосье.
Он исчез в темноте. Его жена зажгла керосиновую лампу, стоявшую на кассе, и пояснила:
— С электричеством неполадки на втором этаже. Но, как вы сами видите, на этот случай у нас все предусмотрено... для романтических путешествий... Этот свет придает прелесть... Надеюсь, вас это не смущает?
— Нет,— сказал Фред.— Вы правы. Так куда романтической.

Терезе он подтвердил свои слова, подмигнув и подняв большой палец. Поднимаясь по лестнице впереди них с лампой в руке, женщина продолжала говорить:
— Если б не это, я бы вас поселила с нами на первом этаже. Сейчас, конечно, народу мало, не сезон. Но зато вы будете как сыр в масле кататься... А хозяин сам готовит, знаете... Все очень просто, он был шеф-поваром в парижских больницах...
Она пошла по коридору, вдоль которого располагались комнаты.
— И натоплено. Вы мне скажете, хорошо ли. Кстати, вы обедали? Хотите, я принесу вам что-нибудь?
— Да, чай,— сказала Тереза.
— С тостами, маслом и сыром,— добавил Фред.
— И мармеладом!— закончила хозяйка.— Интересно, с тех пор как нынешние молодые люди решили худеть, они всегда вместо обеда съедают завтрак. Сейчас я вам все принесу... Ну вот вы пришли.
Открыв дверь номера восемь, она вошла первой и поставила лампу на камин. Фред и Тереза вошли за ней, держась спиной к свету. Комната была просторная, обставленная скромно, однако со вкусом. Очень низкая и широкая кровать с покрывалом из кретона, переключаящимся со шторами и занавеской, за которой находились умывальник и биде. Огромный шкаф, который постояльцам, вероятно, редко удавалось заполнить. Стол, два стула, большое вольтеровское кресло с отломанными подлокотниками.
— Подойдет?— приветливо осведомилась хозяйка.
Тереза в восхищении сложила руки.
— Очень хорошо. Спасибо, мадам.
— Тем лучше. Тогда я вас оставлю, мои голубочки. Пойду приготовлю чай и тосты... и принесу вместе с регистрационными карточками, которые вы заполните, не правда ли? О! Это, разумеется, нужно не для нас...
— Не стоит,— отрезал Фред.— Вы их сами заполните...
— Как вам будет угодно... В нашем деле корректность— необходимое условие, вы понимаете... Ну, и знание людей тоже, как же... Сразу видно, что вы и мухи не обидите... даже—це-це...— Она засмеялась, но, не встретив поддержки, продолжила.— Но вот полиция, вы не представляете, сколько беспокойства...
Фред смотрел на Терезу, незаметно улыбаясь. Затем медленно и отчетливо произнес:
— Мосье и мадам Жюльен Куртуа. Париж, улица Молитор, сто восемнадцать.
Девушка едва сдержала крик. К счастью, хозяйка уже была у дверей.
— Мосье Жюльен Куртуа и мадам. Прекрасно. Я быстро, хорошо?
Она вышла, закрыв за собой дверь. Они остались одни. Фред без церемоний скинул плащ и с ногами прыгнул на кровать.
— Вот сработано! Прямо как по маслу!
Он лег на спину.
— Ну? Скажи что-нибудь! Устроил я все или не устроил? А? Я настоящий ас, да или нет?
Тереза слегка расслабилась и, повеселев, смотрела на него. Она думала: «Какой он ребенок!» В то же время его находчивость, его ум вызывали у нее восхищение. Он протянул к ней руки.
— Мы чмокнем нашего маленького гения?
Она тихонько приблизилась, чувствуя себя не очень спокойно из-за незапертой двери; Фред упрекнул бы ее за это. Как только она подошла достаточно близко, Фред схватил ее за руку, притянул к себе и жадно поцеловал в губы. Она не сопротивлялась. Руки Фреда забрались под свитер. Тереза выгнулась.
— Фред! Милый...
Вдруг он вскопчил, оставив Терезу, и прислушался. С улицы доносился неровный шум мотора; хозяин гостиницы явно неумело обращался с «фрегатом».
— Он полонит мою машину!
Руки Терезы прикоснулись к его затылку. Он глубоко вздохнул и вернулся к ее губам.
Внизу хозяйка гостиницы расставляла чашки на подносе.
— Вытирайте ноги, Шарль,— сказала она мужу, который появился на пороге,— всю грязь принесешь мне из сада. Скажи, ты не посмотрел случайно табличку с именем владельца, пока ставил машину?
— Посмотрел,— проворчал тот с мрачным видом.— Жюльен Куртуа.
— Все в порядке. Так он и назвался... Но лишнее раз проверить... не так ли? Чем ты недоволен?
Он подошел к ней, хмурясь.
— Так нам было хорошо, спокойно...
— Жалуйся! Мы покроем недельные расходы.
— Если б еще быть уверенным, что у них есть, чем платить.
— У него машина. С пустыми руками не останемся. Она налила в чайник горячей воды. Шарль взял тост и с невозмутимым видом намазал его маслом.
— Отлично придумали эти тосты. Можно весь черствый хлеб использовать...

Матильда отодвинула поднос от него подальше и строго сказала:
— Не ешь все. Оставь им немного.
— Не беспокойся.— Он задрал голову к потолку.— У них есть чем заняться, кроме жратвы, не думай.
— Какой ты испорченный. Ну, откуда ты знаешь?
— Ты так поставила лампу, что видны их тени.
— Да? Поэтому ты задержался на улице, держу пари. Старая свинья! Не волнуйся. У нее молодой, тебе там делать нечего.
Он пожал плечами; пробормотал, проглотив последний кусок:
— Так или иначе, она замужняя.
— Может, ты и ошибаешься,— загадочно прошептала Матильда.— Ставлю кроличью шубу, которую ты собираешься мне купить, против твоего воскресного салатика, что она ему не жена. Ты разве не видел, какой у них вид, как у заговорщиков?
— А мне что за дело?
Он потянулся за вторым тостом, но жена шлепнула его по руке.
— Хватит, я сказала.
Взяв поднос, она направилась к лестнице.
— Фред, Фред, ты меня любишь?
В голосе Терезы слышалась тревога. В кои-то веки Фред не думал важничать, Черты его лица смягчились, и оно казалось чистым и удивительно юным. Он несколько раз утвердительно наклонил голову. В дверь постучали.
— Можно войти?— спросила Матильда через дверь.
Тереза заметалась.
— Одну минутку, сейчас...
Обнаженная, она спрыгнула с кровати, схватила плащ и надела его в рукава, пока Фред приводил себя в порядок.
— Войдите.
Хозяйка вошла в комнату с крайне деликатным видом. Тереза чувствовала себя очень неловко и сочла нужным объяснить:
— Мы расположились поудобней, видите... моя одежда намочена...
Вдруг она вспомнила наставления Фреда и отвернулась, чтобы потом ее нельзя было узнать. А Фред, растянувшись на кровати, прятался за подушкой. Но у Матильды были другие заботы. Она незаметно разглядывала белье Терезы, разбросанное по комнате. Поставив поднос на стол, она изобразила на своем лице ласковое выражение, свойственное немолодым людям, которые хотят скрыть свою зависть к чужой молодости.
У дверей она бросила на них взгляд сообщницы и скатилась вниз по ступенькам.
— Шарль! Ну, что я тебе говорила?
— Я уже не помню.— Он удивленно обернулся.
— Она ему не жена.
— Это она тебе сказала?
— Нет, но я видела ее белье. Она бедна, эта малышка. Если бы ты видел ее комбинацию... А он, все-таки имея такую машину, должно быть, с деньгами! И к тому же... лифчика не было.
— Ну и что?— удивился Шарль.
— А то,— отрезала Матильда,— что все замужние женщины носят лифчик. Это наверняка его подружка. Не жена.
Фред набросился на тосты.
— Ты меня любишь?— вновь спросила Тереза.
Он посмотрел на нее, улыбаясь: хрупкая фигурка в чересчур просторном плаще, грустные глаза— у нее был вид потерянной собачонки.
— Всему свое время. Ешь,— сказал он.
— Мне не хочется.
Она чувствовала себя несчастной, хотела, чтобы ее приласкали, и не осмеливалась дуться. С Фредом всегда так. Она наполнила чашку, и он осушил ее одним глотком. Потом положил на тост сыр, намазал мармеладом и начал жадно есть.
— Чтобы любить тебя, я должен вначале восстановить силы,— сказал он.
Она еле улыбнулась. Развязность и самоуверенность Фреда всегда ее сковывали. Он поставил чашку, а Тереза взяла его руку, прижалась к ней губами, нежно потерлась щекой.
— Смешная ты,— констатировал он, довольный собой.— Надо признать, что в тебе нет этой британской флегматичности. Страсть выплескивается из тебя, как пена из кружки, торопливо наполненной пивом...
Он задумался, не донес свой тост до рта.
— ...Что, старушка, неплохой образ, а... Пена из кружки, торопливо наполненной... А тебе не нравится?
Она попыталась подыграть ему, но сердце было с разумом не в ладу. Он вспыхнул.
— Ну, что еще? В чем опять дело?
— Ни в чем, Фред, уверяю тебя.
— Тогда почему ты дуешься? Что ты себе вообра-

¹ Пожалуйста (англ.).

жаешь! Стараешься тут для нее... Да, да, не спорь. Ты что думаешь, это мне нужно! Я-то предпочел бы провести уик-энд в размышлениях. Я все это сделал для тебя. Я краду тебе машину, устраиваю отдых за городом...

Она любила, когда он сердился. Бог знает почему, гнев считается истинно мужским проявлением характера. Сама того не замечая, она, не вынимая руки из кармана плаща, гладила свой живот. Повинуясь некоему подсознательному ходу мысли, она робко прервала Фреда.

— Ты думаешь, мы скоро сможем пожениться? Он допивал вторую чашку чая и поперхнулся.
— Ну и вопросы у тебя! Я-то откуда знаю? Она упорствовала, подойдя к нему ближе.
— Но ты меня любишь! Ты ведь сказал, что хочешь на меня жениться!

Он взял в рот кусок побольше, чтобы дать себе время подумать. Он не мог ударить в грязь лицом перед единственным существом, воспринимавшим его всерьез. Тереза уселась по-турецки в вольтеровском кресле. Фред одновременно покончил с размышлениями и тостом. Он принялся расхаживать по комнате, размахивая руками. Его тень плясала на стене, становясь больше по мере того, как он удалялся от лампы.

— Это неслыханно! Тут посвящаешь свою жизнь тому, чтобы разрушить до основания буржуазное общество, не оставив камня на камне. А ты мне начинаешь говорить о женитьбе... Ты, значит, способна хоть иногда подчинить свои интересы общественным?

В сущности, ему совсем не хотелось сердиться, а Тереза была такая хорошенькая... Он пожал плечами, присел рядом и провел тыльной стороной ладони по ее коленям.

— Впрочем, какое это для тебя имеет значение? Ты разве не счастлива вот так?

— Счастлива, Фред. Есть лишь одна вещь...
— Брось! Думай о нас. Мы здесь, вместе...
Голос Фреда стал хриплым, рука на колене Терезы делалась все тяжелее. У Терезы кружилась голова, но она старалась устоять.

— Фред! Ты женишься на мне?
— Разумеется,— ответил он поспешно.— Мы же договорились?

Он пытался обнять ее, насильно поцеловать, чтобы сломить это неожиданное сопротивление.

— Хоть это и мешанство? — упорствовала Тереза, отступая перед его натиском.— Фред, ответь мне ясно... Ты меня не бросишь?

Но это было уже слишком для его тщеславия. Он принял гордый вид.

— Ответить тебе ясно в данных условиях — это значит унизить свое достоинство. Послушай меня хорошенько, Тереза, потому что сама ты в этом никогда не разберешься. Когда речь идет о совести, мы друг другу ничего не должны!

Он съел кусочек тоста и продолжил:
— Мы квиты. Я получал наслаждение с тобой. Но и ты тоже. Ты не можешь утверждать обратное. Вот что касается совести.

Тереза была прелестна; в плаще, приоткрывшемся на груди, она внимательно слушала, слегка наклонив голову, с силой понимая. Фред схватил ее за руку, поцеловал в ладонь.

— Разумеется, я женюсь на тебе, хотя б для того, чтобы позлить папу.

— Ты обещаешь мне это, Фред? Клянешься?

Он вытаращил глаза.

— Да что с тобой, Тереза?

Просветлев, она улыбнулась. В ее глазах блестели слезы радости.

— Я беременна, Фредди.

Он застыл, разинув рот. Руки у него опустились. Теперь она, соскользнув с кресла на ковер, прижалась к нему.

— Я такая слабая, Фредди... Еще такая мешанка... Это не моя вина, но... У меня никогда не хватит мужества самой воспитывать его...

Глава VIII

В прихожей квартиры на улице Молитор Женевьева, опустошенная, застыла в неподвижности, как парусник в безветрие, утративший способность двигаться. Она с подавленным видом посмотрела на брата. Жорж захыхался и тяжело дышал. Жестом он велел горничной удалиться, тяжело опустился на стул.

— Ну,— сказал он,— теперь ты убедилась? Его нет... Ты сама уверилась...

Она хотела сказать «да», но не смогла. Слова застревали в горле. Жорж в раздражении отвернулся.

— Стоило нестись за мной по лестницам как сумасшедшей, будоражить моих соседей под тем предлогом, что он за это время, наверное, вернулся. Подумать только, что я послушал тебя.

Он с трудом поднялся.

— Спокойной ночи, Женевьева. Постарайся уснуть. Она нагнала его у двери.

— Ты уходишь?

Жорж кивнул.

— Пойду домой, прилягу. Чувствую себя неважно... Он пальцем указал на сердце...

— Я думала, ты хочешь...

— Набить ему морду? Да, в какой-то момент, в приступе гнева. Но предпочитаю позаботиться о своем здоровье...

Ему стало жалко сестру, и он попытался улыбнуться.

— Не переживай так, дорогая, завтра утром вы помиритесь и...

Увидев, как лицо Женевьевы искажилось от ярости, он замолчал. Она с трудом произносила слова.

— Никогда! Слышишь! Никогда! Если б он еще сейчас был дома. Но так поступить! Я никогда не прощу ему! О! Не бросай меня, Жорж, не оставляй одну, умоляю. Вспомни, ты обещал папе, что будешь заботиться обо мне...

— Но я не оставляю тебя одну...

— Признайся, что ты мне не веришь, признайся... — торопливо продолжала Женевьева.

— Да нет же, я верю... ты развеешься. Ну, хочешь, в понедельник мы пойдем к моему адвокату?

— Нет! За то, что он сделал тебе...

Не дожидаясь ответа, она бросилась в свою комнату, стала выдвигать ящики небольшого письменного стола, разбрасывая вокруг бумаги.

— Что ты ищешь? — спросил Жорж, присоединяясь к ней.

— Его бухгалтерские книги. Настоящие. В ЭКСИМе все подделано из-за налогов, из-за тебя, из-за всех, кого он надувал.

Жорж, слегка обеспокоенный, хмурясь, стоял на пороге. Она протянула ему три толстых блокнота.

— На, возьми и посмотри.

— А зачем ему потребовалось записывать все свои махинации? — спросил он недоверчиво.

Она расхохоталась.

— Ах! Бедный мой Жорж, ты слишком наивен. Чтобы лучше разбираться! Он так запутался в своих доходах и тратах! Он даже не знал, у кого лучше занять денег! По вечерам он читал мне все это, чтобы я посмеялась.

Увидев страдание на лице брата, она опомнилась.

— Но не над тобой, клянусь. Над тобой мы никогда не смеялись, Жорж. Я бы этого не позволила.

Она бросилась к нему в объятия.

— Ты знаешь, как я люблю тебя, Жорж, как ты мне дорог. Не оставляй меня на милость этого мошенника. Когда-нибудь он убьет меня. Он на это способен...

— Ну, ну, не теряй голову, Жину...

Он осторожно гладил ее по волосам, разрываясь между желанием обрести покой и нежностью к сестре. Разрушительная сила, овладевшая Женевьевой, пугала его. Позже она наверняка во всем раскается.

— Послушай меня. Утро вечера мудреней. Поговорим в понедельник. До тех пор ничего нельзя сделать. Если ты по-прежнему будешь настаивать, мы потребуем развода, а... пока уберу все.— Он протянул ей блокноты, которые она отказывалась взять назад.— Убери, чтобы он даже не знал, что я видел их...

Женевьева сделала огромное усилие, чтобы говорить спокойно, и ей это удалось.

— Ты думаешь, у меня очередная истерика. Не заблуждайся. Посмотри. Повторяю, прекрасно отдавая себе во всем отчет: я не передумую. Я сама желаю оказаться перед свершившимся фактом. И поэтому отдаю тебе всю его бухгалтерию. Надо, чтобы его арестовали.

— Очень тебе это поможет.

— Это поможет при разводе.

Жорж похлопал ее по щеке.

— Это ты наивный человек. Тот факт, что ты замужем за мошенником, еще недостаточен, чтобы аннулировать брак. Одно с другим не связано. Надо доказать, что он тебе изменяет.

— Значит, пойдем и поймаем его на месте преступления.

— Куда?

Она задумалась, покусывая пальцы.

— Он, должно быть, на Монмартре. Идем туда.

Жорж беспомощно развел руками.

— Не мы должны его застать, а полицейский комиссар.

— У меня идея. А что, если я заявлю в полицейский комиссариат об исчезновении моего мужа?

Бедный Жорж присел на край кровати, взял сестру за руку и привлек к себе.

— Это что, серьезно насчет развода?

— Да, Жорж.

— Подумай хорошенько, моя маленькая Жину. Потому что, если ты действительно хочешь разводиться, я возьмусь за это дело серьезно. До сих пор я всегда щадил Жюльена ради твоего счастья. Если же ты говоришь, что не хочешь больше жить с ним, я буду планомерно действовать, чтобы избавить тебя от него.

— Я настаиваю, Жорж. Я хочу, чтобы ты разоблачил его, упрятал в тюрьму.

— Договорились,— сказал он, поднимаясь.— Идем. Она тут же забеспокоилась.

— Куда?

— Твоя идея прекрасна. Ты заявишь об исчезновении мужа. Его начнут искать и, если найдут в обществе какой-нибудь девицы, показаний инспекторов, быть может, будет достаточно. Зная номер его машины, все это должно быть несложно.

— А это? — Женевьева указала на блокноты.

— Я подам жалобу в понедельник утром.

— Нет, сейчас же. Ты слишком добр, Жорж, ты жалеешь его, а он этого не заслуживает.

— Возможно. Но даже если я вдруг пожалую его, то все равно уберу с твоей дороги, раз я принял решение. Если понадобится, вопреки тебе. У тебя еще есть время сказать «нет», еще ничего не сделано.

Она избегала его взгляда.

— Бросим все это? — предложил он.

Женевьева посмотрела на него глазами, полными слез. Он прочел в них растерянность, и сердце его сжалось.

— Хочешь, поговорим обо всем еще раз завтра утром?

— А что ты будешь делать теперь?

— Я уже сказал: пойду лягу.

— А я?

— Не знаю, малышка...

Она тут же приняла решение.

— Нет, Жорж, мы ничего не бросаем. Не оставляй меня.

Он засунул блокноты в карман пальто и потянул сестру за собой.

— Идем в комиссариат. Скажешь, что твой муж сегодня вечером не вернулся домой. Расскажешь, что вы по телефону договорились о встрече. Но, смотри, не говори, что видела, как он уехал на машине.

— Да, хорошо.

Они вышли из дома, держась за руки, как в те времена, когда маленькая Женевьева шагала рядом со своим старшим братом.

Людам бесхарактерным, слабым, упрямство иногда заменяет волю. Жюльен решил рискнуть. Он спустился по тросам. Воспоминания о школьных успехах на уроках физкультуры придавали ему храбрости. Преподаватель часто ставил Жюльена в пример, когда дело касалось упражнений на канате.

Снимая пальто, Жюльен все же повернулся спиной к зияющему отверстию. Он глубоко вдохнул воздух, сначала сел, свесив ноги, потом скользнул в открытый люк.

Ощущение пустоты там, глубоко внизу, вызвало у него головокружение, и он вынужден был переждать, опираясь на локти, пока это чувство прошло.

Ему хотелось верить, что, учитывая малые размеры кабины, он легко достанет до стены колодца. Откинувшись назад, он хотел дотронуться до стены ногой.

Но оказалось слишком далеко. Он закусил губы. Надо постараться. К счастью, он чувствовал себя в хорошей форме. Постепенно в отверстии исчезли его торс и голова.

Повиснув на руках, вцепившись пальцами в гладкий край люка, он испугался, ему показалось, что все кончено. Вот он отпускает руки и после нескончаемого падения разбивается внизу. Он отогнал кошмарное видение, удивился, что еще жив. Чтобы успокоить беспорядочное биение сердца, Жюльен стал представлять себе, какую спокойную и счастливую жизнь он наладит наконец с Женевьевой. Он не думал о Боргри. Лишь о вновь завоеванной свободе... при условии, что он выберется из этой темницы!

Прилив энергии вдохнул силы в его мышцы. Он вполне владел своим телом. Он резко выбросил ноги перед собой и так неожиданно ударился ими о стену, что чуть не сорвался. Но радость от сознания, что он все же дотронулся до стены, поборол страх. Значит, это возможно! Оставалось найти, с какой стороны шли тросы.

Первая попытка оказалась неудачной. Стена была гладкой. Постепенно, опираясь на локти, он приподнялся, чтобы передохнуть, повернуться вправо и подготовиться к новой попытке. Он вновь спустился в темноту.

И тут же дикий крик, отнявший почти все его силы, вырвался из груди Жюльена. Что-то шевельнулось у носков его ботинок! Он раскачивался, как на трапеции. Да... Да... Бесспорно, тросы были там, и ему удалось до них дотянуться! Слезы текли по его щекам, но он их не замечал. Его пальцы побелели, с трудом удерживая вес тела. Он выбросил вперед левую ногу и чуть не лишился чувств, ощутив, как что-то касается его щиколотки. Трос! Он зацепил его и осторожно подтянул ногу. Сейчас резким движением он обмотает трос вокруг бедра. Схватить и сжать руками спасительную веревку будет потом парой пустяков.

Но в горячке Жюльен забыл, что руки его как раз... Вдруг левая рука выпустила край люка. Он затаил дыхание и прикрыл глаза. Трос выскользнул.

Повиснув на одной руке, он призывал Женевьеву на помощь: «Я сделал это ради тебя!» Перед его

мысленным взором промелькнула вся прожитая им жизнь. Он не решался дышать. Левая рука Жюльена помимо его воли сама по себе поднялась, нащупала край люка, вновь ухватилась за него. Только тогда к Жюльену вернулось сознание. Смертельно устав, он больше не двигался. Лишь его учащенное дыхание нарушало жуткую тишину.

Плохо соображая, Жюльен с трудом подтянулся вверх. Как только дрожащими коленями он прикоснулся к полу кабины, силы окончательно покинули его.

Комиссариат был похож на все парижские комиссариаты: мрачное, наводящее тоску помещение. Дежурному хотелось спать, и он зевал, заполняя бумаги. Женеваева вся дрожала. Жоржу приходилось все время ей подсказывать.

— Куртуа как пишется? — спросил дежурный, потирая глаза.

— У, а,— быстро ответил Жорж.

— В котором часу он звонил вам?

— Как?

Женеваева ничего не соображала. Жорж закурил губы.

— В котором часу Жюльен звонил тебе?

— Он... Он мне не звонил...

Дежурный, казалось, проснулся и искоса взглянул на нее. Жорж потряс сестру за плечи.

— Но ты же мне сказала, что вы разговаривали по...

— Да. Но это я ему позвонила.

Дежурный опять уткнулся в бумаги.

— В половине седьмого,— сказал Жорж.

— И после этого вы его не видели?

Жорж ждал, пока Женеваева ответит, но она молчала. Это святотатство правосудия внушало ей страх. Опять пришлось ему отвечать.

— Нет, мосье. И его нигде нет. Ни дома, ни в конторе, ни у меня. Нигде.

— Должен же он где-нибудь находиться,— проворчал дежурный.

— Когда вы сможете сказать нам...

— Ну...— Дежурный сделал неопределенный жест.— Иногда только и дела, что на несколько минут... звонят в больницы, в морг... Как повезет.

Женеваева тихонько заплакала.

— Будьте добры, сообщите мне домой, мосье. Моя сестра пока пойдет со мной... Я не могу оставить ее одну в таком состоянии....

— Ваш адрес? — вздохнул дежурный. Он уже почти спал.

Жюльен начал все сначала. Только теперь он не помнил, с какой стороны находилась нужная ему стена. Он сориентировался с грехом пополам. Он будет начинать все сначала столько раз, сколько потребуются.

Со второй попытки он зацепил трос и удержал его. Он был так обрадован удачей, что позволил себе передохнуть.

Жюльен быстро продумал план действий. Спустить на руках в подвал, включить ток. Уничтожить компрометирующие бумаги у себя в кабинете. Внимание! Не забыть уничтожить следы своего пребывания в лифте и, уходя, выключить ток. Но что он расскажет Женеваеве, вернувшись домой?

Там видно будет!

Теперь Жюльен крепко держал трос. Равномерно дыша, он осторожно перехватил его чуть ниже. Он испытывал незнакомое ему пьянящее чувство превосходства человека над материей. Единение мышления и мышц наполняло его гордостью. Он ни о чем не сожалел.

Вдруг его нога, вокруг которой был обмотан трос, встретила препятствие. Картина, которую он видел столько раз и не обращал внимания, мгновенно возникла перед его мысленным взором: трос загибался в петлю под лифтом. Конечная! Всем освободить вагоны! Конеч!

Так близко от цели?

Но на какой высоте он находится? Начав спуск, он и не подумал прикинуть длину пройденного пути. Он мог быть на первом этаже так же, как и на восьмом! А если он просто прыгнет вниз?

Безумное желание уверовать в возможность избавления, несмотря ни на что, мешало Жюльену сделать элементарный расчет: в развернутом виде трос должен был примерно равняться высоте двенадцати этажей. Поскольку кабина находилась наверху, петля была где-то на уровне шестого....

Допустить, что такой расчет точен, значило отказаться от попытки выбраться. Или же отказаться от самой жизни. Броситься вниз и подохнуть! Жюльен предпочитал думать, что находится близко от земли. Обмотав несколько раз трос вокруг руки, он повис в воздухе, дрыгая ногами... надеясь коснуться земли носками ботинок. Безрезультатно... Подумать только, что он, возможно, лишь в нескольких сантиметрах от цели! Жюльен был в ярости: судьба жестоко обошлась с ним. А если он прыгнет и покажет «ей»? Кому

«ей»? Тут же он увидел, как летит, переворачиваясь в

воздухе, чтобы покончить... покончить... когда? Резким движением ему удалось сесть на изгиб троса. Что-то внутри него, нервная икота или сдерживаемые рыдания, заставляло его дрожать. В лучшем случае ему еще удастся подняться на руках назад... рискуя своей жалкой жизнью.

У Женеваевы не оставалось больше ни сил, ни слез. Нахмуренный лоб Жоржа, его жесткий взгляд внушали ей страх. Когда они вышли из комиссариата, он взял ее за руку.

— Быстрее. И так потеряно много времени.

— Куда мы пойдем теперь?

— Увидишь.

Он втолкнул ее в машину. Они поехали по ночному городу.

— Пока все не закончится, ты будешь у нас.

— Да, Жорж.

Он дружески похлопал ее по руке.

— Послушай, возможно, тебя тоже будут допрашивать. Не сбивайся. Ты помнишь, что говорила только что в комиссариате?

— Да.

— Это нетрудно. Ты ничего не знаешь, понятно? Ты ждала до десяти часов, а потом заявила об исчезновении мужа только потому, что опасалась несчастного случая. Запомни. Впрочем, я буду рядом.

— Да, Жорж.

Раз она будет не одна, все тревоги отступают на второй план.

— Понимаешь,— объяснил Жорж,— это упростит развод. Ты ничего не знала. Ты никогда не подозревала, что муж тебе изменяет. Ты несчастная, ни о чем не подозревавшая женщина.

— Хорошо, Жорж. Только...

Он резко вывернул руль.

— Никаких «только»! Ведь ты не передумала? Потому что в таком случае я тебе помогать не стану. Даю слово!

— Дело не в этом.

— А в чем же?

— Я сейчас подумала... Представь, что с ним действительно произошел несчастный случай.

— Тогда тебе бы об этом сразу сказали в комиссариате.

Жорж едва избежал столкновения с мотороллером, выехавшим с улицы Кондорсе. Поскольку улица де Мартир резко поднималась вверх, ему пришлось переключить на вторую скорость.

— Из-за этого идиота у меня чуть не заглох мотор,— проворчал он.

— Жорж, почему мы едем на Монмартр?

Он вздохнул; вся эта история ему здорово надоела.

— Если мне удастся его отыскать и сообщить полицейским, где он находится, дело будет сделано... Ты выдержишь?

— Да, да,— ответила она в задумчивости.

На Медрано они повернули налево, выезжая на внешнее кольцо бульваров. Женеваева как бы нехотя произнесла:

— Ты не думаешь, что...

Жорж вспыхнул.

— Пока ты со мной, мне ничего не удастся сделать. Давай возвращайся домой. Так будет лучше. Скажешь Жанне, чтобы поместила тебя в комнату для гостей. Я приеду и все расскажу. Не беспокойся.

Она не хотела, но Жорж, не дожидаясь ее согласия, влихнул сестру в машину, бросив шоферу:

— Улица Варен... Поезжайте...

Ободрав руки до крови, Жюльен добрался до кабины. Задыхаясь, он рухнул на пол. На мгновение он утратил чувство реальности. Но постепенно ясность мыслей вернулась к нему. Он повернулся на спину. Сигарету...

Ему вдруг нестерпимо захотелось курить. Сигареты лежали в кармане пальто. Дрожащими руками он разложил пальто на полу и порылся в карманах. Неначатая пачка! Теперь он попытался подойти к делу с юмором. Как в старые добрые военные времена, а? Рацион до понедельника до утра... к счастью, господь бог придумал табак!..

Пачка «Голубого диска» слабо белела в темноте. Неловкими движениями Жюльен пытался ее открыть. Один неудачный жест, и маленькая светящаяся надежда упала, отскочила от пола. Жюльен резко вытянул руку, чуть промахнулся и в довершение несчастия подтолкнул пачку к краю люка. Еще секунду она оставалась видимой, а потом исчезла...

Застыв от ужаса, скрючившись над зияющим отверстием, узник затаил дыхание в пугающей тишине. Внизу, очень далеко, раздавался негромкий шум... Пачка добралась до земли.

Крича, как сумасшедший, ударяя кулаками по полу кабины, Жюльен разрыдался...

Фред и Тереза спали, держась за руки. Во сне их лица приобрели ангельскую чистоту.

Продолжение следует.

ПОЛИТИКА
борьбы и побед

...Каково число выступлений В. И. Ленина с Октября 1917 года? Какие вопросы обсуждал большевистский ЦК за время с X по XI съезд? Сколько — испоним песню — уходило комсомольцев на гражданскую войну? Когда состоялось первое фабричное в Москве производственное совещание? Почему Совнарком наградил в апреле 1921 года Красным Знаменем рабочих знаменитой Юзовки?..

Немало редких исторических сведений находишь в книге Алексея Казначеева «В. И. Ленин о политическом руководстве массами в борьбе за социализм (ноябрь 1917—1923 гг.)». (Политиздат, 1981). Перечисленные вопросы (на которые, понятно, получишь ответы) — далеко не исчерпывающее извлечение. Шедры фактический материал делает этот научный труд не только полезным, но и интересным.

Актуальна тема книги. И потому, что помогает изучению одной из важнейших сторон теоретической и практической деятельности В. И. Ленина, и потому, что книга приобщает к политике КПСС на современном этапе.

Хорошо известны два основополагающих высказывания В. И. Ленина: «Социализм создается живым творчеством самих трудящихся» и «Чтобы обслужить массу и выражать ее правильно осознанные интересы, передовой отряд, организация должны всю свою деятельность вести в массе...»

Изучение того, как воплощались в жизни эти принципы, становится в книге А. Казначеева главным. С волнением читается, как в самых нелегких условиях первых лет новой власти живым творчеством партии был заложен, опробован и развит удивительно многогранный и до сих пор ценнейший — в том числе и международном масштабе — опыт руководства народными массами. Вот уже седьмое десятилетие обеспечивает партия нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, животворную деятельность Советов народных депутатов, активное приобщение граждан к управлению экономикой, широкую роль в обществе профсоюзов, иных массовых объединений, действенность идеологии, всего разностороннего арсенала коммунистического воспитания народа, строящего развитой социализм. Заметим с удовлетворением, что автор нашел место разделу «Работа с молодежью». В основе анализа темы отношения партии к комсомолу — серьезные документы: от речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ до материалов XXVI съезда КПСС.

Ленинское наследие политического руководства массами не только надежно сохранено, но и, как это убедительно подтверждено материалами книги, преумножено в новых исторических условиях. «Сколько раз за это время,— говорил с трибуны XXVI съезда партии Л. И. Бреж-

РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ КНИГИ О ПАРТИИ, О ТЕХ, КТО ЛЮБИТ СВОЮ РАБОТУ, О ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ, О ПОПУЛЯРНЕЙШЕМ ВИДЕ СПОРТА

нев,— нам предрекали неизбежный провал. Сколько раз нас пытались заставить отказаться от намеченных целей. Сколько раз наши противники пытались уверить нас, что мы ошибаемся, что путь наш не верен... И что же? О большинстве этих людей давно уже забыли. А социализм живет! Он развивается. Он неуловимо идет вперед».

Исследование А. Казначеева обогащает читателя. Книга вышла в преддверии XIX съезда ВЛКСМ. Она подталкивает к размышлениям о месте комсомола в общем строю, о том, какую многообразную роль он обязан играть в активном приобщении молодежи к строительству коммунизма и как под руководством партии должна строиться вся его деятельность.

Валентин ОСИПОВ

Голос сердца

Книга Анны Харитоновой «Дороги к людям», которая вышла в «Молодой гвардии» в прошлом году, начиналась с журналистской тропы, с дороги. Она состоит из очерков о замечательных людях — агрономах, животноводах, учителях, виноделах, рыбаках, чабанах... Всех их объединяет одно, главное качество — они любят свою работу и ради нее идут порой на испытания. В конце концов, утверждает автор, только в труде проявляется настоящий характер, и нет выше счастья для человека, чем свободно жить и работать на родной земле, ежедневно идти, как говорил Максим Горький, на работу, как на праздник.

И это так. И это справедливо! Мы ощущаем, как часто в книге авторский голос сливается с голосом сердца самих героев — и от этого сами герои становятся нам еще понятнее, роднее, приближаясь к нам как бы на расстояние дыхания. С волнением читаешь о судьбе Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР доярки Зухры Байрамкуловой (очерк «Горняк»), тревожишься вместе с хирургом Зоей Александровной Бронзовой, героиней очерка «Я верю вам», когда из далекой деревни к ней привозят тяжелого, почти безнадежного больного, и с трудом удерживаешь слезы радости, добрые, светлые слезы, закрывая последнюю страницу очерка «Когда мама дома». Героиня этого очерка Домна Павловна Левшина родила и вырастила пятнадцать детей. Все они остались в родном селе, не ушли от земли. «Для них стало естественным и необходимым просыпаться с зарей и приниматься за привычное дело — творить земле добро, растить хлеб наш насущный, великую драгоценность человеческую. Свои весны они встречают среди парного тепла полей...»

Творить добро... Быть полезным людям... Но с чего начинаются это добро, эта польза? Ведь как трудно, порой даже мучительно, особенно в юности, найти человеку самого себя, свое истинное призвание и назначение на земле. Эти вопросы и для журналиста, как и для писателя, остаются самыми важными, самыми значительными. Потому что они ближе всего стоят к человеческой душе — предмету

самому сложному, противоречивому и труднодоступному. Автора книги интересуют в его героях прежде всего нравственные горизонты: сила любви к своему делу, доброта, чувство долга и совести, способность к самопожертвованию. Все эти качества воспитали в них, передали по наследству молодым труженикам села родители, комсомол, школа, сама жизнь. Та сегодняшняя жизнь, ради которой на фронтах яростно бились и с достоинством умирали миллионы и миллионы советских людей, в том числе отцы и деды многих героев книги.

Читая книгу, невольно думаешь: чем больше будет в нашей молодежи любви к родной земле, тем богаче будет осенью колос, тем счастливее будет вся наша жизнь.

Предметы исследования автора не скрывает сильных и прекрасных профессий героев, а движения их души, потому что никогда никакие машины не заменят живых человеческих привязанностей. Наоборот, чем глубже, сильнее будет эта привязанность, тем больше сотворит дел помощники человека — машины, тем богаче будет земля.

Анна Харитоновна старается прежде всего найти красоту. Красоту в работе, в семье, в человеческом общении.

Особой главой в книге стоят очерки о наставниках — о воспитателях молодых. Пожалуй, самые интересные из них — «Тепло семьи», «Ветка таволги», «Наставница», «Гордятся ею земляки».

Конечно, автор далеко не полностью исчерпала философский смысл этой темы, да разве возможно показать все грани такого алмаза? Она зачерпнула только каплю из огромной реки — большого движения, название которому — наставничество. Но капля эта оказалась чистой и ясной, как и судьбы героев книги.

Прочитана последняя страница. Но волнение не остывает, потому что ты встретился на этих страницах с большими характерами, с замечательными людьми. И тебе стало хорошо, празднично от этой встречи!

Думается, сегодняшний молодой читатель почерпнет из книги А. Харитоновой много нужного, полезного, светлого, а через годы наши наследники с интересом и любовью прочтут о том, как жили их отцы, деды. Вот почему такая книга не только для настоящего, но в какой-то степени и для будущего.

ВИКТОР ПОТАНИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Интуиция и закономерность

Книга Владимира Александрова «В желуде — целое дерево...» («Детская литература», 1981 г.) — своеобразное литературное обозрение. Это очерки о многонациональной детской литературе, объединенные в одно глубокое и серьезное исследование проблем этой литературы, достоинства и недостатки литературного процесса 70-х годов.

Книга В. Александрова вышла

в свет вовремя. И не только потому, что на грани десятилетия принято подводить итоги литературного процесса предыдущих лет. Главное — она пришла к читателям в год 60-летия образования СССР, являя собой убеждающий пример интернационализма и взаимовлияния советской культуры вообще и детской литературы в частности. Появление такого рода обозрения тем более ценно, что за последние десятилетия (!) в нашей критике не было подобного исследования в области детской литературы, заключающего в себе анализ творчества ведущих писателей — представителей всех союзных республик. Впрочем, о такой ситуации в критике детской литературы пишет и сам автор. «До обидного мало у нас критиков, имеющих вкус к рассмотрению тех или иных художественных явлений в контексте всей советской многонациональной литературы».

Книга энциклопедична по объему критически оцениваемого литературного материала, а также по числу писательских имен, чьи творческие портреты воссоздает автор. Это Э. Рауд, А. Костецкий, И. Зиедонис, Н. Думбадзе, Г. Виеру, С. Вангели, Ш. Бейшеналиев, М. Джангазиев и многие другие. Всего в книге упоминается около 350 имен поэтов и прозаиков, критиков и литературоведов. Но это отнюдь не значит, что В. Александров как критик «всеяден». Напротив: он в достаточной степени избирателен. Книга строится по признаку преимущественного внимания к творчеству тех писателей, чьи произведения для детей столь заметны, что с ними можно встретиться в Белоруссии и Якутии, в Туркмени и Башкирии, на Украине и в Закавказье.

В определении тематики детская литература, как и взрослая, имеет один исток: жизнь нашего народа. Это и революционное становление социалистического общества, и подвиги советских людей в годы Великой Отечественной войны, и проблемы сегодняшнего дня, и задачи формирования коммунистической личности. «Разными являются только средства донесения концепции до сознания читателя, диктуемые возрастом», — делает вывод В. Александров. Он утверждает, что детская литература немалым без реальности, увиденной как бы глазами ребенка, без простоты формы как особого совершенства, без писательской чуткости по отношению к юному человеку, без народности, без песенных и игровых интонаций, без фольклорного начала, без сказочности. А самое главное — здесь автор вспоминает слова Роллана Быкова — в ней не должно быть места предательской мысли о второстепенности искусства для детей. И теория детской литературы не должна быть «оправданием всяческой культуры, как некой педагогической необходимости». Здесь от формулы «Дети не поймут» или «Детям этого не нужно знать» рукой подать до катастрофического «Детям и так сойдет».

Значительное место в своей книге В. Александров отводит роли талантливейших мастеров «взрослой» литературы, постоянно работающих для детей: Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, М. Карима, Д. Кугультинова, К. Кулиева и др.: «Искусство взрослого писателя не только доставляет наслаждение, но решительно расширяет знание о мире, делает человека эмоциональнее, нежнее, задумчивее».

Говоря о значении лучших произведений для юных, автор книги постоянно противопоставляет им поток серой литературы, которой, к сожалению, еще предостаточно. Эта антитеза ярко высвечивает образ «среднестатистического литератора», как величает его критик В. Александров выделяя определенные черты, свойственные твор-

честву таких писателей: неумение создавать характер подлинно живого и неповторимого человека, вглядываться в его судьбу; многократное повторение когда-то оригинального литературного приема, отсутствие впечатляющей образности, элементарного контакта с читателем. Но, размышляя об общем потоке второстепенной, «облегченной» литературы, автор очерков почему-то создает лишь обобщенный образ такого литератора и «забывает» назвать конкретные имена и названия книг. А ведь «поименная» борьба могла бы привести к более осязаемым результатам, чем только общие рассуждения, — мол, понимай сам, к кому это относится.

В главе, где речь идет об искусстве перевода, В. Александров приводит слова лауреата Нобелевской премии физика П. Л. Капицы, убежденного в существовании прочной связи интуиции и закономерности в творчестве: «Если есть интуиция, значит, есть и закономерность». У самого В. Александрова интуиция литературоведа и критика сочетается со знанием основных закономерностей процессов в многонациональной детской и юношеской литературе и способствует их выявлению.

Критик назвал свою книгу «В желуде — целое дерево...». Эта строка из стихотворения О. Вацетица символична. Ведь в детской литературе преломляется мир детства и юности, и от нее, как от желудка, который дает жизнь огромному, мощному дереву, во многом зависит, что впитает в себя маленький человек, чему он научится и каким вырастет.

Елена СЕТУНСКАЯ,
участница
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

СПОРТ

Проверить гармонию алгебры

Когда-то, рассказывает автор рецензируемой книги, выдающегося кинорежиссера Сергея Эйзенштейна заняла проблема: как удастся футболистам добиться такой выразительности, что тысячи людей на трибунах в такт их движениям восторгаются и стонут, торжествуют и впадают в отчаяние?..

Популярность футбола, его эмоциональное воздействие на зрителя необычайны. И потому с неизменным и неиссякаемым интересом встречается печатное слово, посвященное футболу. Я затрудняюсь в определении жанра книги Валерия Винокурова «Шаг к истине». И хотя по форме все как будто бы ясно — сборник публикававшихся в разные годы статей, очерков и интервью, связанных с футболом, по существу, это, конечно же, не сборник, не альманах. Скорее это целостное повествование, в котором в увлекательной форме анализируется картина современного футбола.

В книге рассматриваются, кажется, все возможные аспекты и срезы футбола как социального явления, как захватывающего зрелища, как арены противоборства различных школ и концепций спорта, как увлекатель-

ной игры, равно интересной и зрелому мужу и юному участнику баталлий, проводимых клубом «Кожаный мяч». В этих заметках нет, понятно, решительно никакой возможности коснуться всех тем, затронутых автором, но поскольку «Шаг к истине» издан в счастливый для нашего футбола момент, когда сборная страны после двенадцатилетнего перерыва вернулась в компанию сильнейших, то интересно перечитать те куски книги, которые прямо связаны с предстоящими нашей национальной команде испытаниями.

В книгу включены и три интервью, взятые с интервалом ровно в год: весной 1972, 1973 и 1974 годов. Увы, это тоже примета нашего футбола недавних лет — «чехарда с тренерами». В 1974 году Винокуров беседовал с Константином Ивановичем Бесковым. Семь лет прошло с тех пор, но мысли, высказанные маститым специалистом, нынешним главным тренером сборной СССР, волнуют и сегодня. Читая книгу, я меньше всего хотел бы навязывать кому-либо свою точку зрения по поводу того, что, на мой взгляд, особенно важно сейчас для нашего футбола, да и для спорта вообще, тем более что в «Шаге к истине» предложено множество глубоких и тонких наблюдений, объясняющих процессы, происходившие и происходящие в футболе, но не могу не вспомнить те места книги, где Бесков и Винокуров с горечью констатируют, что лучшие команды мира превосходили нашу сборную в организации игры. Что нам не хватало рационализма в самом хорошем смысле этого слова, рационализма, связанного со строгой игровой дисциплиной. Что соперники выгодно отличались более высоким игровым настроением, умением проводить все матчи с полной отдачей сил.

Когда-то Бесков поставил перед собой и коллегами задачу — так вести работу со сборной, чтобы в каждом последующих совместных занятиях не начинать с нуля, а продолжаться с той точки, где мы остановились. Сегодня после завершения сезона 1981 года очевидно, что цели этой команда и ее тренеры добились. Сегодня команда тренируется и играет так, что футболисты сборной имеют право сказать после матча: «Я сделал все, что мог». А вел спортсменов к этому труд. Неустанный творческий труд. Автор книги объясняет, что победы сборной прямо связаны с прогрессом в клубном футболе, и нынешние успехи как динамовцев Киева и Тбилиси, московского «Спартака», так и главной команды страны убедительно подтверждают это тезис.

Винокуров и его «соавторы» Нодар Ахалкаци, Лев Яшин, Давид Кипиани интересно размышляют о нравственной ответственности спортсменов перед зрителями, гневно осуждают тех, кто ставит своей целью «разрушение игры», кто ради спасительного очка готов отступить от этики спорта, от норм жизни нашего общества.

Читатели могут согласиться или поспорить не только с ведущими нашими футболистами и тренерами, но и с такими интересными собеседниками, как знаменитые тренеры и спортсмены Гельмут Шён, Альф Рамсей, Герд Мюллер, Драган Джанч, Джордж Бест. Футбол многолик, неисчерпаем, в нем связаны в единый узел разные и, казалось бы, далекие одна от другой проблемы — приобщение к игре детей и развитие массового футбола, внимание к личности спортсмена и поиски новых тактических построений, и, наконец, можно было бы обнаружить в книге Валерия Винокурова какие-то упущения, но, право, делать этого не хочется. Книга получилась увлекательной и полезной.

Олег СПАССКИЙ

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Владимира БУРКИНА, Москва

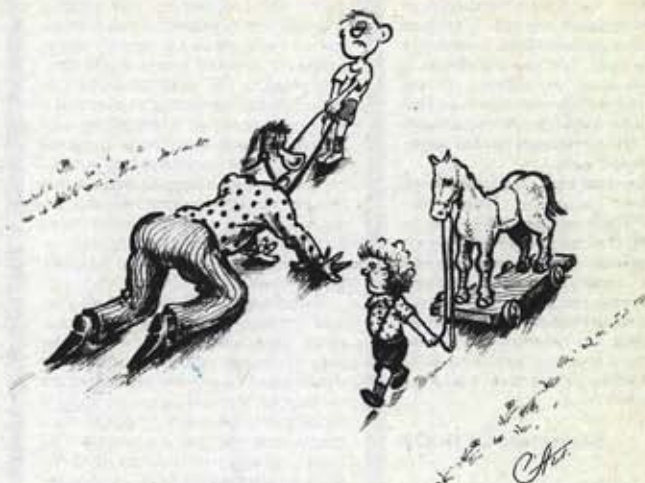

Рисунок Сергея АЙНУТДИНОВА, Свердловск

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО, Москва

Рисунок Валентина ДРУЖИНИНА, Запорожье

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Выпускник Тульского политехнического института Алексей Сузтин одновременно вместе с дипломом инженера в 1950 году получил удостоверение мастера спорта по шахматам. В 1964 году стал гроссмейстером. Он был неоднократно победителем всесоюзных и международных турниров. Свой богатый опыт и мастерство Алексей Степанович передает молодым шахматистам, он автор многих книг и учебных пособий по шахматам. Сузтин был тренером чемпионов мира Тиграна Петросяна, Нонны Гаприндашвили, Майи Чибурданидзе.

Международный гроссмейстер А. СУЗТИН будет вести в нашем журнале шахматный раздел

Приводим партию Алексея Сузтина, сыгранную им с гроссмейстером Львом Полугаевским в финале XXXIV чемпионата СССР, с его комментарием.

Эта позиция возникла на доске после 23 ходов. Наступил едва ли не самый ответственный момент стратегической борьбы. В возникшей острой игре с взаимными атаками на разных флангах главную роль играет владение инициативой. Белые должны действовать решительно.

Последовало: 24. f5 e5 25. h5 Cc6 26. h6! g6 27. fg hg 28. b4 Kc4

29. Cd3 Ce8 30. Kb3 Lf5b7 31. Cc1 La7 32. Kb2 K:b2 33. Ф:b2 Kb6 34. Ce3 Лаа8 35. Ка5 Ка4 36. Ла4!

Жертвуя качество, белые создают опасную атаку на пункт f7.

36...C:a4 37. Cc4 Ce8 38. Фf2 Ld8 39. Cb6 Фd7 40. C:d8 L:d8 41. Фh4 Lc8.

Последний ход черные записали. Дома я больше всего анализировал эндшпиль, который мог возникнуть после 41...Фa7+ 42. Фf2 Ф:f2+ 43. Кр:f2 Ce7. Но играя 44. Лg1 Lc8 45. Лg3 Cb5 46. Cd5, белые сохраняли перевес.

Но сколько раз я упрекал себя в поспешности! Ведь ход 41. Фh4 был сделан уже после контроля, и нетрудно было найти более сильное продолжение 41. Фe3. (Замечу в скобках, что осуждать себя за подобные упущения нужно, но никак нельзя допустить, чтобы досада, ими вызванная, мешала домашнему анализу и игре.)

Дальше игра ушла от моих ана-

лизов и носила характер импровизации. И все же анализ не пропал даром. Он позволил мне довольно глубоко проникнуть в особенности позиции.

Может быть, именно благодаря этому тактические действия белых были четкими.

42. Лf3! Фd8 43. Cd5 Ce7 44. Фf2 Фd7 45. Фg3 Lc7 46. Kc4 Фа4 47. Фf2 C:g5.

Теперь белые выигрывают форсированно.

В этой партии было множество комбинационных тонкостей и конкретных вариантов. Публиковать их все вряд ли целесообразно. Но для себя полезно не лениться записывать все конкретные расчеты, свои и партнера, как бы много их ни было.

Я ограничусь лишь анализом хода 47...Фd1+, который, по непосредственному впечатлению моего партнера, как будто давал шансы на ничью.

Варианты показывают, что эта оценка неверна. Белые и тогда одерживали победу. Например: 48. Kpg2 Фc1 49. Л:f7 Фg5+ 50. Kpf1 Фc1+ 51. Kpe2 Фc2+ 52. Kd2 Cb5+ 53. Kpf3 Фd1+ 54. Kpg2 Фg4+ 55. Фg3 Фg3+ 56. Kpg3 Ch4+ 57. Kр:h4 Л:f7 58. h7+ и т. д.

Возвращаясь к ходу в партии, замечу, что решительно опровергнуть его может только вариант 48. K:d6 Cf4 49. K:e8 Ф:e8 50. Фb6!, как и было сыграно.

Когда я, считая варианты перед 48. K:d6, уже в последний момент, в цейтноте, разглядел двойной удар на пункты c7 и g6, я ощутил ту удивительную радость, которая понятна только шахматистам.

Не частые эти минуты удовлетворения особенно дороги потому, что достигаются тяжким трудом, ценой поисков и сомнений.

50...Фа4 51. Ф:g6+ Kpf8 52. Фg7+ Kpe7 53. h7 Фd1+ 54. Kpg2. Черные сдались.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.05.82. Подписано к печати 01.06.82. А 11613. Формат 70 x 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1551. Заказ № 2568. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Умеренно.

ПОЕЗД "КРАСНАЯ СТРЕЛА"

Музыка Алексея МАЖУКОВА
Стихи Николая ЗИНОВЬЕВА

*«Красная стрела» ночью отойдет...
Я тебя люблю, а ты?
«Красная стрела» от меня сейчас
Вихрем оторвет мечты...
Между нами ночь пропастью растет.
Я тебя люблю, а ты?
И вот уже вдали разлукой в полземли
Умчавшийся твой след, твой след...*

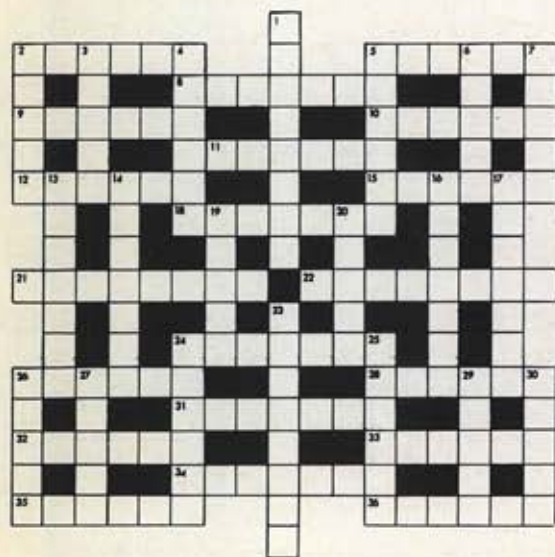
ПРИПЕВ:
*Где взять мне силы разлюбить тебя,
Не видеть горьких снов?
Где взять мне силы развенчать тебя,
Не верить в нежность слов?
Где взять мне силы не простить тебя
И болью той не жить?
Где взять мне силы разлюбить тебя,
Забуть тебя, забыть, тебя забыть.*

*Так заведено, рейс не отменить,
Время подошло, и все...
«Красная стрела» в памяти моей
Пламенем прошла, и все...
«Красная стрела» сердце обожгла,
Счастье унесла, и все...
И только тишина ко мне теперь нежна,
Ко мне теперь нежна, нежна.*

ПРИПЕВ.

К Р О С С В О Р Д

Составила И. СЕМЕНОВА,
Новосибирск

По горизонтали:

2. Река в Афганистане и Туркмении.
5. Французский писатель XIX века.
8. Советский ледокол-атомоход.
9. Традиционная одежда японцев.
10. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники».
11. Город в Горьковской области.
12. Роман О. Гончара.
15. Награда за достижения в науке, культуре, спорте.
18. Роман А. Б. Чаковского.
21. Город в Саратовской области.
22. Украинский композитор, Герой Социалистического Труда.
24. Роман Д. Дефо.
26. Советский композитор, пианист, органист.
28. Шест, к которому прикрепляется полотнище знамени, флага.
31. Верхняя створка окна, двери.
32. Бальный танец.
33. Композитор, автор оперы «Вертер».
34. Олимпийская чемпионка в парном фигурном катании на коньках.
35. Стихотворение Н. А. Некрасова.
36. Состязание, гонки на спортивных судах.

По вертикали:

1. Итальянский поэт эпохи Возрождения.
2. Модель декорации.
3. Герой трагедии Шекспира.
4. Тропическое дерево в саваннах Африки.
5. Столица Баварии.
6. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры».
7. Поляна среди леса.
13. Ответ к задаче.
14. Столица Кении.
16. Арифметическое действие.
17. Город в Андийской области.
19. Вербка с петлей для ловли животных.
20. Французский писатель.
23. Морской головоногий моллюск.
24. Спортивный судья.
25. Французский математик, иностранный почетный член Академии наук СССР.
26. Быстрое движение лошади, один из видов аллюра.
27. Герой рассказа М. Горького «Старуха Изергиль».
29. Малая планета.
30. Река, впадающая в Белое море.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12

По горизонтали:

3. Дисплей.
4. Мазурук.
8. Новокузнецк.
10. Эскиз.
11. «Кюхля».
13. Косинус.
16. Араго.
17. Кроль.
18. Альпинизм.
19. Протектор.
21. Тамга.
23. Орион.
25. Коваленок.
28. Тайнмут.
31. Автокар.
32. Саксаул.
33. Стриж.
34. Озеро.
35. Полесье.
36. Плашка.
37. Чавыча.

По вертикали:

1. Эпидот.
2. Куница.
3. Дернина.
5. Капсюль.
6. Окулист.
7. Аспирантура.
9. Электроника.
12. Калица.
13. Котильон.
14. Скворцов.
15. «Болеро».
20. Балластер.
22. «Магнитка».
24. Ипподром.
26. Функулер.
27. Звездочет.
29. «Кажовка».
30. Кульман.

В ТАЛЛИНСКОМ ЗАЛИВЕ.

НОЧНЫЕ ВСПЛОХИ.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Для эха нужен лес. Большой-большой. А еще нужно небо. Высокое, ясное, чтоб голова закружилась, если посмотреть вверх. К этому неплохо добавить утро. И человека, пусть даже маленького, такого, как Ленька. Совсем не беда, что ему только сегодня исполнилось три года. Теперь он стал большой. Говорит не только все буквы, но и слова. Вот послушайте: «Зойка», «Сойка», «Ой-ка»...

Правда, так много слов сразу прокричал не один он. Там, в лесу, кто-то передразнивает Леньку. И «Сой-ка» и «Ой-ка» доносятся откуда-то из сизого лесного мрака. Может, птица какая?.. Или сам лес кричит?..

Ленька знает, что потерялся в лесу, отстал от пятилетней сестренки Зойки. Ведь говорил он ей, что не нужны ему колокольчики. Пусть теперь сама играет в них. Леньке жалко Зойку. Попадет ей от матери. Это она увела его в лес за цветами. Хочется Леньке испугаться, зареветь во весь голос... Однако ж любопытство сильнее страха: кто там все-таки передразнивает?.. Ленька бежит по росистой траве, громко кричит: «Зой-ка!..» Но из леса опять кто-то смеется над ним. Пробует он кричать

ОПУШКА ЛЕСА.

